

Государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

На правах рукописи

Устинов Алексей Валерьевич

РОМАН Д.Л.МОРДОВЦЕВА «ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА XIX ВЕКА

Специальность 10.01.01 – русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Ю. В. Лебедев

Кострома – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Русский исторический роман XIX века	
1.1 Становление и развитие русского исторического романа XIX в.	20
1.2 «Обычный человек» как герой исторического романа 1830-1840-х гг.	41
1.3 «Исторический человек» в историческом романе 1860-1880-х гг.	56
Глава 2. Роман «Великий раскол»: история и современность	
2.1 Художественный мир Даниила Мордовцева	96
2.2 История создания романа «Великий раскол»	116
2.3 Русское старообрядчество в романе Мордовцева	134
Глава 3. Художественность романа «Великий раскол»	
3.1 Художественное своеобразие романа «Великий раскол»	151
3.2 Образы протопопа Аввакума и патриарха Никона	175
3.3 Образы боярыни Морозовой и царевны Софьи	189
Заключение	212
Условные обозначения	216
Список использованных источников и литературы	217

ВВЕДЕНИЕ

Исторический роман – один из самых популярных жанров русской литературы XIX века. К истории в своём творчестве обращались А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов. Такие произведения, как «Капитанская дочка» Пушкина, «Тарас Бульба» Гоголя, «Война и мир» Толстого, несомненно, являются не только примерами художественного осмысления исторического прошлого, но и выдающимися творениями отечественной прозы. Признанными мастерами жанра исторического романа считаются писатели «второго ряда» – М. Н. Загоскин, И. И. Лажечников, Е. А. Салиас, Вс. С. Соловьев, Г. П. Данилевский.

В числе наиболее известных «историков-беллетристов» второй половины XIX века одно из наиболее значимых мест принадлежит Даниилу Лукичу Мордовцеву (1830–1905), автору внушительного числа исторических романов, повестей и рассказов. Серьёзную прижизненную популярность своему автору завоевали такие произведения, как «Идеалисты и реалисты» (1878), «Великий раскол» (1880), «Державный плотник» (1899).

И всё же, несмотря на достаточно большое число современных (1990–2014) переизданий самого широкого круга исторических романов и повестей Мордовцева, в советском и российском литературоведении место и роль этого писателя в отечественной литературе должным образом не определены. Не установлена связь между своеобразием современной Мордовцеву общественной жизни и характером художественной интерпретации писателем российской и мировой истории.

Причина тому видится в недостаточной, на наш взгляд, изученности исторического романа XIX века. До сих пор существует только одна обобщающая работа, ему посвящённая, – монография С. М. Петрова 1964 года, с последующим переизданием 1984 года¹. Из других близких по тематике исследований следует отметить диссертацию доктора филологических наук А. Ю. Сорочана «Формы

---

¹ Петров С. М. Русский исторический роман XIX в. М., 1984. 374 с.

репрезентации истории в русской прозе XIX века» (2008)², в которой также была отмечена явная недостаточность в изучении художественной литературы исторического направления³. Нельзя не согласиться и с Е. Н. Пенской, считающей, что «исторический роман подготовил классику»⁴. Формирование русской классической литературы непосредственно связано со становлением исторических жанров – драмы, поэмы, повести и романа.

Роман Д. Л. Мордовцева «Великий раскол» был создан осенью 1879 года, в самый разгар противостояния властей и революционных народнических групп⁵. Эти годы отличались нараставшим острым политическим кризисом, начало которого пришлось на завершение русско-турецкой войны 1876-1878 гг.⁶. Радикализация общественных отношений проявилась в целом ряде политических судебных процессов над участниками народнического движения, а также в череде покушений на императора Александра II, одно из которых привело к гибели русского царя 1 марта 1881 года. «Он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные», – взывал к общественности Исполнительный комитет «Народной воли» в прокламации от 22 ноября 1879 года⁷.

Вслед за романом «Знаменья времени», увидевшим свет в 1869 году и в скорости запрещенным по политическим мотивам, «Великий раскол» также стал откликом писателя на актуальную проблематику своего времени, теперь уже в форме исторической метафоры.

Встреченный критикой более чем прохладно, роман, тем не менее, пришелся по душе самой широкой читательской аудитории, выдержав в период

---

² Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. Дис. ... докт. филолог. наук. Тверь. 2008. 400 с.

³ Там же, с. 16.

⁴ Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 474.

⁵ Антонов В. Ф. Революционное народничество. М., 1965. С. 231.

⁶ Воронин В. Е. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (кон. 1870-х – серед. 1880-х). М., 2010. С. 23-27.

⁷ От Исполнительного комитета. СПб., 22 ноября 1879. Л. 10 // ГАРФ Ф. 109. Оп. 3. Ед. хр. 1288.

до 1915 года несколько изданий. Следует отметить, что в прижизненной критике можно наблюдать принижение художественных достоинств как исторических произведений Мордовцева, так и его романов о современности. Резкой отповеди рецензента «Отечественных записок» удостоился роман «Новые русские люди» (1870). Литератор был обвинен в том, что тот «ввел читателя в заблуждение», вместо «новых людей» показав гоголевские «свиные рыла»⁸. Созданная в остром сатирическом ключе рецензия не отметила в произведении никаких достоинств, уверяя публику в бессмысленности самого обращения к роману: «даже самый учтивый читатель и тот спешит поскорее раскланяться с рекомендуемыми ему пристанодержателями пустопорожности и закрывает книгу, чтобы никогда не возвращаться к ней»⁹.

Таким же злобным и ерническим был тон критической статьи Н. И. Субботина «Историк-беллетрист», посвященной роману «Великий раскол». Появление романа публицист назвал «печальным признаком крайнего упадка нашей изящной литературы»¹⁰, а самого автора обвинил в кощунствах насчет одного из главных героев произведения – протопопа Аввакума, кощунстве с именами святых и «святейшим лицом Богочеловека»¹¹. Называя Мордовцева «наш забавный историк-беллетрист»¹², Субботин в негативном ключе интерпретировал основную, по его мнению, идею произведения, что «существование одной господствующей церкви, именно православной <...> противно принципу свободы совести и есть величайшая несправедливость»¹³.

Следует отметить предпринятую критиком попытку текстологического анализа романа с целью выявления тех источников, на которые опирался Мордовцев при создании своего произведения. Кроме замеченных следов

---

⁸ [Б/п] Новые русские люди. Роман Д. Мордовцева // Отечественные записки. 1870. №. 7. С. 46.

⁹ Там же, с. 49.

¹⁰ Субботин Н. А. Историк-беллетрист // Русский вестник. 1881. № 5. С. 149.

¹¹ Там же, с. 191.

¹² Там же, с. 206.

¹³ Там же, с. 213.

«Истории России» С. М. Соловьева^{14,15}, Субботин указал на «рабские воспроизведения ошибок статьи Тихонравова¹⁶ о Морозовой», заимствования из «Жития протопопа Аввакума» прямой авторской речи посчитал «вульгарными вставками»¹⁷, а описанную казнь Разина – «отвратительными подробностями», составленными по руководству Костомарова¹⁸.

В схожем с Субботиным тоне в 1894 году об исторических романах Мордовцева высказался критик Н. Н. Соколов, обвинивший литератора в исторической близорукости. Считая, что Мордовцев «проспал великое движение, происходившее перед его глазами», Соколов пытался уверить читателя в необходимости поддерживать борьбу с «безумной обрядностью, с безжизненным застоём, хотя бы они носили на себе все признаки самой надревнейшей старины»¹⁹.

В целом следует отметить, что историческая романистика последней трети XIX века в русской критике не находилась в центре пристального критического внимания. В отличие от периода 1830-1840-х гг., когда исторический роман вышел на первый план русской литературы, 1860-1880-е годы, как второй по очередности период подъема исторической романистики, отмечены существенно более равнодушным отношением к этому жанру. В журнальной практике были распространены уничижительные эпитеты «мордовщина» и «зотовщина»²⁰, по именам двух плодовитых и популярных представителей жанра, Д. Л. Мордовцева и Р. М. Зотова. Положительные рецензии на исторические романы были столь же редки, как и оценки всего направления в активно развивавшейся критике последней трети XIX века. В обиход вошли суждения, близкие мнению

---

¹⁴ Там же, с. 153.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I-XXIX. Спб. 1851-1879.

¹⁶ Тихонравов Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола // Русский вестник. 1865. Т. 59. С. 5-36.

¹⁷ Субботин Н. И. Историк-беллетрист. С. 180.

¹⁸ Там же, с. 189.

¹⁹ Соколов Н. Н. Петр Великий и Вальтер-скотты-могильщики // Русская старина. 1894. № 3. С. 188

²⁰ S. S. [Шашков С. С.] Историки-романисты и историки-журналисты // Дело. 1879. № 12. С. 262.

Ф. М. Достоевского, считавшего, что коллеги по литературному цеху перестали понимать современную жизнь и потому обратились к области прошлого²¹.

Едва ли не первым научным обзором отечественной исторической романистики XIX века можно считать работу А. М. Скабичевского «Наш исторический роман в его прошлом и настоящем» (1890). В этом историческом обзоре автору удалось вскрыть предысторию русского исторического романа, отметив важность влияния сентиментализма и классицизма на ранних этапах становления жанра²². Среди присущих историческому роману положительных качеств Скабичевским были отмечены «историческое беспристрастие, полное отсутствие каких-либо патриотических славословий и трезвый реализм»²³.

Немаловажное место русскому историческому роману второй половины XIX века было уделено в книге К. Ф. Головина «Русский роман и русское общество» (1897). Придерживавшийся аристократических взглядов на литературу, Головин отдал безусловное первенство в отечественной романистике романам «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Князь Серебряный» А. К. Толстого²⁴. В работе можно заметить ряд крайне скептических высказываний автора по проблеме общенациональной целостности, подобных следующей фразе: «Нам, стало быть, ни о каком восстановлении народного единства и народной самостоятельности мечтать не приходилось»²⁵.

Жанровая проблематика исторического романа неоднократно затрагивалась в работах русских и советских литературоведов 1910-1930-х гг. Первой попыткой научной классификации произведений исторического романа можно признать опубликованные в 1926 году тезисы В. В. Сиповского «Русский исторический роман первой половины XIX ст.». Автором были предложены определения для нескольких видов исторических романов, разграничена их общая тематика по

---

²¹ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 27. Л., 1984. С. 8; [Б/п] Соловецкое сиденье. Историческая повесть из времен начала раскола на Руси, Д. Мордовцева, М. 1880 г. – Великий раскол. Исторический роман в 2-х ч., его же. Спб, 1881. // Вестник Европы. 1881. № 8. С. 888.

²² Скабичевский А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем. Т. 2. Спб. 1890. С. 654.

²³ Там же, с. 677.

²⁴ Головин К. Ф. Русский роман и русской общество. Спб. 1914. С. 386.

²⁵ Там же, с. 119.

периодам и регионам «Жизнь Древней Руси», «Жизнь Украины», «Русская жизнь XVII – нач. XIX вв.»²⁶, а также отмечена общая эволюция исторического романа XIX века от «героического» к «бытовому»²⁷.

Тему художественного воспроизведения исторической действительности в русской прозе XIX века затронул в своей работе «О языке художественной литературы» В. В. Виноградов, обративший внимание на важную роль в историческом повествовании декламативно-риторического стиля, былинно-сказочных мотивов, призванных способствовать лучшему восприятию описываемой исторической эпохи²⁸. Был отмечен учёным и мемуарно-исторический тип исторического романа, присущий произведениям, посвященным русской жизни XVIII – начала XIX вв.²⁹ Им же были разграничены два периода читательского интереса к историческим направлениям в художественной литературе: 1820-1840-е годы как период, связанный с популярностью исторической прозы, и 1860-е годы как период наивысшего расцвета исторической драмы³⁰.

Еще одним важнейшим аспектом, связанным с романом «Великий раскол» и русской исторической романистикой XIX века, была проблема староверов, или «раскольников», как принято было называть в прошлом представителей русского православия, не принявших церковные реформы второй половины XVII века. Официальное отношение к старообрядцам колебалось от периодов активных гонений до периодов замалчивания и полного игнорирования.

Изображение старовера-раскольника в художественной литературе первой половины XIX века было, как правило, крайне негативным, раскрывающим господствующие представления о «мраке» допетровского времени. После реформы 1861 года изоляционистское отношение к «расколу» сменилось повышением интереса со стороны историков и социологов. В качестве наиболее

---

²⁶ Сиповский В. В. Русский исторический роман первой половины XIX ст. Л., 1926. С. 2.

²⁷ Там же, с. 6.

²⁸ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. с. 527.

²⁹ Там же

³⁰ Там же, с. 529.

важных работ того времени, отражавших изменение в научной среде отношения к представителям древлеправославия, можно указать монографию А. П. Щапова «Земство и раскол» (1861), очерки И. И. Каблицы «Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане» (1881), А. С. Пругавина «Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства» (1882) и др. Характерным мотивом, определявшим интерес исследователей к феномену староверия, было страстное желание узнать народ, сойтись с ним и понять его мировоззрение³¹.

Вопросы, связанные с представлением старообрядчества в русской литературе XIX века, затронуты в работах В. В. Боченкова о творчестве П. И. Мельникова-Печерского³². Исследователю удалось выявить несколько характерных черт, связанных с самим подходом к художественному воплощению древлеправославия, а именно: акцентирование отрицательных качеств в характере персонажа, описание невежества и безграмотности, обоснование антигосударственной деятельности старообрядцев. Сложно не согласиться с мнением В. В. Боченкова, что зачастую литераторы изображали не реальных старообрядцев, а воплощали в художественном произведении свои представления о старообрядчестве³³.

Старообрядческий мир изображался мрачным, жестоким, невежественным. Авторы отрицали саму возможность какого-либо исторического развития на основании старообрядческих идей. Роль староверов в истории, особенно в периоды государственных нестроений, интерпретировалась как крайне негативная.

В творчестве Д. Л. Мордовцева эти стереотипы подверглись решительному пересмотру, что позволило литератору акцентировать внимание читателя на гуманистической и общехристианской сущности старообрядчества. Для

---

³¹ Сажин Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70-80-е гг. XIX века). Дис. канд. ист. наук. М., 2005. С. 70.

³² Боченков В. В. 1) Творчество П. И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской литературе XIX века. Дис. ... канд. филолог. наук. М., 2005. 179 с.; 2) П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008. – 347 с.

³³ Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество. С. 19.

преодоления сложившейся идейной тенденциозности Мордовцеву приходилось искать свой собственный, зачастую новаторский почерк для воссоздания портретов отвергнутых официальной церковью подвижников прошлого, порой и ценой собственной жизни остававшихся верными традициям русского благочестия.

Актуальность настоящей диссертации обусловлена не только важностью изучения произведений исторической прозы XIX века и романа «Великий раскол», но и высокой популярностью в современной литературе исторической тематики. Исследование особенностей «Великого раскола», в сравнении с другими историческими романами XIX в. позволяет прояснить роль образа исторического героя в литературе 1860–1880-х гг., установить формы использования документально-исторических и фольклорных источников в русской исторической прозе, выявить тематическую и типологическую структуру исторической романистики XIX века, прояснить механизмы взаимодействия исторической науки и художественной литературы в периоды 1830–1840-е и 1860–1880-е гг., характеризующиеся наиболее высокой читательской востребованностью исторической романистики.

Степень разработанности диссертации отличается заметным контрастом между большим количеством исследований, посвящённых классическим образцам русского исторического романа («Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого), и фрагментарностью в изучении творческого наследия писателей «второго ряда» – Г. П. Данилевского, М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева и др. А художественное творчество Мордовцева до сих пор остаётся практически вне широкого исследовательского интереса.

В числе специальных работ, относящихся к изучению исторической романистики Мордовцева, можно назвать диссертации кандидата филологических наук Л. А. Мещеряковой «Исторические романы Д.Л. Мордовцева (проблемно-тематический и художественный аспект)» (1995) и Н. А. Варгановой «Д. Л. Мордовцев: Проблемы научной биографии периода 1840–1880-х годов» (1997), а

также монографию А. Ю. Сорочана «“Квазиисторический роман” в русской литературе XIX века: Д. Л. Мордовцев» (2007). Творческой биографии писателя посвящена диссертация кандидата филологических наук В. С. Момота «Д. Л. Мордовцев – писатель-демократ» (1984), но её современная значимость в виду ограниченности исследовательских установок в настоящий момент снижена. К тому же, в силу выявленных нами новых биографических источников в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, эта работа не может считаться полной.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы исследованы в диссертации кандидата филологических наук Ким Сун Хуна «Аввакум и его сочинения в русской науке и литературе 2-й половины XIX – начала XX века» (2001). В частности, в этой работе в связи с проблематикой исследования раскола русской церкви во второй половине XIX века рассмотрен образ протопопа Аввакума в романе «Великий раскол».

Важную роль в популяризации творчества Мордовцева, а также фактическом начале научного изучения исторической прозы писателя в новейшем литературоведении сыграли работы 1990-1994 гг. Ю. В. Лебедева, С. И. Панова и А. М. Ранчина, Ю. В. Сенчулова.

Следует отметить, что творчество целого ряда других исторических романистов XIX века исследовано в значительно большей степени. Так, Вс. С. Соловьеву посвящены диссертации кандидатов филологических наук С. А. Васильевой «Творчество Вс. С. Соловьева и проблемы массовой литературы» (2009), С. М. Ляпиной «Роман Вс. С. Соловьева “Царь-девица” в контексте авторского и национального мирообраза» (2014), диссертация доктора филологических наук Е. В. Никольского «Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции» (2014); И. И. Лажечникову посвящены диссертации кандидатов филологических наук Исуповой С. М. «Эволюция прозы И. И. Лажечникова: Проблемы метода и жанра» (2000) и Чирковой А. В. «Романы И. И. Лажечникова в историко-культурном контексте» (2006), А. Ф. Вельтману посвящена диссертация кандидата филологических наук О. А. Скачковой «Художественное своеобразие фольклорно-исторических

романов А. Ф. Вельтмана "Кощей бессмертный" и "Светославич, вражий питомец"» (2004), Н. А. Полевому посвящены диссертации Козаровицкой З. Н. «Историческая беллетристика Н. А. Полевого» (1992), Степановой (Пономаревой) М. Г. «Историческая беллетристика Н. А. Полевого» (1999).

История формирования жанра русского исторического романа была исследована в работе И. П. Щерблыкина «У истоков русского исторического романа» (1992). Общим вопросам развития жанра посвящены диссертации докторов филологических наук Е. В. Жаринова «Историко-литературные корни массовой беллетристики» (1999), Малкиной В. Я. «Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века» (2001), А. Ю. Сорочана «Формы репрезентации истории в русской литературе XIX века» (2007), кандидата филологических наук В. Д. Линькова «Типы русского исторического романа 20 – 30-х годов XIX века» (2001) и др.

Объектом исследования данной диссертации является проблематика и поэтика романа Д. Л. Мордовцева «Великий раскол» в контексте становления и развития русского исторического романа XIX века.

Предмет исследования – жанровая и стилистическая специфика исторического романа Д. Л. Мордовцева «Великий раскол» в типологических и генетических связях с русской исторической романистикой, документальными источниками и русской исторической наукой первой и второй трети XIX века.

Материал исследования

В исследовательский оборот вовлекаются исторические романы А. С. Пушкина, Ф. В. Булгарина, А. Ф. Вельтмана, М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова, К. П. Масальского, Р. М. Зотова, Н. А. Полевого, Е. П. Карновича, Г. П. Данилевского, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева. Привлекаются документальные источники – «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», «Житие боярыни Морозовой», «Судное дело Патриарха Никона». Рассматриваются исторические труды Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, А. П. Щапова, С. М. Соловьёва.

Основной целью настоящей работы является установление наиболее значимых особенностей художественного мира Д. Л. Мордовцева как исторического романиста, проявившихся в романе «Великий раскол», и сопоставление этих особенностей со своеобразием общего развития исторического направления русской литературы XIX века.

Целью исследования является изучение художественного историзма Мордовцева, наиболее ярко проявившегося в романе «Великий раскол» и отражающего его творческие и идейные установки, а также выяснение места исторической прозы писателя в процессе развития русского исторического романа XIX века.

Для достижения этой цели в диссертации поставлен **ряд следующих задач:**

1. Изучить архивное наследие Мордовцева (письма, рукописи, черновики, домашние альбомы) на предмет выявления сведений о мировоззрении и общих творческих установках писателя.
2. Сопоставить эпистолярное, публицистическое, научное и художественное наследие Мордовцева с целью выявления характерных приёмов литературной обработки исторических фактов и явлений. Установить содержательную взаимосвязь между различными жанрами в творчестве писателя.
3. Исследовать характерные черты и типологические приёмы изображения человеческих характеров в исторической романистике XIX века и определить их эволюцию.
4. Выявить общие принципы и подходы к раскрытию эпохи смут и государственных потрясений в русском историческом романе XIX века.
5. Определить эволюцию художественного освещения Раскола русской церкви в отечественной литературе XIX века.
6. Выявить особенности поэтики романа «Великий раскол», наиболее характерные композиционные, жанровые и типологические его черты.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

Сформулированы наиболее характерные признаки художественного стиля романа «Великий раскол» в неразрывной связи с научно-историческим, публицистическим и художественным творчеством писателя.

Выявлено своеобразие взгляда Мордовцева на Раскол русской церкви и старообрядчество.

Исследованы приёмы художественного изображения Раскола русской церкви в романе «Великий раскол» в сравнении с особенностями раскрытия темы смут и государственных потрясений в русской исторической романистике XIX века.

Определены различия в подходах к изображению личности человека в русском историческом романе в периоды 1830–1840-х и 1860–1880-х годов.

Раскрыты типологические и генетические переключки образа боярыни Морозовой в романе «Великий раскол» (1880) и картине В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (1887), на которой героиня предстала перед зрителем уже не той однозначно одиозной фигурой, как было принято изображать староверов до романа Мордовцева.

Исследован и охарактеризован литературный тип «идеалиста» как основной и наиболее часто встречающийся в художественно-историческом творчестве Мордовцева.

Выявлены особенности использования в романе «Великий раскол» текста «Жития протопопа Аввакума» и других исторических и публицистических источников.

Заключения и выводы диссертации опираются на впервые введённые в научный оборот архивные документы, относящихся к эпистолярному и творческому наследию Мордовцева и ряда других отечественных литераторов, обращавшихся к исторической романистике.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном исследовании творческих, научных и идейных установок автора и их художественного воплощения в романе «Великий раскол». В диссертации раскрывается своеобразие принципов типизации человеческой личности как в

русском историческом романе вообще, так и в ряде произведений Д. Л. Мордовцева.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования основных положений, наблюдений и выводов диссертации в дальнейшей разработке теории исторического романа, в научном изучении творчества Д. Л. Мордовцева, в исследовании истории художественной интерпретации различных исторических событий, в особенности, истории Раскола русской церкви XVII века и старообрядчества.

Методология исследования основана на применении различных литературоведческих и историографических методов, что связано с необходимостью определить степень взаимосвязанности двух важнейших составляющих исторического романа – истории как науки и истории как фабульной и документальной основы художественного текста. Комплексный подход к исследованию романа Мордовцева в контексте становления и развития русского исторического романа потребовал сочетания в диссертации историко-теоретического, сравнительно-исторического, типологического, историко-функционального и системно-структурного методов исследования.

В работе над диссертацией мы опирались на труды по теории литературы М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, Е. А. Прокофьевой, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы, В. Е. Хализева, Б. М. Эйхенбаума, на исследования по истории и теории исторического романа М. Г. Альтшуллера, В. А. Недзвецкого, Н. Е. Носова, С. М. Петрова, Б. Г. Реизова, А. Ю. Сорочана, И. М. Тойбина, И. П. Щерблыкина, на работы по истории русского романа С. Г. Бочарова, К. Ф. Головина, Ю. В. Лебедева, Л. М. Лотман, П. Н. Сакулина, А. М. Скабичевского, А. Н. Пыпина, В. В. Сиповского, Г. М. Фридлендера, на труды по общехудожественной проблематике С. М. Бонди, В. В. Ванслова, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Манна, на историографические и библиографические работы В. И. Межова, А. В. Мезьер, Н. А. Рубакина, А. Л. Шапиро, на работы по философии Н. И. Кареева, В. М. Межуева, Р. И. Иванова-Разумника,

Б. Н. Чичерина, на труды по истории русской критики В. И. Кулешова, В. В. Тихомирова и др.

Положения, выносимые на защиту

1. Исследование характера типизации героя исторического романа в различные периоды наивысшей популярности этого жанра в русской литературе XIX века позволило сделать вывод о двух различных типах изображения человека: о «простом человеке» как носителе идеализированных общенациональных черт в историческом романе 1830–1840-х гг. и об «историческом человеке» как выразителе представлений об исторической индивидуальности и подлинности в историческом романе 1860–1880-х гг.
2. Для исторического романа характерным является не просто литературная интерпретация истории, но полноценное осмысление прошлого художественными средствами, включающее в себя определенную философскую концепцию, документальную основу произведения и художественное пространство в качестве той среды, в которой соединяются история и философия. Художественная условность исторического романа служит выражению авторских идей, проявляющихся в своеобразии представлений о социальных, культурных, общественно-политических и религиозных особенностях изображаемой эпохи.
3. Исследование особенностей художественного мира Мордовцева позволило сделать вывод о следующих характерных чертах, раскрывающих творческие установки и мышление исторического писателя: именование, разнообразие персонажей, игровая стилизация, художественная деталь, анимализмы, образы мировой культуры, перспективная историчность.
4. Соединение Мордовцевым в образах протопопа Аввакума и боярыни Морозовой принципов изображения «простого» и «исторического» персонажа позволило по-новому раскрыть историческую роль этих представителей эпохи первых лет русского Раскола. Преодолевая стереотипные представления своего времени о «мраке» и «невежественности» допетровских времён, Мордовцеву удалось создать характеры, наделённые чертами общенационального значения, такими как религиозное подвижничество и преданность православной вере,

человечность и душевная красота, стремление помочь ближнему, готовность к самопожертвованию.

5. Сопоставление применённой в романе «Великий раскол» типизации художественных образов с персонажами других произведений Мордовцева, посвящённых тематике Раскола, позволяет говорить об определённом типе литературных персонажей – «страдающих идеалистах». Ключевой особенностью этих образов является то, что все они созданы на основании художественной реконструкции достоверно известных биографических подробностей жизни подлинных исторических лиц. Отличительными чертами типа «страдающего идеалиста» являются внутренняя гармоничность, духовная целостность, отсутствие глубоких внутренних моральных и религиозных противоречий. Главной сюжетобразующей особенностью произведений Мордовцева о Расколе является раскрытие этих внутренних качеств непосредственно в столкновении с дискриминирующим духовное и религиозное инакомыслие государственно-административным аппаратом.

6. Типологический отбор конкретно-бытовых деталей, восходящих к документальным подробностям из жизни различных исторических лиц, позволил автору создать в романе «Великий раскол» целый комплекс символических рядов, раскрывающих в художественной форме идейную проблематику произведения.

7. Изучение использования Мордовцевым в романе «Великий раскол» текста «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», позволило определить три различные формы стилистического проникновения исторического источника в текст художественного произведения – информационную, документальную и символическую.

8. Особенностью романа «Великий раскол», указывающей на его уникальное место в русской исторической прозе XIX века, является применение ряда драматургических приёмов в композиции романа, в диалогическом раскрытии внутреннего мира его персонажей, а также синтез разнообразных форм художественного повествования, присущих романтизму, реализму, натурализму, символизму.

9. Художественно-историческая ценность романа «Великий раскол» заключается в том, что в этом произведении Мордовцев воспроизвёл непреходящий конфликт двух различных начал отечественной истории, заключённый в противоборстве центробежных и центростремительных сил, а также отразил извечный российский конфликт государства и личности. Вместе с изображением трагических последствий Раскола Мордовцеву удалось наметить пути возможного воссоединения русского общества через развитие просвещения и культуры, через восстановление полноты национальных идеалов, включающих в себя не только представителей новообрядческой церкви и признанных государственных деятелей, но и героев старообрядческого движения, имеющих равные права на выражение русского национального идеала.

Степень достоверности настоящего исследования обеспечивается широтой охваченного материала (более 50 различных произведений), фундаментальным подходом к постановке задач, использованием различных исследовательских методов, фиксацией на каждом этапе проделанной работы теоретических выводов и практических результатов, обобщением итогов проведенного исследования художественных и публицистических текстов.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература», в частности, следующим его пунктам: п. 3 – история русской литературы XIX века (1880-1890-е годы), п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и её преломлений в художественном творчестве, п. 9 – индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии, п.14 – многообразие связей художественной литературы с «литературой путешествий» и сочинениями историков, п. 19 – взаимодействие литературы с другими видами искусства.

Основные положения диссертации прошли **апробацию** в форме научных докладов на следующих конференциях: «Раскол и старообрядчество в современной рефлексии» (Кострома 2012), «Время как сюжет» (Тверь 2013, 2014, 2015), «Романовские чтения» (Кострома 2013), «Духовные основы русской

литературы» (Кострома 2013), «Белые чтения» (Москва, 2013), «Бестиарный код культуры» (Москва 2013, 2014), «Российская государственность» (Владимир 2013, 2014), «Старообрядчество: история, культура, современность» (Москва 2014), «Малышевские чтения» (Санкт-Петербург 2014, 2015).

По теме диссертации опубликовано 16 работ, в том числе 6 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а так же 1 глава в коллективной монографии РАНХиГС (Владимирский филиал), отв. ред. Евстифеев Р. В.

ГЛАВА 1. РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН XIX ВЕКА

§ 1.1. Становление и развитие русского исторического романа XIX века

Исторический роман как жанровая разновидность эпической прозы сформировался в первой трети XIX века^{34,35}. Значительное влияние на развитие исторического направления в отечественной литературе было оказано всплеском интереса к национальной истории в 1810-1820-х гг., а так же распространением эстетики романтизма. И если пробуждение русского национального самосознания было связано в первую очередь с общенародным подъемом периода Отечественной войны 1812 года, то для европейских романтиков понятие историзма отражало сам дух эпохи, богатой событиями общеевропейского значения³⁶.

Становление исторических жанров в русской литературе первой четверти XIX века проходило во многом под влиянием произведений английских романтиков – Вальтера Скотта (роман, повесть) и Джорджа Гордона Байрона (поэма, драма). И если своим творчеством шотландский писатель утверждал новый для своего времени подход к художественному произведению как историко-философскому исследованию³⁷, то влияние Байрона распространялось на поэтизацию национально-освободительного движения³⁸, на соединение авторского субъективного начала с «панорамным» изображением народных масс³⁹. На формировании русской исторической художественной прозы сказалось усвоение созданных Вальтером Скоттом принципов исторического романа, а также творческая переработка найденных шотландским писателем формальных приемов, таких как использование образа мнимого автора, включение в

---

³⁴ Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л., 1958. С. 5.

³⁵ Петров С. М. Русский исторический роман XIX века. М., 1984. С. 10.

³⁶ Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М., 1966. С. 216.

³⁷ Реизов Б. Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. XXX. Вып. 4. С. 311.

³⁸ Елистратова А. А. Байрон. М., 1956. С. 254.

³⁹ Там же, с. 255.

повествование таинственных находок (рукописей и т.п.), особое построение диалогов, присутствие реального исторического лица на периферии всего действия и т.д.⁴⁰ При этом, как отмечал Б. Г. Реизов, воззрения русских писателей на мир, историю, искусство вполне могли быть и диаметрально противоположными взглядам британского писателя⁴¹.

Эстетика романтизма, раскрывавшая представление об уникальности национальной культуры, не могла быть усвоена иначе, нежели через обращение к историческому прошлому, в глубине которого и происходило формирование национальной самобытности. Абстрактный космополитизм классицизма постепенно сменялся, по меткому выражению профессора В. В. Сиповского, «индивидуализированными народностями» романтизма⁴². Историческая конкретность, зачастую недоступная искусству предыдущих эпох, в романтизме получила степень значительно более высокую, нежели в предшествующей эстетике Классицизма⁴³. Представители романтического направления, как справедливо считал В. В. Ванслов, стремились раскрыть особенности искусства национальными корнями, самой историей породивших это искусство народов.⁴⁴

При этом в условиях национального подъема обращение к истории носило заметный идеологический оттенок, под маской исторических метафор позволявший скрывать события сегодняшнего дня и их выдающихся участников. Живой иллюстрацией взаимного влияния идеологии, истории и актуальной злободневности можно назвать ряд публикаций журнала «Сын отечества» за 1812 год. В одном номере вместе со страстным призывом к русскому обществу «Глас истины»⁴⁵ помещены басня И. А. Крылова «Волк на псарне»⁴⁶, а также

---

⁴⁰ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. Спб., 1996. С. 11-29.

⁴¹ Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. Л., 1965. С. 495.

⁴² Сиповский В. В. Пушкин и романтизм // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 234.

⁴³ Ванслов В. В. Эстетика романтизма. С. 219.

⁴⁴ Там же, с. 220.

⁴⁵ [Арднт, Э. М., пер. с нем.]. Глас истины // Сын отечества. 1812. Ч 1, I. С. 12-13.

⁴⁶ Крылов И. А. Волк на псарне // Сын отечества. 1812. Ч 1, I. С. 73-74.

монография В. Я. Струве «Поход Дария в Скифию»⁴⁷. В словах историка «корыстолюбивый завоеватель никогда не бывает доволен своим достоянием» прочитывается прямой намек на вторгшегося в Россию Наполеона: «таким образом, и Дарий не довольствовался пространством своим государством: он надеялся низвергнуть силою своею все престолы известного в то время мира, и, видя успешное исполнение многих своих предприятий, обратил властолюбивое око на землю свободных скифов»⁴⁸.

На противостояние Наполеона и Кутузова недвусмысленно намекал в известной басне Крылов: «Ты сер, а я, приятель, сед»⁴⁹. Прямым призывом к соотечественникам закончил статью об освобождении Швеции XVI века от датского короля Христиана II (1481-1559) преподаватель царско-сельского лицея, учитель А. С. Пушкина И. К. Кайданов: «Мужественные, благородные россы! Если шведы, народ слабый в сравнении с вами, попрали датского деспота, то можно ли сомневаться, что ваше мужество, терпение и примерная любовь к отечеству сокрушает силы всемирного тирана, дерзнувшего простерть свой меч и на вас?»⁵⁰ Военачальников противоборствующих армий с героями древнегреческой мифологии сравнил А. Х. Востоков в стихотворении-«дифирамбе» «К россиянам»: «Кутузов, как Алкид, / Антея нового теснит»⁵¹, а само французское вторжение автор сопоставил с завоеваниями «Чингисов и Атилл»⁵². Тесное переплетение мифологии, истории и современности прямо указывает на присущий новому художественному мышлению историзм. Конкретно-историческим содержанием наполнялось и представление о времени: «Промчался год, как вихрь ужасный / Обтек пространный круг небес», такими строками начал свое стихотворение «Песнь Россиянина на новый 1813 год» поэт князь Ширинский-Шихматов, подразумевая события еще не завершившейся

⁴⁷ Струве В. Я. Поход Дария в Скифию // Сын Отечества. 1811. Ч. 1, I. С. 125-140.

⁴⁸ Там же, с. 127-128.

⁴⁹ Крылов И. А. Волк на псарне. С. 74.

⁵⁰ Кайданов И. К. Освобождение Швеции от тиранства Христиана II, короля датского // Сын Отечества. 1812. № 10. С. 158.

⁵¹ Востоков А. К Россиянам // Сын Отечества. 1812. № 10. С. 166.

⁵² Там же

войны⁵³, говоря о «годе» не как об абстрактном временном отрезке, но именно о 1812-м – годе вторжения наполеоновской армии в Россию, даже в заголовок вынеся дату, подчеркивающую историческую конкретику.

В созданном осенью 1812 года стихотворении «Певец в стане русских воинов»⁵⁴ В. А. Жуковский прямо связал судьбу участников боевых действий с героями различных периодов русской истории: киевским князем Святославом, князем московским Дмитрием Донским, императором Петром I, упомянув при этом и поход Суворова через Альпы. Тогда как представитель старшего поколения, Г. Р. Державин, автор тематически схожего «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества», использовал преимущественно библейские апокалиптические образы, хотя и так же с упоминанием Петра I.⁵⁵

Важны и изменения, внесенные Жуковским в свое произведение для последующих публикаций: в зависимости от дальнейшей роли того или иного военачальника в развивавшейся военной кампании характеристики одних расширялись, тогда как значение других или изменялось, или их образы исчезали вовсе⁵⁶. Так, в опубликованном в 1815 году варианте стихотворения отсутствует П. В. Чичагов⁵⁷. «Я некоторые места поправил, – указывал поэт в письме к А. И. Тургеневу, – и жаль, если твой экземпляр напечатан по старому стилю; жаль, если в этом экземпляре остался Чичагов, которого я выкинул после той проказы, которую он с нами сыграл на переходе Березиной»⁵⁸.

Схожую взаимосвязь истории и современности демонстрировала историческая драма начала XIX века. На первом плане в пьесах тех лет стояли

---

⁵³ Ширинский-Шихматов С. А. Песнь россиянина на новый 1813 год // Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Т. 11. С. 3.

⁵⁴ Жуковский В. А. Певец в стане Русских воинов // Вестник Европы. 1812. № 23 и 24.

⁵⁵ Коровин В. Л. Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества» // Известия РАН: серия литературы и языка. 2012. № 6. С. 43.

⁵⁶ Петушков В. П. Примечания // Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4 т. М., Л., 1959. Т. 1. С. 431.

⁵⁷ Чичагов П. В. (1767-1849) – русский полководец, участник Отечественной войны 1812 г. После переправы через р. Березину обвинен в неспособности преградить неприятелю путь к отступлению. Остаток жизни провел в эмиграции.

⁵⁸ Жуковский В. А. Письмо Тургеневу А. И. 9 апреля 1813 г. // Русский архив. 1895. № 4. Приложение. С. 98.

понимаемые как всеобщие вопросы государственности⁵⁹, события прошлого содержали обязательный «урок» и «пример» для зрителя. «История наша богата делами великими, Государями славными и чертами разительными, – писал театральный критик Вестника Европы Дмитрий Иванов в отзыве на драму А. П. Плавильщикова «Ермак». – Многие эпохи ее дадут прекрасные содержания для театральных сочинений: нужен только творец, которой бы оживил нам Донских, Годуновых, Пожарских! – И что может быть приятнее для глаз, для сердца, как видеть, что любовь к отечеству является во всех отраслях нашей словесности!»⁶⁰

Генетически историческая драматургия начала XIX века реализовывала потенциал трагедий на историческую тему А. П. Сумарокова «Ярополк и Димиза» (1758), «Вышеслав» (1768), «Димитрий Самозванец» (1771). Тираноборческая топика, заданная основателем русского театра⁶¹, были близка и другому драматургу конца XVIII века – Я. Б. Княжнину, в трагедии которого «Рослав» (1784) ясно проявилась идея свободолюбия. Нельзя не согласиться с высказыванием О. Н. Бахтиной и Г. А. Заславского, что авторская «мысль о свободной России была в то же время мечтой о России будущего»⁶².

Вместе с этим исторические трагедии Сумарокова открыли отечественной сцене «голос народа», составив тем самым, по мнению И. Л. Вишневской, «величайшее художественное достижение русской драматургии XVIII века»⁶³.

Несмотря на достаточно широкое обращение драматургов конца XVIII – начала XIX веков к сюжетам прошлого, «историческими» трагедии были преимущественно по хронотопу, а сам документальный фон произведений

---

⁵⁹ Прокофьева Е. А. Мифопоэтика и динамика жанра русской исторической драмы XVII – XIX веков: барокко – романтизм. Днепропетровск, 2011. С. 18.

⁶⁰ Ивнв. Дм. [Иванов Д.] Замечания на трагедию: Ермак. (Письмо к Издателю). Вестник Европы. 1807. № 5. Ч. XXXII. С. 46-47.

⁶¹ Вишневская И. Л. Аплодисменты в прошлое: Сумароков и его трагедии. М., 1996. С. 161.

⁶² Бахтина О. Н., Заславский Г. А. Проблема историзма в русской исторической трагедии XVIII в. («Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова и «Рослав» Я. Б. Княжнина) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 11.

⁶³ Вишневская И. Л. Аплодисменты в прошлое: Сумароков и его трагедии. С. 201.

зачастую оттенялся за счет усиления идейного пафоса⁶⁴. Таковы исторические трагедии П. А. Плавильщикова «Ермак, покоритель Сибири» (1803) и В. Т. Нарезного «Дмитрий Самозванец» (1804). Разрыв между историческим правдоподобием и художественной интерпретацией был замечен даже современникам: «Для чего составлять трагедию из любовных похождения, когда они несовместны с обычаями лиц исторических?» – с явным неудовольствием восклицал критик журнала «Вестник Европы» по поводу драмы В. А. Озерова «Дмитрий Донской»⁶⁵. Тем не менее, идейное направление исторической трагедии современниками ценилось на очень высоком уровне. «Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, благотворителей современникам, служащих образцом для потомства»⁶⁶, – отмечал П. А. Вяземский в статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» значение творчества русского драматурга.

По мере развития «народных» и «свободолюбивых» тенденций в русской литературе становилась очевидной невозможность полноценного изображения героя народных масс, человека определенной исторической эпохи, с помощью устаревающих принципов классицизма⁶⁷. Рационализм эпохи Просвещения, игравший значительную роль в эстетике своего времени, к началу XIX века постепенно утрачивал позиции доминирующего мировоззрения. Складывающееся историческое мышление формировало «великий принцип развития»⁶⁸, что приводило к углублению существовавших идейных оппозиций и появлению новых. Трагедия Озерова «Дмитрий Донской» (1804) по своему содержанию не только соотносилась с современной политической ситуацией периода

---

⁶⁴ Прокофьева Е. А. Мифопоэтика и динамика жанра русской исторической драмы XVII – XIX веков: барокко – романтизм. С. 221.

⁶⁵ [Мерзляков А. Ф.] Дмитрий Донской, трагедия в 5 актах, в стихах, соч. г-на Озерова. // Вестник Европы. 1811. № 4.

⁶⁶ Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова // Сочинения. Т. 2. М., 1982. С. 29.

⁶⁷ Фридендер Г. М. Пушкин и пути русской литературы // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1967. Т. 5. С. 20.

⁶⁸ Петров С. М. Русский исторический роман XIX в. С. 4.

«наполеоновских войн»⁶⁹, но и указывала на открытие полемической доминанты «общее – частное», ставя вопросы о значимости человеческой личности перед лицом государства⁷⁰.

Формирующееся понимание истории в качестве процесса, как последовательной цепи взаимосвязанных событий, вынуждало искать эту непрерывность в обобщении известных по историческим хроникам сведений, в придании этому процессу логики на доступном современникам уровне. Увидевший свет в 1810-1820-х гг. многотомный труд Н. М. Карамзина «История государства Российского» стал одним из первых произведений, в которых история была представлена в виде единого текста, стилистически оформленного как литературное произведение. В этом труде Карамзина история как наука и словесность как искусство дополняли и взаимно обогащали друг друга.

Изданный в 1803 году трактат П. Ю. Львова «Храм славы российских Ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых», также претендовавший на художественное обобщение древней русской истории, в отличие от карамзинской «Истории», полностью подчинен риторическим условностям и являет собой пример проецирования «социально желаемого прошлого» в условиях отсутствия истории как вербального нарратива⁷¹.

Созданию «Истории» предшествовали внутренние эстетические и философские искания ее автора⁷². Уже в ранних исторических повестях Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792) и «Марфа Посадница» (1802) было

---

⁶⁹ «В 1807 году, – писал П. А. Вяземский, – когда взоры России устремлены были на борьбу храбрых сынов ее с силою грозного врага, готовившего цепи рабства Европе, Озеров в трагедии "Димитрий Донской" напомнил согражданам своим о великой эпохе древней славы России, когда на Задонских полях нанесен был сильный удар власти Мамаю, кичливого противника русской свободы» (Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова. С. 28-29.)

⁷⁰ Прокофьева Е. А. Мифопоэтика и динамика жанра русской исторической драмы XVII – XIX веков: барокко – романтизм. С. 239.

⁷¹ Вишленкова Е. А. Прошлое показанное (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. // Историческая культура императорской России. М., 2012. С. 396.

⁷² Эйхенбаум Б. М. Карамзин // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 204.

заметно стремление установить взаимосвязь между характером персонажа и окружающей его исторической реальностью.⁷³

Развитие эпической формы применительно к историографии явилось важным фактом для всеобщего литературного процесса – Б. М. Эйхенбаум, например, справедливо называл «Историю государства Российского» не столько историей, сколько героическим эпосом⁷⁴. «Слог ее не исторический, это скорее слог поэмы, писанной мерною прозой», – так оценивал особенности стилистики «Истории» В. Г. Белинский⁷⁵. Изображение писателем истории России как единого целого способствовало читательскому восприятию ее масштабности⁷⁶. С литературной же точки зрения «История» во многом отражала сентиментализм литератора, а описания характеризовались отсутствием «локальной и исторической окраски»⁷⁷. «История государства Российского» во многом была направлена на популяризацию политической концепции ее автора – «концепции государственной гармонии и стабильности»⁷⁸, что не могло не противоречить доминировавшему в кругах либерального дворянства новому общественному идеалу, составленному по «освободительным преданиям XVIII века и новейшему европейскому либерализму»⁷⁹. Вместе с этим, характерна и другая точка зрения на творчество Карамзина, отраженная в замечании Н. В. Гоголя на роль писателя в российской историографии: «исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять»⁸⁰.

Проведенное Карамзиным художественное исследование истории оказывало прямое влияние на развитие русской словесности своего времени.

---

⁷³ Кудреватых А. Н. Формирование жанра исторической повести в прозе Н. М. Карамзина // Филологический класс. 2012. № 1. С. 30.

⁷⁴ Эйхенбаум Б. М. Карамзин. С. 204.

⁷⁵ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая. // ПСС. Т. 7. М., 1955. С. 135.

⁷⁶ Мирский Д. С. Карамзин // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. London, 1992. С. 107-108.

⁷⁷ Там же

⁷⁸ Бокова В. М. Беспокойный дух времени // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. М., 2003. С. 62.

⁷⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1885. С. 473.

⁸⁰ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // ПСС. Т. 6. Москва – Киев, 2009. С. 56.

Младший современник литератора, А. С. Пушкин, видел его заслуги в «ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий»⁸¹. Новаторским можно признать изображение народа в единстве национального духа и в самобытности характера, воплощением которого явились «знаменитые люди и героические события русской истории»⁸². Важной была и попытка Карамзина отразить открывавшееся ему в памятниках древнерусской литературы мировоззрение прошлых эпох⁸³. Как признавался сам автор в предисловии к второму изданию «Истории», он целенаправленно стремился «представить и характер времени, и характер летописцев, ибо одно казалось мне нужным для другого»⁸⁴, что служило развитием выбранного еще в ранних исторических повестях направления на историческую и психологическую достоверность в изображении героев прошлого – «жизнь сердца», по меткому выражению В. Г. Белинского⁸⁵. Следует отметить и общее влияние историко-литературной деятельности Карамзина, определенной Ю. М. Лотманом как создание типа «нового русского культурного человека»⁸⁶.

Нельзя не отметить, что доминирование сентименталистских элементов в историческом труде Карамзина обусловлено не только индивидуальными особенностями стиля писателя, но и тем, что раскрытие новой для своего времени эстетики романтизма в прозаических и драматических произведениях русской литературы первой трети XIX в. происходило немного позднее, чем в поэтических жанрах – поэме и лирике⁸⁷. В целом 20-е годы XIX века в литературе отличались интенсивными поисками новых форм, многообразием направлений раскрытия общего творческого потенциала романтического искусства⁸⁸.

---

⁸¹ Пушкин А. С. <История русского народа, сочинение Николая Полевого > // Пушкин А. С. ПСС. Т. 11. М., Л., 1949. С. 120.

⁸² Лузянина Л. Н. Принципы художественного повествования в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // История русской литературы. Т. 2. Л., 1981. С. 85.

⁸³ Там же, с. 82.

⁸⁴ [Карамзин Н. М.] История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. XXIII.

⁸⁵ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая. С. 133.

⁸⁶ Лотман Ю. М. Карамзин. СПб, 1997. С. 25.

⁸⁷ Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М., 2007. С. 272.

⁸⁸ Петрунина Н. Н. Проза декабристов (романтическая повесть первой половины 1820-х гг.) // История русской литературы. Т. 2. Л., 1981. С. 181.

Характерным для своего времени являлось творчество А. А. Бестужева (Марлинского), в своих прозаических опытах обращавшегося к самым разнообразным жанрам. Его перу принадлежат «старинные» повести «Роман и Ольга» (1823), «Ревельский турнир» (1825), «Изменник» (1825), военные рассказы «Вечер на бивуаке» (1823), «Он был убит» (1835), готический рассказ «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (1830), были «Мореход Никитин» (1825), «Аммалат-Бек» (1831), записки «Ночь на корабле» (1825) и др. Несмотря на тематическую и сюжетную пестроту, их объединяет стремление раскрыть личность героев через «единую событийную цепь»⁸⁹. Кроме этого, следует отметить важный для всех упомянутых произведений элемент историчности – все они посвящены событиям прошлого и изображают «историю» с различными масштабами приближения.

Тем не менее, следует признать, что популярность прозаических жанров заметно уступала лирическим и драматическим, что приводило иногда к определению повести как «пьесы в прозе»⁹⁰.

«История государства Российского» Карамзина и исторические вариации Марлинского задали тон для последующего развития всей русской исторической прозы в двух направлениях – дидактическом, восходящем к моралистической прозе на историческую тему, и романтическом⁹¹. К первому направлению в литературе 1830-1840-х гг. вполне можно отнести произведения М. Н. Загоскина, Ф. В. Булгарина, Р. М. Зотова, ко второму – И. И. Лажечникова, Н. А. Полевого, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова⁹².

Еще до широкого признания национального исторического романа современниками отмечались отрывки из произведения Б. М. Федорова, опубликованного в «Отечественных записках» в 1824 и 1825 гг. – это были главы

---

⁸⁹ Вацуро В. Э. Лермонтов и Марлинский // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814—1964. М., 1964. С. 351.

⁹⁰ Историческое и критическое обозрение Российских Журналов, выходивших в свет в прошлом, 1820 году // Сын отечества. 1821. № 1. С. 11

⁹¹ Хаткова И. Н. Историческая тема в русской литературе 1830-годов и романы Ф. В. Булгарина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 57.

⁹² Там же

романа «Князь Курбский», увидевшего свет полностью только лишь в 1843 году с переизданием 40 лет спустя. Если для критика 1830-го года роман был поводом надеяться, что «мы не отстанем от других наций на сем трудном литературном поприще»⁹³, то сам полный текст в 1843 г., спустя почти двадцать лет после первых публикаций, выглядел уже по характеристике Н. А. Некрасова «анахронизмом»⁹⁴. Авторская установка на нравоучительность вполне характеризует понимание значимости дидактического потенциала исторического романа в момент формирования жанра.

Третье направление, художественное, было открыто произведениями А. С. Пушкина рубежа 1820-1830-х годов. Историческая тема в творчестве поэта демонстрирует значительную эволюцию от «волшебной истории» эпохи «Руслана и Людмилы» до строгого, почти аскетичного реализма «Бориса Годунова» и «Капитанской дочки». Интерес Пушкина к истории раскрылся как в художественных произведениях, так и в его исторических исследованиях, а гармония между документальным и художественным помогала поэту добиваться, по выражению С. М. Петрова, «иллюзии у читателя полной исторической правды изображаемого»⁹⁵. «Одна только определенная сторона в характере содержания может быть уловлена у Пушкина, – писал о поэте Н. Г. Чернышевский, – он хотел быть русским историческим поэтом»⁹⁶. Историческое мышление поэта, по мнению исследователей, значительно опередило свое время, а его сочинения составили важнейший этап в развитии передовой русской историографии⁹⁷. Вместе с этим, в творчестве Пушкина обозначились отличия между историографией и художественной литературой на исторические темы. По мысли И. М. Тойбина, несмотря на сближение творчества с историей, для Пушкина

---

⁹³ [Б/п]. Несколько общих слов о новом историческом романе Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Загоскина. // Отечественные записки. 1830. Ч. 1. № 117. С. 167.

⁹⁴ Некрасов Н. А. «Князь Курбский» Б. Федорова. Части первая-четвертая. «Камчадалка» И. Калашникова. Части 1-4. // ПСС. Т. 11. Кн. 1. Л., 1989. С. 129.

⁹⁵ Петров С. М. Исторический роман Пушкина. М., 1953. С. 145.

⁹⁶ [Чернышевский Н. Г.] Сочинения Пушкина. Статья вторая. // Современник. 1855. № 3. Т. 1. Отд. III. С. 30.

⁹⁷ Степанов Н. Н. Исторические воззрения А. С. Пушкина. Л., 1949. С. 5.

оставались различными их назначение и функции⁹⁸. Творчество Пушкина затронуло еще один значимый аспект проблематики исторического направления в литературе: соотношение факта и вымысла, правды документальной и правды художественной⁹⁹. «Исторический роман, – считал критик В. Г. Белинский, – есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством, есть дополнение истории, ее другая сторона»¹⁰⁰.

Соединение различных творческих методов помогало Пушкину преодолевать жанровые каноны и стилевые условности. Так, развитие основных романтических установок, на которые ориентировался поэт при создании поэмы «Полтава» (1829), позволило изначально по форме и содержанию «байронической» поэме перерасти, по словам В. М. Жирмунского, в «героическую эпопею с национально-историческим содержанием»¹⁰¹. «Олицетворением национальной идеи» считал созданный Пушкиным в поэме образ Петра К. Ф. Головин¹⁰², тем самым подтверждая мнение Н. Г. Чернышевского о том, что в своих исторических произведениях Пушкин стремился выразить «свое определенное созерцание явлений русской истории»¹⁰³. Новаторским было и объединение в рамках одного произведения сразу нескольких важных для самого Пушкина тем, таких как место России среди европейских держав, проблема ее многонациональности, значение и роль личности в истории¹⁰⁴. Современниками был отмечен и ряд проявившихся в поэме тенденций, актуальных для формирующейся русской литературы в целом. Ксенофонт Полевой обратил внимание на «оживление [Пушкиным] событий

---

⁹⁸ Тойбин И. М. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. Л., 1969. С. 38.

⁹⁹ Там же, с. 39.

¹⁰⁰ Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. ПСС. Т. 5. С. 42.

¹⁰¹ Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 76.

¹⁰² Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб., 1897. С. 61

¹⁰³ Чернышевский Н. Г. Сочинения Пушкина. Статья вторая. Там же.

¹⁰⁴ Бонди С. М. Комментарий: А. С. Пушкин. Полтава // Пушкин А. С. ПСС. Т. 3. М., 1960. С. 510-511.

русской истории»¹⁰⁵, а саму суть художественности произведения определил как сочетание «шекспировского спокойствия»¹⁰⁶ автора и «живой игры страстей»¹⁰⁷ действующих лиц, истинность которой придала «невидимая сила духа русского»¹⁰⁸.

Различие историзма «Бориса Годунова» и «Полтавы» проявилось в раскрытии исторических взаимосвязей и закономерностей. Если в поэме отразились представления о предопределенности появления фигуры Петра Великого, неизбежности и даже необходимости для России самодержавно-абсолютистской формы правления¹⁰⁹, то в «Борисе Годунове» Пушкиным была обозначена связанная со сменой исторических периодов проблема «исторического бытия»¹¹⁰.

На пушкинское стремление к художественному изображению «подлинности» события было обращено внимание еще современниками. А. А. Дельвиг в незаконченной статье о драме «Борис Годунов» (1831), рассматривая творческую эволюцию поэта, указал на богатство в «Полтаве» «поэзии истины»¹¹¹, а в самой драме обратил внимание на образ Годунова, «помощию увеличительного стекла» максимально приближенный к читателю, который, в свою очередь, благодаря мастерству поэта «признает подлинность» произведения¹¹². В этом стремлении признавался и сам Пушкин, указав в набросках к предисловию к своей драме, что «в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»¹¹³. Ориентация поэта на драматургию Шекспира и историографию Карамзина отражает характерный для рубежа 1820-

---

¹⁰⁵ Кс. П. [Полевой Кс.]. Полтава, поэма Александра Пушкина. Спб. 1829. // Полевой Н. А. Литературная критика. Л., 1990. С. 233.

¹⁰⁶ Там же, с. 234.

¹⁰⁷ Там же

¹⁰⁸ Там же

¹⁰⁹ Серман И. З. Художественная проблематика и композиция поэмы «Полтава» // А. С. Пушкин. Статьи и материалы. Ученые записки. Вып. 115. Горький, 1971. С. 28.

¹¹⁰ Надеждин Н. И. «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев // Пушкин А. С. Борис Годунов. Спб., 1996. С. 510.

¹¹¹ Дельвиг А. А. Борис Годунов // Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 269.

¹¹² Там же, с. 269.

¹¹³ Пушкин А. С. Наброски к предисловию Бориса Годунова // Пушкин А. С. ПСС. Т. 10. Л., 1979. С. 115.

30-х гг. творческий поиск, связанный с преодолением условностей классицизма в пользу нарождающегося реализма. Облечение в «драматические формы» событий начала XVII века, понимаемых Пушкиным как одной из «самых драматических эпох»¹¹⁴ – ничто иное как попытка осмыслить историю художественными средствами, по выражению Ф. Д. Батюшкова, «философия истории в художественном образе»¹¹⁵. В трагедии «Борис Годунов» Пушкину не только удалось преодолеть «узко художественные» и «ограниченно жанровые» задачи, но вместе с отказом от александрийского стиха в пользу пятистопного ямба, смешением трагического и комического в рамках драматического единства поэтом были обозначены проблемы философского осмысления прошлого: судьбы народов и движущие силы истории, внутренний мир человека и законы развития личности¹¹⁶. Подобное новаторство не могло не сказаться на восприятии современниками произведения в большей степени как «исторического романа», с чем соглашался и сам Пушкин, судя по письму 3 января 1827 года в адрес А. Х. Беккендорфа об отзыве на прочтение драмы императором Николаем I: «Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить»¹¹⁷. Неприятие читателем 1830-х гг. отступлений «Бориса Годунова» от драматических канонов отмечалось П. О. Морозовым: «большинство критиков говорили, что это – ни драма, ни поэма, ни повесть, а какой-вы выродок, которому нет имени в теории литературы»¹¹⁸. «Эпической поэмой в разговорной форме» призывал считать

---

¹¹⁴ Там же, с. 114.

¹¹⁵ Батюшков Ф. Д. Пушкин и Расин. СПб., 1900. С. 34.

¹¹⁶ Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб., 1996. С. 131.

¹¹⁷ Пушкин А. С. Письмо Бенкендорфу А. Х., 3 января 1827 г. Из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. ПСС. Т. 10. Л., 1979. С. 174.

¹¹⁸ Пушкин А. С. Борис Годунов : (Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве) : С портр. авт. и вступит. ст. П. О. Морозова. Спб., 1910. С. 22. (Ср. «Некоторых чересчур любопытных читателей и двух-трех журналистов занимает важная мысль: к какому роду должно отнести сие поэтическое произведение? Один называет его трагедией, другой драматическим романом, третий романическою драмой и так далее». – Дельвиг А. А. Борис Годунов. С. 268).

«Бориса Годунова» В. Г. Белинский¹¹⁹, отмечая при этом, что отсутствие должного драматизма в произведении, – «вина не поэта, а истории»¹²⁰. Тем самым Белинский подчеркивал, что именно следование Пушкиным «духу времени» есть, с одной стороны, заслуга его как автора, а с другой – ошибка как историка, выбравшего такой недраматический, с его точки зрения, момент отечественного прошлого. «Без Годунова все пошло бы так же точно, как и с Годуновым», – полагал критик¹²¹.

Характерное для литературных исканий 1820-х годов развитие принципа историзма происходило на фоне успехов русской историографии и дальнейшим повышением интереса к истории¹²². Вслед за «Историей Государства Российского» Н. М. Карамзина в 1820-1830-е гг. был создан целый ряд обобщающих трудов по отечественной истории, в числе которых самыми значительными признаются работы Н. А. Полевого, М. Т. Каченовского и И. Ф. Эверса¹²³. Формирование истории как науки усложняло и расширяло исследовательскую методологию: дипломатический, палеографический и филологический анализ позволял специалистам работать над «освобождением источников от вымыслов и фальшивок»¹²⁴.

Публикации русских летописей привлекли значительный интерес к этому важному источнику информации по древней русской истории. В русской исторической библиографии 1800-1854 гг., составленной В. И. Межовым, в разделе источников отечественной истории «Летописи, хронографы, временники» отмечено 129 различных материалов как справочного, так и научно-критического характера¹²⁵. Анализ интенсивности публикаций в период до 1828 г. включительно помогает отметить следующие периоды, связанные со всплесками

---

¹¹⁹ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая. // Белинский В. Г. ПСС. Т. 7. С. 505.

¹²⁰ Там же, с. 508.

¹²¹ Там же

¹²² Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., С. 355.

¹²³ Там же, с. 357.

¹²⁴ Там же, с. 353.

¹²⁵ Межов В. И. Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800-1854 вкл. Т. 1. СПб., 1892. С. 1-9.

интереса к русским летописям, а именно периоды с 1809 по 1815 год (19 публикаций) и с 1821-1828 (28), что в сумме составляет 87% от общего числа (54)¹²⁶.

К первому периоду относится публикация самих источников, открытая изданием в русском переводе капитального труда немецкого историка Шлецера «Нестор» (1809), в котором ученому, по мнению специалистов, удалось отказаться от «узкоупотребительского отношения к источнику»¹²⁷, обосновать необходимость дальнейшего критического исследования русских летописей на предмет поздних добавлений и искажений – «восстановления первоначальных Несторовых слов»¹²⁸, а также обозначить перспективу деятельности историка как «исследователя»¹²⁹.

Для второго периода активности (1821-1828) характерно развитие исторической публицистики в русле заложенных Шлецером основ критического отношения к изданию источников и их «внутренней логики»¹³⁰. Таковы статьи М. П. Погодина «Критическое рассуждение об издании русских летописей» (1825)¹³¹, Д. Дубенского «Объяснение одного места из Нестора» (1828)¹³². В этот же период на русскую историческую мысль оказывает сильное влияние историография европейская, в частности, труды по античности немецкого историка Нибура «Римская история» (1811), работы французского историка Гизо «Собрание мемуаров, относящихся к истории Франции» (1823), «История английской революции» (1827-1828), трактат Виктора Кузена «Философские фрагменты» (1826).

¹²⁶ Межов В. И. Русская историческая библиография. Там же.

¹²⁷ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. С. 273.

¹²⁸ Шлецер А. Л. Общие предварительные напоминания // Нестор. Руския летописи на древле-славенском языке. Ч. 1. Спб. 1809. С. 7.

¹²⁹ Там же, с. 4.

¹³⁰ Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 24.

¹³¹ [Погодин М. П.] Критическое рассуждение об издании русских летописей // Московский телеграф. 1825. Ч. 1, № 1, с. 67-76; № 2, с. 132-141; № 3, с. 228-248.

¹³² Дубенский Д. Н. Объяснение одного места в летописи Нестора // Атеней. 1828. Ч. II, № 6. С. 142-146.

В частности, Бартольдом Георгом Нибуром (1776-1831) были предложены синтетические и аналитические принципы исследования, цель которых состояла в отделении легендарного от достоверного и «восстановлении реальной картины исторической жизни»¹³³. Знакомство с идеями германского ученого вдохновило Н. А. Полевого на создание нового описания отечественной истории, в чем он признался в предисловии к первому тому «Истории Русского народа», посвятив свой труд именно ему, Нибуру, – «первому историку нашего века»¹³⁴.

Примечательно, что всей работе предшествовал поиск автором подходящей формы для воплощения своего замысла изобразить прошлое в русле современной философско-исторической концепции, считая исторические понятия своего предшественника Н. М. Карамзина «старыми и ошибочными»¹³⁵. Кс. А. Полевой в своих «Записках» отметил повлиявших на своего брата современных историков, таких как Гизо (1787-1874), Барант (1782-1866), Кузен (1792-1867), Вильмен (1790-1870) и указал, что «усвоивши себе новые взгляды на историю, он [Н.А. Полевой] жаждал применить их к русской истории»¹³⁶. При этом изначально будущий создатель «Истории русского народа» в силу природной «пылкости»¹³⁷, желая как можно скорее увидеть результаты своего историософского эксперимента, «хотел избрать какой-нибудь драматический эпизод нашей истории, например, царствование Иоанна Грозного, или междуцарствие, и изложить их по-барантовски, или даже больше в виде компиляции, написанной Жаком Библиофилом¹³⁸ о XVI столетии»¹³⁹. Фактически, перед Полевым стоял выбор между хроникальным описанием, посвященным определенному периоду отечественного прошлого и историко-беллетристическим коллажем. Таким образом, решался вопрос о степени авторского субъективизма, о соотношении между информацией первоисточника и ее интерпретацией историком. В итоге

¹³³ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. С. 354.

¹³⁴ Полевой А. Н. История русского народа. Т. 1. М. 1829.

¹³⁵ Крылов И. З. Очерк жизни и литературных трудов Н. А. Полевого. М., 1849. С. 94.

¹³⁶ Полевой Кс. А. Записки. СПб., 1888. С. 283-285.

¹³⁷ Там же, с. 285.

¹³⁸ Библиофил Жако – псевдоним французского писателя Поля Лакруа (1806 – 1884).

¹³⁹ Полевой Кс. А. Записки. С. 285.

Полевым была предпринята попытка представить историю как аналитическое исследование с непредопределенным заранее результатом. В предисловии к первому тому своего труда историк попытался сформулировать обязанности историка, понимаемые им как стремление к *чистой истине*, не увлекаемой «ни духом систем, ни поэтическим огнем»¹⁴⁰. Саму историю как описание прошлого Полевой представлял как облачение в литературную оболочку определенной философской конструкции: «Философия созидает Историю, вдохновенную умом вещательницу прошедшего»¹⁴¹. Взаимосвязь исторических событий (*причина и следствие*)¹⁴², последовательность этапов развития человеческого общества определялась им как *постепенность*: «она объясняет для нас природу нашу»¹⁴³. Кроме этого, в литературном наследии античности Полевым были отмечены три направления в изображении минувшего: «*поэтическое, героическое, нравственное*»¹⁴⁴. Первое понималось им как мифологическое описание доисторического прошлого, второе необходимо для описания прошедшего, а третье было обращено к современности¹⁴⁵.

«Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю», – считал Карамзин¹⁴⁶. В развитии этого стремления к «подлинности» в освоении истории Полевым было сформулировано и собственное кредо историка: «Историк обязан только показать нам Прошедшее, так, как оно *было*, оживить представителей его, заставить их действовать, думать, говорить, как они действовали, думали, говорили»¹⁴⁷. Границу между прошлым и настоящим Полевой устанавливал собственно в историческом произведении, в котором «мы будем зрителями как бы непреходящего, нескончаемого Настоящего»¹⁴⁸. Важнейшим моментом в представлении Полевым содержания исторической деятельности было разделение

---

¹⁴⁰ Полевой А. Н. История русского народа. Т. 1. С. XX.

¹⁴¹ Там же, с. XIII.

¹⁴² Там же, с. XXII.

¹⁴³ Там же

¹⁴⁴ Там же, с. XVI.

¹⁴⁵ Там же

¹⁴⁶ [Карамзин Н. М.] История государства Российского. Т. 1. С. XVIII.

¹⁴⁷ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. XXI.

¹⁴⁸ Там же, с. XXII.

собственно историографии и художественного творчества, которое Полевой считал излишне искусственным. Высшим идеалом историк признавал «верность и истинность» мысли¹⁴⁹, а самому творцу следовало скрыться «в своем создании»¹⁵⁰, сводя к минимуму или даже устраняя авторскую эмоциональность и субъективность: «уроки Истории хотим мы слышать, а не восклицания нашего собрата»¹⁵¹.

Главным же различием исторической философии Полевого и Карамзина стало представление первым событий не в качестве результата усилий отдельной личности, но как последовательной совокупности фактов, подготовленных «всем предшествующим ходом истории»¹⁵². В своих художественных произведениях на исторические темы Полевой развивал идею «полисюжетности» истории, которая не управляется волей одного единственного человека¹⁵³.

Вместе с этим Полевым понималась преемственность и собственного труда в отношении исторического наследия Карамзина. «Идя по следам его, мы со временем научимся избегать его погрешностей и недостатков», – подчеркнул Полевой в напечатанном журналом «Московский телеграф» своем разборе «Истории Государства Российского», впоследствии особо отмеченном В. Г. Белинским за «беспристрастность» и «уважение к имени знаменитого писателя»¹⁵⁴. «Большой дар историка и наблюдателя» видел в авторе «Истории русского народа» Р. М. Зотов¹⁵⁵. Следует отметить, что Белинский назвал Полевого, равно как и Ломоносова и Карамзина, в числе тех, кто, не будучи поэтами, оказали «сильное влияние на русскую поэзию и вообще русскую изящную литературу»¹⁵⁶.

---

¹⁴⁹ Там же

¹⁵⁰ Там же, с. XXIII.

¹⁵¹ Там же

¹⁵² Шикло А.Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 100.

¹⁵³ Пономарева М. Г. История Суздальско-нижегородского княжества в летописях и литературе (на материалы Н. А. Полевого) // Вестник ТГПУ. 2012. № 4. С. 50.

¹⁵⁴ Белинский В. Г. Николай Алексеевич Полевой // Белинский В. Г. ПСС. Т. 9. С. 672.

¹⁵⁵ Зотов Р. М. Театральные воспоминания. СПб., 1859. С. 112.

¹⁵⁶ Белинский В. Г. Николай Алексеевич Полевой. С. 672.

Вместе с этим, труд Полевого был встречен рядом неоднозначных оценок, зачастую и крайне негативных. «Самохвальство, дерзость, невежество, шарлатанство в высочайшей и отвратительнейшей степени, высокопарные и бессмысленные фразы <...>, выписки из Карамзина, переведенные на варварский язык и пересыпанными яркими нелепостями», – не пожалел язвительных эпитетов в адрес автора «Истории русского народа» М. П. Погодин¹⁵⁷. Острая, конфликтная атмосфера тех лет и связанный с этим психологический негатив не могли не влиять на объективность оценок. «Огрязненный своею журнальною полемикою и лобызаниями с Булгариным, он [Полевой] сделался неприкосновенным», – писал Пушкину П. А. Вяземский, завершив письмо едкой эпиграммой: «Есть Карамзин, есть Полевой, / В семье не без урода. / Вот Вам в строке одной / История русского народа»¹⁵⁸.

Тем не менее, самим появлением «Истории Русского народа» была не только обозначена проблема вариативности в восприятии феноменов прошлого, но и проявились различия творческих установок и подходов к описанию истории, исходящие из фундаментальных взглядов на характер исторического времени и специфики в оценке общественных отношений. Идеинный конфликт Карамзина и Полевого отразился и в названиях трудов – истории «государства» оказалась противопоставлена история «народа». Важно и то, что с выходом работы Полевого окончательно оформилось разделение истории как науки и истории как части литературного процесса. А само историческое прошлое в отечественной литературе, по меткому выражению Н. Е. Носова, превратилось в поистине неиссякаемый источник тем и мотивов¹⁵⁹.

Самим развитием русской литературы первой четверти XIX века было предопределено формирование жанра исторического романа. Следование в русле европейской художественной традиции, переживавшей упадок классицизма и

---

¹⁵⁷ Погодин М. П. История русского народа соч. Н. Полевого. Том I. Москва. В тип. Л. Семена, 1829 в малую 8-ку LXXXII. 368. VII. 14. // Московский вестник. 1830. № II. С. 165.

¹⁵⁸ Вяземский П. А. Письмо Пушкину А. С., 2 января 1830 г. Москва // Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 275.

¹⁵⁹ Носов Н. Е. Русская историческая повесть первой половины XIX века // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М., 1986. С. 5

появление новых романтических веяний, проявлялось в поиске современных, актуальных жанров и форм. Патриотический подъем 1812 года предопределил потребность в создании национально ориентированного искусства. Другим значительным фактором стало общее повышение интереса к истории и, как следствие, публикации как обобщающих работ, так и специальных исторических исследований, основанных на критичном отношении к первоисточнику и поиске адекватного языка описания феноменов прошлого.

Появление исторической конкретности в произведении полностью соответствовало запросу своего времени – потребности в «смысловой предметности», удовлетворить которую оказалась способна только проза, в отличие от ориентированного на орнаментальность стиха¹⁶⁰. Следствием чего стало разнообразие творческих ориентиров и добавление к лирике и драме прозаических форм, более ориентированных на событийную подлинность и современную аутентичность.

Принцип историзма позволял органически соединять прошлое и настоящее благодаря раскрытию постепенности развития, в котором между начальными и окончательными стадиями существуют стадии промежуточные. Поиск таких этапов русской истории, которые отражали бы существо современного момента, вполне соответствовал возможностям прозы как литературного рода, более свободного в освоении нового, нежели драма или поэзия.

Те законы социально-политической жизни, к открытию которых стремилась наука первой половины XIX века, не могли быть описаны иначе, кроме как в форме повествований с актуализированным эпическим началом. Освобождение литературного языка от искусственных риторических условностей давало больше возможностей для таких описаний, позволяло художнику полностью концентрироваться на поиске «подлинности» как важнейшего критерия эстетической ценности.

Значительную роль в формировании исторического романа сыграло и стремление авторов придать своим произведениям определенную философскую

---

¹⁶⁰ Эйхенбаум Б. М. Путь Пушкина к прозе. С. 61.

направленность, реализуя тем самым собственные представления не только об эстетическом, но и культурном и даже политическом идеалах.

Появлению первого русского исторического романа предшествовало множество творческих попыток совмещения различных жанров – драматических, прозаических, лиро-эпических. Простота языка, оптимально подходящая для эпической прозы, сначала была найдена в поэтических произведениях. Затем перенесена в драматические, и только потом в полной мере раскрыта в прозаических. Творческий путь Пушкина к историческому эпосу «Капитанской дочке» не случайно начался в поэме «Полтава» и продолжился в драме «Борис Годунов». В этом мы видим основные этапы формирования русского исторического романа и всей русской реалистической прозы первой половины XIX века.

§ 1.2 «Обычный человек» как герой русского исторического романа 1830-1840-х гг.

Началом отечественной исторической романистики принято считать два произведения – М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830). Сюжет обоих романов связан с событиями Смутного времени начала XVII века. Следует отметить, что к этому же историческому периоду относится и действие драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов», созданной в 1825 году и увидевшей свет только в конце 1830 года¹⁶¹. «В этой трагедии изображена переходная эпоха, – отмечал в своих лекциях по истории русской литературы М. М. Бахтин, – когда жизнь неустойчива и отчетливей проступает ее изнанка»¹⁶². Примечательно, что жанровой особенностью «Бориса Годунова» явилось множество различных

---

¹⁶¹ Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. ПСС. Т. 5. С. 519.

¹⁶² Бахтин М. М. Дополнения к Записи лекций М. М. Бахтина по истории русской литературы // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2000. С. 418.

прозаических элементов, что само по себе было характерно для совершившегося в «романную эпоху» перехода от драматургии к прозе¹⁶³.

Собственное новаторство в создании исторических произведений ощущали и Фаддей Булгарин, и Михаил Загоскин. «Роман мой можно уподобить окну, в которое современник смотрит на Россию и Польшу при начале XVII века», – так понимал своеобразие своего произведения Булгарин, отмечая при этом, что стремился изобразить прямую речь своих героев, следуя исторической подлинности «самым строжайшим образом»¹⁶⁴.

Роман Загоскина позволял органично совместить представления о *простонародном* и *национально-патриотическом*¹⁶⁵. Произведение Булгарина обращалось к историософской схеме развития политических конфликтов как к результату целенаправленной деятельности заинтересованных сил: «Явление Самозванца было следствием великаго замысла Иезуитскаго Ордена, сильно действовавшаго в то время в целой Европе к распространению Римско-Католической веры»¹⁶⁶. И все события, связанные с сюжетом своего романа, Булгарин изобразил как конфликт конкретных лиц, преследующих собственные цели. Национальные же особенности русских и поляков автор использовал орнаментально, не только для создания «колорита», как было принято в вальтерскоттовском романе, но и для определенного идеологического подтекста: «Читатель должен помнить, что вся ученость тогдашних Русских состояла в том, чтобы знать наизусть Св. Писание»¹⁶⁷.

Культурная и идеологическая позиция Загоскина позволяла его идейным оппонентам видеть в нем врага «всякого недовольства современным порядком в стране», а сам он считал себя борцом-одиночкой против «скептиков, европейцев, либералов, ненавистников России, апологистов всех неистовых страстей и поэтов

---

¹⁶³ Тюпа В. И. «Борис Годунов» и жанровая природа трагедии // Новый филологический вестник. 2009. № 1. С. 6.

¹⁶⁴ Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец. СПб, 1830. Ч. 1. С. VIII, X.

¹⁶⁵ Песков А. М. Михаил Николаевич Загоскин // Загоскин М. Н.. Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 19.

¹⁶⁶ Булгарин. Димитрий Самозванец. С. VI.

¹⁶⁷ Там же, с. XIII.

сладострастия»¹⁶⁸. Вместе с этим, четко вырисовывается и дуализм восприятия исторических романов Загоскина – с одной стороны, живой, непосредственный юмор, ясность и простота изложения, обилие легкоузнаваемых общенародных черт, поэтичность в описании пейзажей и быта, а с другой – фактически художественное оформление доктрины «православия, самодержавия, народности», отрицание любого инакомыслия и свободолюбия. Герой Загоскина – это типичный для беллетристики своего времени «простой» человек, от которого ничего не зависит, который ни на что не влияет, но всей своей личной историей демонстрирует идеал отношения к своему государству, имитируя тем самым «народные» черты¹⁶⁹. Вместе с этим, формировался и образ внешнего врага, покушающегося на благополучие государства. «Основная идея, которая проходит через весь роман и составляет его пафос, заключается в борьбе русского народа против поляков и польской партии», – считал П. Н. Сакулин¹⁷⁰.

Национальность для персонажей Загоскина являлась основной доминантой, определяющей и внутренний мир героя, и его действия во внешнем мире.¹⁷¹ Статичная система, созданная писателем в своих произведениях, была полностью обусловлена авторскими представлениями о национальном своеобразии, что приводило к четкому разграничению черт литературных персонажей на русские и не-русские.

«Народность» исторического персонажа в целом служила укреплению государственной идеологии¹⁷². Проблема самобытного развития России была настолько существенна для русского общества второй четверти XIX века, что данный период впоследствии воспринимался как период национального

---

¹⁶⁸ Загоскин М. Н. Письмо// Маяк современного просвещения и образованности. 1840. № 7. С. 103.

¹⁶⁹ Вершинина Н. Л. Русская беллетристика 1830-1840-х годов. Псков, 1997. С. 3-4.

¹⁷⁰ Сакулин П. Н. Русская литература после Пушкина. М., 1912. С. 138.

¹⁷¹ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. С. 41.

¹⁷² «Системой официального мещанства» считал насаждаемую «сверху» мораль историк Р. В. Иванов-Разумник (1878-1946). Согласно этой морали «прошлое России – изумительно, настоящее – более чем великолепно, а будущее превзойдет самые смелые ожидания» (Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. 1. М., 1997. С. 391).

самоопределения¹⁷³. Выступая как приверженец вновь создаваемой государственной идеологии, Загоскин все же не являлся радикальным консерватором. Даже критикуя идейных оппонентов, он сохранял толерантность в отношении к «западникам». Так, в целом подвергнув резкой критике известную статью¹⁷⁴ П. Я. Чаадаева (1794-1856), Загоскин, тем не менее, высказал позитивное отношение к просветительскому реформированию России: «Пусть возгордятся они своим, – писал он о будущих поколениях россиян, – а после отдадут справедливость и чужому, хваля достойное хвалы, отрицая достойное порицания, пусть будут они просвещенными, но просвещенными Россиянами»¹⁷⁵.

В романах «Брынский лес» (1846) и «Русские в начале осмнадцатого столетия» (1848) Загоскин обратился к эпохе петровских преобразований, к борьбе с главным, по мнению литератора, историческим врагом России – «безотчетной привязанностью русских ко всем древним обычаям и предрассудкам старины»¹⁷⁶. Высказываясь в пользу благоразумного и критического подхода к проникновению на русскую почву всего чужеземного, европейского, Загоскину в своих произведениях в целом удалось совместить реформы Петра с представлением о русских национальных интересах¹⁷⁷.

Косность же и приверженность пережиткам прошлого, по мнению писателя, была в первую очередь присуща старообрядцам-«раскольникам», с проникновением в мир которых связаны приключения главного героя романа «Брынский лес» – Дмитрия Афанасьевича Левшина. «У каждого за поясом четки, у иных в руках книги и почти у всех за пазухой камня», – такими рисует читателю Загоскин старообрядцев при первой встрече с ними¹⁷⁸. При этом Загоскин оставляет совершенно в стороне вопрос появления в России

¹⁷³ Сакулин. Русская литература после Пушкина. С. 59.

¹⁷⁴ [Чаадаев П. Я.] Философические письма к г-же***. Письмо первое. // Телескоп. 1836. Ч. XXXIV. № 15. С. 275-418.

¹⁷⁵ Загоскин М. Н. <Статья без заглавия, направленная против «Философических писем» Чаадаева (1836)> // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 545.

¹⁷⁶ Загоскин М. Н. Русские в начале восемнадцатого столетия. М., 1902. С. 4.

¹⁷⁷ Песков А. М. Михаил Николаевич Загоскин // Загоскин М. Н.. Сочинения. Т. 1. С. 28.

¹⁷⁸ Загоскин М. Н. Брынский лес. М., 1902. С. 43.

«раскольников». В самом Расколе без всяких уточнений виновны исключительно старообрядцы Аввакум и Никита¹⁷⁹. По словам Загоскина, Россия в царствование Алексея Михайловича «отдохнула и стала по-прежнему царством сильным, богатым и самобытным»¹⁸⁰.

Сцена со знаменитым «спором о вере», представленная в романе «Брынский лес», едва ли не единственной своей целью ставит изобразить в финале действия десятилетнего царя Петра, «детским, но уже мощным голосом» остановившего пререкания и приказавшего арестовать «крамольников»¹⁸¹. «Пока этот венец на главе моей и душа в теле, не поущу воевать святую церковь: и, как я сам нарицаю ее матерью и верю, что она есть правая и истинная, так и всем повелеваю верить!» – так незамысловато решен в романе конфликт между представителями «старой» и «новой» веры¹⁸². Сами же «раскольники» представлены исключительно в негативном свете: «у некоторых лица выражали такое нечеловеческое зверство и остервенение, что страшно было на них взглянуть»¹⁸³.

Загоскин разделил сторонников древнего благочестия на «хороших» старообрядцев и «плохих» «раскольников»: «Не старообрядец, батюшка, а раскольник, – продолжал купец, спохватясь. – Старообрядцы дело другое; их, чай, и в вашем полку довольно; они люди добрые и, почитай, такие же православные, как и мы; не жалуют только патриарха Никона да любят по старым книгам Богу молиться – вот и все!.. А эти отщепенцы хуже язычников: солидную церковь не признают, духовенство поносят»¹⁸⁴. Как видно, для Загоскина это разделение не конфессиональное, но сугубо политическое, проведенное им на основании лояльности к господствующей церкви.

---

¹⁷⁹ Никита «Пустосвят» – Никита Константинович Добрынин, суздальский священнослужитель. Участник «Спора о вере». Казнен в июле 1682.

¹⁸⁰ Загоскин М. Н. Брынский лес. С. 3.

¹⁸¹ Там же, с. 47.

¹⁸² Там же

¹⁸³ Там же, с. 43.

¹⁸⁴ Там же, с. 130.

Левшин, главный герой произведения, с одной стороны, совершенно аполитичен, его поступки продиктованы зовом сердца и любовью. С другой – он природный, естественный монархист, для которого и самого выбора не существует, кроме как служить царскому престолу, с его точки зрения, единственно возможной законной институции: «Левшин первый с обнаженной саблей кинулся в толпу, а за ним все те из стрельцов, которые не принадлежали к расколу. В несколько минут зачинщики были схвачены, и все их сообщники выгнаны из палаты». Таким образом, трагическое событие – знаменитый «спор о вере» 5 июля 1682 года, сам по себе явившийся этапом внутривластного кризиса «московской смуты» – «Хованщины»¹⁸⁵ – оказывается благополучно разрешенным действиями двух лиц – юного царя Петра и молодого стрельца Левшина.

Отметим, что у самого Левшина, возможно, есть исторический прототип. В сборнике документов «Хованщины», изданном в 1976 году в издательстве «Наука», неоднократно упоминаются отец и сын Левшины – Афанасий Иванович и Демид Афанасьевич. Демид Левшин указан в числе тех, кто вместе с государями Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем 18 сентября 1682 года прибыл в Троице-Сергиев монастырь¹⁸⁶, а полковник Афанасий Левшин был командиром одного из Смоленских полков, отправленных из Москвы на Украину¹⁸⁷.

Современники отличали кропотливую работу Загоскина с документами в период подготовки своих исторических произведений: «Встречаясь на улицах с короткими приятелями, – вспоминал С. Т. Аксаков о подготовке Загоскина к написанию своего первого исторического романа, – он не узнавал никого, не отвечал на поклоны и не слышал приветствий: он читал в это время исторические документы и жил в 1612 году»¹⁸⁸. Можно предположить, что несмотря на обилие информации, с которой соприкасался автор в процессе обработки исторических

---

¹⁸⁵ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 222.

¹⁸⁶ Восстание в Москве 1682 года. Сб. документов. М., 1976. С. 139-140.

¹⁸⁷ Там же, с. 175.

¹⁸⁸ Аксаков С. Т. М. И. Загоскин. Биографический очерк. СПб., 1913. С. 25

материалов, сюжетные линии и характеры героев создавались им в большей степени произвольно, нежели с опорой на документальные источники. С другой стороны, это позволяло Загоскину более свободно обходиться с историческими интерпретациями и обобщениями. Таким образом, идейность главного персонажа – Дмитрия Левшина – в значительной степени явилась результатом авторского произвола, нежели плодом исторической реконструкции.

Тем не менее, такой подход несколько не расходится с представлением самого Загоскина о своеобразии исторической романистики. По его мнению, возможны два вида исторического романа: в первом главными героями являются преимущественно исторические лица, а во втором изображается эпоха в целом и автор «старается характеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы», соответствующие этому историческому периоду¹⁸⁹. Свои романы «Юрий Милославский» и «Рославлев» Загоскин причислял как раз ко второму типу¹⁹⁰. К этому же типу явственно относится и роман «Брынский лес», в котором, по словам С. Т. Аксакова (1791-1859), положение государства, несмотря на важность самого исторического момента, составило лишь незначительную часть введения в интригу, «по несчастью любовную»¹⁹¹.

Любовная интрига, по мнению Я. Е. Морозовой, и составляла цель введения в роман «исторических реалий» (дат, исторических персонажей, топонимики, этнографики)¹⁹². Важно и то, что политический конфликт «раскольников» и «православных», составляющий одну из важнейших сюжетных «пружин», также заострен в преломлении взаимоотношений главного героя и его возлюбленной. А ироничный тон в адрес «раскольников» резонера – Гриши-юродивого – лишь подчеркивает негативное в целом отношение автора к староверию¹⁹³.

---

¹⁸⁹ Загоскин М. Н. Письмо Жуковскому В. А. от 20 января 1830 // Загоскин М. Н. Сочинения. Т. 2. С. 722.

¹⁹⁰ Там же

¹⁹¹ Аксаков С. Т. М. Н. Загоскин. Биографический очерк. С. 51.

¹⁹² Морозова Я. Е. Художественный образ истории и способы его репрезентации в романе М. Н. Загоскина «Брынский лес» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 1. С. 119-120.

¹⁹³ Там же, с. 121.

Иным типом отношения к историческому факту и его интерпретации в историческом романе отличается произведение К. П. Масальского «Стрельцы» (1832). В самом предисловии автор не только разделил отношение к воссозданию событий прошлого со стороны историка, философа и литератора¹⁹⁴, но и обозначил «нравственную цель» своего произведения, понимаемую им как необходимость «представить в верной картине ужасы мятежей и безначалия, вредные последствия насильственных переворотов в государстве, правосудие Провидения, не оставляющего без наказания виновников возмущений, и достойные подражания примеры преданности церкви, престолу и Отечеству»¹⁹⁵.

Кроме этого, Масальским был указан ряд исторических сведений, почерпнутых им из сборников документов, таких как труды И. И. Голикова (1735-1799) «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1788-1789), «Древняя Российская Вифлиофика» (1773-1775) Н. И. Новикова (1744-1818), а также «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого» (1821) Д. Н. Бантыш-Каменского (1788-1850).

Важной темой романа является борьба с расколом. Старообрядцы изображены как невежественные изуверы, готовые на все ради своего бессмысленного, с точки зрения автора, фанатизма. «На каждом шагу спотыкаются они, не понимая, в чем состоит истинная вера, которая предписывает нам братскую любовь и единомыслие, а не споры и расколы, всегда противные Богу»¹⁹⁶. При этом положительные персонажи произведения больше похожи на средневековых рыцарей, чем на русских стрельцов XVII века. Они галантны, решительны, им присущи представления о воинской чести совершенно в средневековом духе: добропорядочность легко совмещается с крайней жестокостью и цинизмом.

---

¹⁹⁴ Масальский К. П. Предисловие // Масальский К. П. Стрельцы. Ч. 1. М., 1861. С. 9.

¹⁹⁵ Там же, с. 10.

¹⁹⁶ Масальский К. П. Стрельцы. Ч. 4. С. 140.

Одна из сцен – спасение девушки из рук сжигающих себя «раскольников» – напоминает знаменитый фрагмент романа Вальтера Скотта «Айвенго»: спасение Ревекки из рук Бриана де Буагильбера. Не желающих покориться царской воле старообрядцев расстреливают, а прочих оставляют погибать в огне¹⁹⁷. В сущности, автора волнует судьба одной только девушки, похищенной «раскольниками». Примечателен диалог под стенами горящего здания. Стремясь спасти несчастную, офицер приказывает стрелять, даже несмотря на риск смертельно промахнуться: «Если же ее застрелишь, то все легче ей умереть от пули, нежели сгореть»¹⁹⁸.

Царь Петр в романе – фигура в большей степени эпизодическая, что вполне соответствует канонам вальтерскоттовского романа. В отношении к будущему императору и определяются все положительные и отрицательные персонажи произведения. При этом простота и «народность» Петра подчеркивается «случайностью» его появлений в месте событий. «Прохожие останавливались, всадники слезали с лошадей и молились в землю, когда мимо их проходил священник. Царь Петр, случайно попавшийся ему навстречу, также слез с лошади, снял шляпу и присоединился к гражданам, окружавшим отца Павла. Вместе со всеми вошел он в хижину, где лежал Борисов»¹⁹⁹. Здесь царь – один из многих, он действует «как все». Раскаявшийся «раскольник» Борисов в своем последнем слове обращается с молитвой о грядущем величии России: «Боже милосердый! Ты не отверг и разбойника раскаявшегося, не отвергни и меня!.. Услышь молитву мою: утверди и возвеличь царство русское и сохрани его»²⁰⁰. Таким образом, Масальский недвусмысленно дает понять: будущее за Петром, и только покаяние может позволить «раскольнику» – внутреннему врагу – расстаться с пагубными заблуждениями и разделить счастье быть представителем великой державы. Подобно национальному миру исторической прозы Загоскина, социальный мир Масальского так же статичен, а его положительные персонажи

---

¹⁹⁷ Там же, с. 68-70.

¹⁹⁸ Там же, с. 71.

¹⁹⁹ Там же, с. 141-142.

²⁰⁰ Там же, с. 143.

стремятся во что бы то ни стало сохранить установленные законы и сложившееся положение вещей.²⁰¹

Мотив единства нации перед лицом врага – как внутреннего, так и внешнего – характерен и для романа И. И. Лажечникова «Басурман» (1838), в котором повествуется об эпохе царствования Ивана III Васильевича (1440-1505). При этом «московская» Русь изображена автором как абсолютная ценность, идеал государства. Все остальные «русские» территории – Новгород, Псков, Тверь, не говоря уже о вполне «русской» Литве, – являются носителями чуждого духа, требующего не гармоничного восприятия, но исправления или отрешения. «Православный народ?.. Не тот ли, что ползал два века у ног татар и поклонялся их деревянным болванам, целовал руки у Новгорода, у Пскова, у Литвы, падал в прах перед первым встречным, кто на него только дубину взял!.. Я первый отрезвил его от поганого хмеля, поднял на ноги и сказал ему: "Встань, опомнись, ты русин!"»²⁰². Таков идеал «русского народа» в представлении Ивана Васильевича: вознесшийся над всем чужеродным народ-победитель, утверждающий повсеместно православную веру. Лажечников дает обильные примеры национальной нетерпимости, присущие, с его точки зрения, нравам того времени. Формирование московского государства и происходило в преодолении этих различий, в кристаллизации «русского» перед лицом всего «басурманского». Вот мальчишки криками «Жидаы! Собаки! Христа распяли!» встречают иноземцев²⁰³. Вот главный герой романа – итальянец Антон – боится прослыть «басурманом, латынщиком, нехристом», невзирая на то, что при этом можно быть и «самым лучшим христианином»²⁰⁴. Сам же иноземец – словно герой из будущего, носитель иных, просвещенных ценностей, человек европейской культуры. Но из Европы в Россию проникает не только свет наук, но и чернокнижие каббалистики, которую распространяют «адепты жидовской

---

²⁰¹ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. С. 57.

²⁰² Лажечников И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 81.

²⁰³ Там же, с. 105.

²⁰⁴ Там же, с. 114.

ереси»²⁰⁵. В этих условиях противоборства православия как истинной веры и «жидовского» колдовства, борьбы Москвы с Новгородом и Тверью за власть над всеми русскими землями, столкновения культуры и невежества и происходило формирование России. А человеческие жестокость, коварство и подлость были, согласно авторской позиции, всего лишь отпечатком своего времени.

Идеалы литературного поколения 1830-х гг. во многом были воспитаны Отечественной войной 1812 года, которая сама по себе стала, по мнению К. Ф. Головина, «моментом пробуждения второго русского культурного слоя, среднего дворянства»²⁰⁶. Нет ничего парадоксального в том, что «простой человек» русского исторического романа 1830-1840-х гг. – это, как правило, представитель среднего сословия, мелкий дворянин, офицер не высоких чинов или даже мещанин. Преодоление препятствия на пути к личному счастью и обретение его вместе с победой «своих» над «чужими», – такова специфика в изображении главного героя в историческом романе 1830-1840-х годов. И если «свои» предельно конкретны – это «русские», по чину и по духу, обладающие консолидирующей силой для всеобщего преодоления вражеских происков, то «чужие» представляют из себя разнообразную массу враждебных России групп влияния. Это поляки («Юрий Милославский» Загоскина), католики-иезуиты («Мазепа» Булгарина), татары, литовцы («Басурман» Лажечникова), «раскольники» («Брынский лес» Загоскина, «Стрельцы» Масальского).

В таком контексте Россия как по-европейски просвещенная наследница Древней Руси, преодолевшая косность и невежество средневековья, полностью сливается с представлением об идеальном государстве. Герой на службе самодержавного абсолютизма, осененный православной верой и готовый к самопожертвованию, – таким утверждался положительный образ человека в историческом романе этого периода. Любой же государственный кризис обязательно будет преодолен всеобщим единством, мобилизацией народа вокруг личности властителя. «Народ?.. Где он?.. Подай мне его, чтобы я мог услышать

---

²⁰⁵ Там же, с. 260.

²⁰⁶ Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб., 1914. С. 55

его ропот и задушить, как тебя душу. Где этот народ, говори?.. Отколь он взялся?.. Есть на свете русское государство, и все оно, божьею милостью, во мне одном...»²⁰⁷. О национальном слиянии православия как официальной религии и европейского просвещения как духа времени убедительнее всего свидетельствуют строки Р. М. Зотова из его «Исторических очерков царствования императора Николая I» (1859): «Николай I хотел, чтобы его народ был не только *Европейский*, но более всего Русский со всеми доблестями души, с непоколебимою верою Христианина, с неодолимым мужеством воина, с неуклонным чувством исполнения долга»²⁰⁸.

Вместе с этим, социальная идеализация давала возможность раскрыть «жизнь души» героя литературного произведения, оставляла значительный простор как для свободы создания психологического портрета, так и для художественного оформления повседневности. Так, в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина практически все персонажи, включая исторических, изображены в первую очередь с «простой» и «обычной» стороны. Емельян Пугачев в повести предстает, по сложившемуся в литературоведении мнению, в качестве обобщенного образа русского крестьянина²⁰⁹. Домашней душевностью сквозит появление императрицы Екатерины: «Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую»²¹⁰. Даже сама повесть представляет из себя «домашние воспоминания» провинциального дворянина. Значительна и роль эпитафии – «береги честь смолоду», выражающего не сколько суждение о дворянской воинской чести, столько выраженные в пословице всеобщие представления о человеческом достоинстве.

---

²⁰⁷ Лажечников И. И. Басурман. С. 81.

²⁰⁸ Зотов Р. М. Исторические очерки царствования Николая I. СПб., 1859. С. 5.

²⁰⁹ Бонди С. М. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 99-100.

²¹⁰ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. ПСС. Т. 6. Л., 1978. С. 357.

Отец Гринева «служил при графе Минихе»²¹¹ – единственное упоминание покорителя Крыма по воле автора из образа сиятельного вельможи превращает в историко-культурный маркер. Сходные функции несут на себе и другие исторические лица, упомянутые в повести: Траубенберг²¹², Гришка Отрепьев²¹³, Лизавета (Татьяна) Харлова²¹⁴, Афанасий Соколов (Хлопуша)²¹⁵, Голицын²¹⁶ и др. Что вполне отвечает авторской концепции рассказать историю от лица ее современника, не пытаясь при этом дополнить ее «тайным содержанием». Вместе с этим Пушкину удается избежать нарочитого документализма. Собранные в период «Пугачевского бунта» исторические материалы автор «Капитанской дочки» постарался использовать на страницах повести лишь косвенно, художественно интерпретируя и аккуратно вписывая в повествование. Так, «счет Буткевича» – «Реестр что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске»²¹⁷ – Пушкину удалось использовать в одной из сцен, когда Савельич предъявляет Пугачеву скрупулезно составленный список украденного у Гринева имущества, в который вошел и подаренный самозванцу «заячий тулупчик»²¹⁸. «Простота» и «обычность» героев как нельзя лучше иллюстрируется Пушкиным в этом полукомичном перечислении «рубях полотняных голландских с манжетами» и «штанов белых суконных»²¹⁹.

Взаимосвязь подлинно-исторического и подлинно-художественного, на наш взгляд, убедительно сформулирована Н. И. Черняевым в работе «Капитанская

---

²¹¹ Там же, с. 258; Миних (Мюних) Б.-Х. (1707–1788) – российский генерал-фельдмаршал, гвардии подполковник Преображенского лейб-гвардии полка, завоеватель Крыма (1735).

²¹² Там же, с. 295; Траубенберг М. М. (1722–1772) – генерал-майор русской императорской армии, с убийства которого началось восстание в Яицкой крепости 1772 г.

²¹³ Там же, с. 315.

²¹⁴ Там же, с. 327; Харлова Т. Г. (1756–1773) – дочь коменданта Татищевой крепости. Погибла от рук восставших казаков. (См. Овчинников Р. В. О Елагиных и Харловых из пушкинской «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 351).

²¹⁵ Там же, с. 332.

²¹⁶ Там же, с. 349.

²¹⁷ Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 235–238.

²¹⁸ Пушкин А.С. Капитанская дочка. С. 318–319.

²¹⁹ Там же, с. 318.

дочка Пушкина: Историко-критический этюд» (1897): «Если подразумевать под историческими лицами всех типичных представителей давно минувшей эпохи, не исключая и тех, которые забыты историей как наукой, но которые делали историю, то в «Капитанской дочке» не окажется ни одного лица, которое нельзя было бы назвать историческим и которое не являлось бы ярким выразителем духа и особенностей второй половины XVIII века, когда подготовлялась и разыгрывалась пугачевщина».²²⁰

Пушкинская эlegantность при работе с источниками, простота и кажущаяся безыскусность при высочайшем уровне художественности резко контрастируют с прямолинейным доктринерством Загоскина, Булгарина и Масальского. А. Ю. Сорочан справедливо охарактеризовал предложенную в текстах Пушкина модель репрезентации истории как опередившую свое время.²²¹ Вместе с этим, на наш взгляд, дело не столько в литературном мастерстве, сколько в авторских установках. Создавая свои исторические произведения, Пушкин в большей степени преследовал цели именно эстетические, стремясь найти нечто в художественном смысле уникальное: очевидность его творческого поиска от «Полтавы» к «Капитанской дочке» в дополнительной аргументации не нуждается. Тогда как вышеупомянутые авторы (Булгарин, Загоскин, Лажечников, Масальский) стремились к воплощению собственных историко-философских концепций, выстраивали идеологические модели, произвольно конструируя мировоззрение давно минувших эпох.

Особое место в исторической романистике 1830-1840-х гг. занимают художественно-научные искания А. Ф. Вельтмана (1800-1870). Перу литератора принадлежат романы «Кощей бессмертный, былина старого времени» (1833) и «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835), основанные в большей степени на сказочно-фольклорном материале, нежели на историческом. И если в первом произведении историчность полностью

---

²²⁰ Черняев Н. И. «Капитанская дочка» Пушкина. М., 1897; цит. по "Капитанская дочка" в критике и литературоведении // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л., 1984. С. 254.

²²¹ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. С. 186.

условна, то во втором автору удалось включить в свое повествование и несколько исторических лиц²²². Вместе с этим нельзя не отметить очевидную установку писателя на энциклопедизм²²³, на стремление в своеобразных «лирических отступлениях» дать научное объяснение феноменов прошлого. Особое место в художественном тексте Вельтмана занимают историко-топонимические подробности, основанные как на современных писателю археологических сведениях, так и на собственных гипотезах. «Дом Тысяцкого Колы-Орая стоял красными окнами на улицу Щитную, находившуюся на Торговой стороне, в Славянском конце», – так, стилизуя фразу под былинный распев, Вельтман стремился совместить достоверные сведения с художественным вымыслом. Важно и то, что некоторые предположения Вельтмана были подтверждены данными современной археологии, как отмечалось комментаторами его художественных произведений²²⁴.

Согласно классификации форм исторических репрезентаций А. Ю. Сорочана, художественный метод Вельтмана относится к научному вымыслу – полусказочной и полуисторической мозаике²²⁵, по причудливой фантазии автора сочетавшей элементы романтической повести, богатырской сказки, эпической песни, пародии, устных преданий²²⁶.

В целом творчество Вельтмана вполне может произвести на современного читателя впечатление как достаточно политизированное и, по выражению О. Н. Щалпегина, пропитанное «духом здорового национализма»²²⁷. Что вполне соответствовало творческим установкам своего времени, связанным с формированием общенациональных представлений об истоках и исторических

---

²²² Акутин Ю. М. Александр Вельтман и его «Странник» // Вельтман А. Ф. Странник. М., 1978. С. 261.

²²³ Грачева А. А. А. Ф. Вельтман и В. Ф. Одоевский как писатели-«энциклопедисты» // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 125-129.

²²⁴ Вельтман А. Ф. Романы. М., 1985. С. 56.

²²⁵ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. С. 117.

²²⁶ Захарова О. В. Былина в русском тезаурусе: история слова, термина, категории // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. с. 269.

²²⁷ Щалпегин О. Н. Возвращенный писатель. К 210-й годовщине со дня рождения А. Ф. Вельтмана (1800-1870) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2010. № 3. С. 59.

основаниях национального характера. И если современники Вельтмана уделяли внимание в большей степени историческому прошлому, то объектом его художественно-научного исследования являлся мир сказок, преданий, былин, из которого он стремился протянуть ниточку в настоящее.

«Простой» человек исторического романа 1830-1840-х гг. стал ответом на вопросы своего времени о национальном своеобразии, исторических корнях современных общественных движений. «Русским народным писателем» считал М. Н. Загоскина С. Т. Аксаков, отмечая его самобытность и оригинальность²²⁸. Раскрыть значение национально ориентированного осмысления проблемы народности в рассмотренный нами период помогают и слова критика В. Г. Белинского: «Чуждое, извне взятое содержание никогда не может заменить ни в литературе, ни в жизни своего собственного, национального»²²⁹.

§ 1.3. «Исторический человек» в историческом романе 1860-1880-х гг.

Следующий этап развития русской исторической романистики, относящийся к 1860-1880-м годам, демонстрирует иное отношение к изображению человека прошлого. Прямолинейность в интерпретации событий уступала место новым, зачастую диаметрально противоположным, взглядам на историческое развитие и роль личности в истории. Существенный вклад в формирование новых представлений был внесен трудами отечественных ученых – С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851-1879) и Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858-1864), а так же исследованиями Н. И. Костомарова в области средневековой истории «Мысли о федеративном начале Древней Руси», «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (1868) и др.

²²⁸ Аксаков С. Т. М. Н. Загоскин. Биографический очерк. С. 60.

²²⁹ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В. Г. ПСС. Т. X. С. 9.

Отметим, что основным различием между историческим мировоззрением Костомарова и Соловьева являлся сам взгляд на государственное строительство России. Если Соловьеву в глубине истории виделась единая нация, венцом социально-политического развития которой явилась Российская империя, то для Костомарова развитие российской государственности представлялось как процесс объединения под властью московского самодержавия ряда отдельных и независимых друг от друга областей, обладавших собственными уникальными культурно-историческими особенностями. Различие в трактовках процессов минувшего не могло не вызывать и различий в подходах к описанию и анализу событий прошлого, в частности, кризисов власти, смутных и переходных эпох, результатом которых и были, собственно, перемены в государственном устройстве Древней Руси и ее наследнице России.

«Содержание каждой философской системы рано или поздно делается общим достоянием, – считал историк Н. И. Кареев, – переходя в область применений, в литературу, в ходячие мнения образованных сословий»²³⁰. Для середины XIX в. роль одной из таких формирующих мировоззрение систем играл европейский позитивизм, развитию которого сопутствовали серьезные успехи естествознания. Влияние это распространялось даже на качественное обновление риторических приемов в языке гуманитарных дисциплин. «Как природа физического организма познается из физиологического его развития, – писал вполне в духе своего времени Б. Н. Чичерин в 1868 году, – так разумные силы, составляющие естество человека, познаются из исторического их проявления. В истории мысли раскрывается ее существо и лежащие в ней законы; история служит ей и проверкою собственной ее деятельности. В отличие от физического организма, вечно прикованного к одним и тем же формам, мысль способна отрешиться от исторических начал»²³¹. Говорить о человеке как об организме, включенном в более сложную жизненную систему, как о представителе одной из бытийных сфер, в которой действуют типологически схожие законы с остальным

---

²³⁰ Кареев Н. И. Философия истории в русской литературе. М., 2011. С. 13.

²³¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1903. С. 1.

миром, – такой язык приходил на смену языку отвлеченных понятий эпохи романтизма. Собственно, это и была одна из задач позитивизма – замена философского (метафизического) знания научным (позитивным), образцом которого служили естественные науки²³². В русской философской мысли это проникновение естествознания в гуманитарную сферу было сформулировано Н. Г. Чернышевским в работе «Антропологический принцип в философии»: «Основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе»²³³.

Серьезное влияние на формирование исторического мышления середины XIX века оказала полемика представлений и взглядов славянофилов и западников на самобытность и своеобразие русского исторического развития. При этом следует отметить, что субъективизм славянофилов являлся во многом реакцией на распространение в России позитивистских идей²³⁴. «Этический индивидуализм на почве религиозного романтизма» славянофилов столкнулся с «социологическим индивидуализмом на почве реализма» западников – в этой характеристике, Р. И. Иванова-Разумника²³⁵, содержится указание на основное, с точки зрения историка, различие между направлениями русской общественной мысли как различие двух типов мышления – романтического и реалистического²³⁶. Но ни западники, ни славянофилы не смогли составить законченной и всеобъемлющей философской системы, их полемика носила, по выражению А. Ф. Лосева, «исключительно публицистический характер»²³⁷. Недостаточность философских построений, в свою очередь, отражалась на бытовании художественной

---

²³² Межуев В. М. Позитивистская философия культуры // Межуев В. М. Идея культуры. М., 2006. С. 170.

²³³ Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М., 1978. С. 38.

²³⁴ Воробьева С. А. Антропоцентризм в русской философии 40-60-х гг. XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 4. С. 198.

²³⁵ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. СПб., 1914. Т. 2. С. 350.

²³⁶ Там же

²³⁷ Лосев А. Ф. Русская философия // Тарасов Б. Н. Человек и история в русской религиозной философии и художественной литературе. М., 2008. С. 38.

литературы. Как писал философ В. С. Соловьев, «пылкое увлечение новейшим немецким материализмом в сочетании с французским позитивизмом»²³⁸ во многом определило характер идейных исканий, отразившихся на развитии целого ряда направлений отечественной литературы.

Ярким примером романтического восприятия истории являются слова И. С. Аксакова, одного из самых влиятельных представителей славянофильского движения: «Ни в чьей судьбе историческое сознание не занимает того места, не является таким живым действующим орудием развития, как в судьбе России и всех славянских племен, – писал он 14 мая 1876 года О. М. Бодянскому, – В сознании прошлого – сила нашего будущего»²³⁹.

Тем не менее, антропологизм как выдвижение проблемы человека в ряд центральных стал характерной чертой всей русской литературы второй половины XIX века. Созданная в этот период русская классическая литература была в первую очередь литературой о человеке как личности в непосредственной связи с историей, психологией, духовностью. И в этих условиях, когда развитие реализма требовало от художника не просто достоверности и исторического правдоподобия, но проникновения в самые тайники души, раскрытия связи душевных движений с окружающей действительностью, – в исторической художественной литературе совершилась значительная трансформация принципов типизации. Если в период становления русского исторического романа в центре внимания оказался человек как носитель социального и национального идеала, воплощающий в себе как положительные, так и отрицательные черты национального характера, то в литературе второй половины XIX века, и в особенности в период последней трети, наметилось переключение внимание к «человеку историческому». Правдоподобие и достоверность реализма требовались во всем. И теперь уже недостаточно было упомянуть в произведении какую-либо историческую фигуру, маркируя ее общеизвестными деяниями. В

---

²³⁸ Соловьев В. С. Россия и Европа // Соловьев В. С. Сочинения. Т. 1. М., 1989. С. 347.

²³⁹ Аксаков И. С. Письмо Бодянскому М. О. Москва. 14 мая 1876. // ИР Ф. 99. Од. зб. 99. Арк. 146об.

литературе стал появляться человек прошлого в роли объекта художественно-исторической реконструкции, результатом которой становилось переосмысление его преподнесенной как литературное произведение судьбы.

Взгляд на историческое лицо как литературного героя заметны в отдельных текстах В. Г. Белинского. И если в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина как системообразующем произведении русской исторической прозы первой трети XIX века национальная история была изображена как эпос, то у Белинского этот характерный для своего времени обобщенно-панорамный взгляд на человека уже выхватывал из прошлого ключевые элементы биографии. Это позволяло не только трактовать жизненный путь как нечто для своего времени типично-историческое, но и художественно дробить на составляющие, показывать взаимосвязь различных периодов жизни, т.е. осмысливать биографию именно в художественном ключе, где есть свой пролог, завязка, развитие действия, кульминация и эпилог. «Между тем Борис Годунов, – писал Белинский о недостатках, с его точки зрения, развития Пушкиным историографической традиции Карамзина, – может быть, больше, чем какое-нибудь другое лицо русской истории, годился бы если не для драмы, то хоть для поэмы в драматической форме»²⁴⁰. В необходимости «разгадать историческое значение и историческую судьбу Годунова»²⁴¹ Белинскому виделись и ответы на многочисленные вопросы давно минувшей эпохи, предварившей собой трагическое Смутное время.

Повышение интереса к преломлению человеческой судьбы в контексте исторических обстоятельств можно наблюдать в течение всей первой половины XIX века. На стадии формирования исторического направления в литературе внимание литераторов было сосредоточено в основном на фигурах выдающихся исторических деятелей, таких как российские правители Иван III («Басурман» Лажечникова, Петр I («Стрельцы» Масальского), Анна Иоановна («Ледяной дом» Лажечникова), а так же покушавшиеся на российскую государственность

---

²⁴⁰ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая. С. 508.

²⁴¹ Там же, с. 515.

И. С. Мазепа (поэма Пушкина «Полтава», роман Булгарина «Мазепа»), Лжедмитрий I (драма «Борис Годунов» Пушкина, роман Булгарина «Лжедмитрий»). Е. И. Пугачев («Капитанская дочка» Пушкина). Романтизм первой трети XIX века позволил обратить внимание на целый ряд полупоэтических исторических фигур, действовавших как в интересах России (драматическая поэма Хомякова «Ермак», драма «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» Полевого), так и в своих собственных (роман «Регентство Бирона» Масальского). Ряд деятелей изображались как фигуры трагические, чья государственная деятельность не находила понимания у современников (трагедия 1830 г. «Василий Иванович Шуйский» Станкевича, драма «Елена Глинская» Полевого), что не мешало авторам в художественных интересах упрощать образы своих героев, героизируя и облакая высоконравственным пафосом²⁴².

Интерес к человеку же рядовому, к рангу выдающихся деятелей не причисленному, но в судьбе которого можно заметить отражение целой эпохи, начинает отчетливо появляться только в 1860-х годах. Этому способствовали, на наш взгляд, два значительных фактора. Во-первых, развитие в литературе образа «маленького человека», а во-вторых – привлечение общественного внимания к свободе личности как важный знак интенсификации общественной жизни пореформенной России 1860-х гг.

Появление «исторического человека» в романе Лажечникова «Басурман» является наполовину фиктивным: писатель включил в свое произведение образ купца Афанасия Никитина²⁴³, но реалистичного действия, основанного на документальной информации, автор ему не предоставил. Более того, Никитин играет всю ту же роль «выдающегося деятеля». В романе он представлен как пробравшийся в Индию смельчак-одиночка, что служило, по Лажечникову, еще одним доказательством талантливости русского народа. Хотя в заслугу писателю

---

²⁴²Свалов А. Н. О трагедии Н. В. Станкевича «Василий Шуйский» // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4 С. 113.

²⁴³ Впервые записки Афанасия Никитина «Хождение за три моря» были опубликованы П. М. Строевым в составе «Софийского временника» в 1821 г. (см. Я. С. Лурье. «Русский чужеземец в Индии XV века» // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 61).

и можно отнести популяризацию образа Никитина, в целом же персонаж «Басурмана» как литературный герой никакого критического сопоставления со своим историческим прототипом не выдерживает²⁴⁴. «Купец без торговли, без денег, убогий, но богатый сведениями, собранными им на отважном пути в Индию, – таким представляется знаменитый торговец в начале романа, – богатый опытами и вымыслами, которые он, сверх того, умел украшать сладкою, вкрадчивою речью. Он жил пособиями других и не был ни у кого в долгу: богатым платил своими сказками, а бедных дарил ими»²⁴⁵. «Простота» и «обычность» Никитина – скорее, сказочно-былинные, чем литературные, да и сам он нарисован автором в роли странствующего сказителя. Речь его стилизована и наполнена украшениями явного фольклорного происхождения: «Вашиими молитвами плетемся понемногу, шажком да с оглядкой, – отвечал Афанасий Никитин. – Ты все ли по-прежнему катишься, моя жемчужина перекатная, ты ль у батюшки у родимого, на ладонушке?»²⁴⁶ Тем не менее, использование образа купца-путешественника значимо тем, что демонстрирует желание Лажечникова более полно описать историческое прошлое, увидеть в нем не только героев и правителей²⁴⁷.

Несмотря на обилие изданий биографического характера в первой половине XIX века²⁴⁸, следует отметить прямолинейную элитарность отбора персоналий. Практически все представленные исторические деятели – это государи и знать, полководцы, церковные иерархи²⁴⁹. Редкое исключение составляют

---

²⁴⁴ Ильинская Н. Г. Лажечников – писатель и мемуарист // Лажечников И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 11.

²⁴⁵ Лажечников И. И. Басурман. С. 26.

²⁴⁶ Там же, с. 92.

²⁴⁷ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. С. 278.

²⁴⁸ Межов В. И. Биографии и некрологи русских деятелей // Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800-1854 гг. Т. 2. СПб., 1893. С. 1-25.

²⁴⁹ 1) Пантеон знаменитых современников последнего шестидесятилетия, с их портретами. СПб. 1838-1839; 2) Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов и пр. Д. Бантыш-Каменский. М., 1836; 3) Список по старшинству всех русской службы генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, с означением времени их производства,

биографические материалы людей творческих профессий, в основном, – писателей. Собрание же биографий людей, чья жизнь протекала вне рамок государственной службы – купцов, мастеровых, мещан, крестьян, – согласно информации Межова, составило лишь 6 публикаций, из них лишь одна может претендовать на минимальную масштабность – Верещагин В. «Древние русские путешественники», изданная в «журнале для девиц» «Лучи»²⁵⁰.

На этом фоне существенно выделяется персона новгородского купца Кузьмы Минина, прославившегося в период Смутного времени как организатор народного ополчения. Сборник Межова предоставляет информацию о 41-м издании различных вариантов биографии этого исторического деятеля – ему посвящены и статьи²⁵¹, и речи²⁵², и народные рассказы в журналах для солдат²⁵³. Но именно этим и объясняется его популярность, а именно – возможностью идеологического и даже пропагандистского использования: «мужественный образ народного героя, – писал в годы Великой отечественной войны профессор В. В. Данилевский, – с новой силой вдохновляет нас в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками»²⁵⁴ При этом нельзя обойти тот факт, что до сих пор специалистами признается обилие «многих необоснованных утверждений» при узости круга известных исторических источников о деятельности и биографии этого исторического лица²⁵⁵.

В этой связи выбор А. Н. Островским главного героя для создания своей первой исторической драмы вряд ли выглядит случайным. Задуманная еще в 1840-х годах драма «Минин» была закончена к 1861 г, но из-за цезурных препон

увольнения от службы и кончины. // Журнал для чтения воспит. военно-учебных заведений. 1839. Т. 18. № 72. С. 505-509.

²⁵⁰ Верещагин В. Древние русские путешественники // Лучи. 1850. № 11 с. 744-763, № 12 с. 811-832.

²⁵¹ [Б/п] Минин-воин // Русский вестник. 1819. № 10. С. 39-42.

²⁵² Полевой Н. А. Кузьма Минич Сухорукой, избранный от всей земли русския человек. Чтение на торжественном акте Московской практической коммерческой академии, июля 10-го дня, 1833 г. М., 1833. 29 с.

²⁵³ Менцов С. Троице-Сергиева Лавра и Кузьма Минин Сухорукий // Чтение для солдат. 1847. Кн. 4. С. 31-38.

²⁵⁴ Данилевский В. В. Кузьма Минин. М., 1943. С. 23.

²⁵⁵ Морохин А. В., Кузнецов А. А. Кузьма Минин: факты и легенды // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 211.

была поставлена лишь в 1866 как «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Из исторических источников драматургом были заимствованы не только имена целого ряда основных персонажей, но и их характеристики. В документах своего времени фигурируют Иван Биркин, нижегородец Петр Аксенов, дьяк Василий Семенов и др.²⁵⁶. Кроме исторических материалов, Островский стремился опереться на почерпнутое из повестей XVII века «мнение народа». Так, считаем важным указание Н. Г. Морозова на связь стилистики драмы с «Новой повестью о преславном Российском царстве и великом государстве московском»²⁵⁷ как свидетельство обогащения русской исторической литературы 1860-х гг. за счет развития исторической поэтики.

Тема народности для Островского была едва ли не важнейшая во всем творчестве. «Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, – писал он Н.А. Некрасову, – мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства»²⁵⁸. Следует отметить, что изображение Островским русского народа пронизано историзмом, стремлением увидеть в типических чертах современной действительности истоки, уходящие в глубь исторической жизни²⁵⁹. С художественной интерпретацией событий русской истории Островский связывал далеко идущие творческие планы. В своих произведениях на историческую тему Островский стремился опереться на пушкинскую традицию: «Современных пиэс я писать более не стану, я уж давно занимаюсь русской

---

²⁵⁶Лотман Л. М. Комментарии // Островский А. Н. ПСС. Т. 6. М., 1976. С. 565.

²⁵⁷Морозов Н.Г. Традиции древнерусских повестей первой половины XVII века в драмах А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Тушино». // А. Н. Островский в новом тысячелетии. Материалы научно-практической конференции 15-16 апреля 2003 года, Кострома. Кострома, 2003. С. 34.

²⁵⁸Островский А. Н. Письмо Некрасову Н. А. (Начало декабря 1869. Москва) // Островский А. Н. ПСС. Т. 11. М., 1979. С. 315.

²⁵⁹Лотман Л. М. Историческая драматургия А. Н. Островского (1861-1865) // Островский А. Н. ПСС. Т. 6. М., 1976. С. 536. См. также: Овчинина И. А. Человек и история в драматической хронике «Тушино» // А. Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Шуя, 2008. С. 32-39.

историей и хочу посвятить себя исключительно ей – буду писать хроники, но не для сцены; <...> я беру форму “Бориса Годунова”»²⁶⁰.

Другим важным произведением, отразившим изменение в тенденции отбора исторических персонажей и их художественного воплощения, на наш взгляд, является роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» (1862). В произведении, ставшим творческим ответом писателя на общественный вызов России начала эпохи Великих реформ, была предложена не только новаторская концепция использования фольклорной традиции в исторической прозе²⁶¹, но и по-новому был осмыслен сам тип исторического персонажа. Генетически восходящий к традициям русского исторического романа 1830-1840-х годов, роман А. К. Толстого продемонстрировал обновление понимания роли личности в истории. Вместо человека, который полностью подчинен воле судьбы, властителя или сопутствующим обстоятельствам, чей образ восходит к умозрительной конструкции «общенационального идеала», мы видим персонаж, способный не только на психологическую рефлексию, но и на самостоятельную оценку исторических обстоятельств. Значимость этой модернизации признавал и сам автор, в заключительных словах произведения особо отметив важность таких черт, как самостоятельность и внутренняя свобода: «Платя дань веку, – обратился художник к героям своего романа и их современникам, – вы видели в Грозном проявление божьего гнева и сносили его терпеливо; но вы шли прямою дорогой, не бояся ни опалы, ни смерти»²⁶².

Основу государственности А. К. Толстой видел в духовном здоровье народа, противостоящего деспотизму власти, вопреки самоволию и изощренному коварству правителя способного устремить свой жизненный выбор в будущее, а не зажимать себя в неподвижных тисках исторического прошлого.

---

²⁶⁰ Островский А. Н. Письмо Бурдину Ф. А. (25 ноября 1866. Москва) // Островский А. Н. ПСС. Т. 11. С. 228.

²⁶¹ Красникова М. Н. Актуализация фольклорной традиции и решение исторических проблем современности в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Вопросы науки и современной практики. 2011. № 1. С. 352.

²⁶² Толстой А. К. Князь Серебряный // Толстой А. К. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1964. С. 446.

Жизнь страны и ее процветание, по А. К. Толстому, зависит не только и не столько от государя, но представляет из себя результат усилий множества людей – всего народа. Так, начало присоединения Сибири в романе «Князь Серебряный» изображено как разумное истечение коллективной воли, а не как «дар» самодержавному правителю и не исполнение его вельможной прихоти. Для России эпохи 1860-х годов, когда вслед за отменой крепостного права начался небывалый до этого общественный подъем, слова литератора в письме к редакции «Русского вестника» вполне символичны: «свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа; а оно зависит не от законодательных или административных мер, но от тех духовных стремлений, которые вне всяких материальных побуждений»²⁶³.

Вместе с по-шекспировски драматичным воссозданием исторической обстановки, читателю представлена в романе сложная, противоречивая действительность Московской Руси второй половины XVI века. Это уже не та упрощенная модель исторического прошлого Загоскина и Лажечникова, для которой любое нестроение объяснялось действием прямых и тайных врагов. Русь А. К. Толстого в романе «Князь Серебряный» изображается не только как воплощение авторского этического идеала, но и как одна из ступеней на исторической лестнице общественного развития, основные действующие силы которого есть Божественный промысел и Народная воля. Вместе с этим только обращение к этому идеалу способно удержать дальнейшее историческое развитие от катастрофических потрясений²⁶⁴.

Все сюжетные ситуации в романе, как было отмечено А. Ю. Сорочаном, обрисованы с опорой на произведения народной словесности²⁶⁵. «Князь Серебряный» для прозы 1860-х годов, – считала Е. В. Никульшина, – явился примером художественной переработки определенной историко-философской

---

²⁶³ Толстой А. К. Письмо к издателю // Толстой А. К. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1964. С. 450.

²⁶⁴ Никульшина Е. В. Особенности историзма романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Известия ВГПУ. 2008. № 10. С. 157.

²⁶⁵ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. С. 144.

концепции: кроме целого ряда произведений народной словесности, основным источником фактического материала для А. К. Толстого послужила «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, а главным тезисом всего произведения, на наш взгляд, вполне возможно признать идею о незыблемости причинно-следственных связей в истории²⁶⁶.

Исследование исторической библиографии конца 1850-х – середины 1870-х гг. указывает на заметное изменение качества биографических материалов в сторону демократизации и расширения категорий лиц, понимаемых как выдающихся или просто интересных для читающей публики. В исторической библиографии В. И. Межова²⁶⁷ соответствующего периода можно встретить упоминания о природном часовщике-самоучке Терентии Ивановиче Волоскове²⁶⁸, имаме Чечни и Дагестана Шамиле²⁶⁹, «знаменитой интригантке» княжне Таракановой²⁷⁰.

Существенно увеличивается и объем публикуемых исторических материалов. Если для издания полувековой библиографии 1800-1854 гг. Межову понадобилось 3 тома, то для временного отрезка в 11 (!) лет с 1865 по 1876 – уже целых 8. Этому способствовало расширение представлений об «исторических» предметах. Так, известные библиографы второй половины XIX века, П. П. и Б. П. Ламбины, указывали в предисловии к библиографии за 1855 год, что для исторической науки так же важны и те издания, что относятся к предметам, служащим дополнением и объяснением для истории: по языкознанию, этнографии, статистики, географии и др²⁷¹.

---

²⁶⁶ Никульшина Е. В. Особенности историзма романа А. К. Толстого «Князь Серебряный». С. 160.

²⁶⁷ Межов В. И. 1) Литература русской истории за 1859-1864 г. вкл. СПб., 1866; 2) Русская историческая библиография за 1865-1876 включительно. В 8 т. СПб., 1882-1890.

²⁶⁸ [Б/п] Т. И. Волосков, природный часовщик-самоучка, при Екатерине II. Воскресный Досуг. 1864. № 78.

²⁶⁹ Шамиль, имам Чечни и Дагестана // Межов В. И. Литература русской истории за 1859-1864 г. вкл. С. 313-315.

²⁷⁰ Мельников П. И. Предание о судьбе Таракановой // Северная пчела. 1860. № 39.

²⁷¹ Ламбин П. П., Ламбин Б. П. Предисловие // Русская историческая библиография. Т. 1. СПб., 1861. С. IV.

Центральной темой исторических исследований в этот период становятся проблемные и малоизученные периоды русской истории, такие как репрессии петровского времени, самозванство и понизовая вольница, дворцовые перевороты XVIII в. Особое внимание историков начинают привлекать феномен человеческой судьбы в исторических обстоятельствах. В 1862 году будущий академик В. И. Ламанский опубликовал в газете «День» очерк о Евдокиме Михайловиче Кравкове, дворянине-старовере, попавшем за свое отпадение от официальной церкви на каторгу²⁷². В том же году Н. И. Костомаровым было завершено исследование биографических материалов, посвященных знаменитому по событиям Смутного времени русскому крестьянину Ивану Сусанину, итогом чего явилась статья в журнале «Отечественные записки»²⁷³.

В этой публикации был поставлен вопрос о соотношении исторического факта и его следа в исторической памяти, обозначена проблема идеализации образа исторического героя в народном творчестве и художественной литературе. Проводя анализ известных на тот момент сведений, Костомаров пришел к выводу, что ничего кроме факта трагической смерти крестьянина «от рук разбойников, бродивших по России в Смутное время», о судьбе Сусанина не известно, а все якобы подробности его гибели не более чем плод фантазии «наших книжников в XIX веке»²⁷⁴.

Другими важнейшими публикациями биографий «исторического человека» стали издания 1860-х гг. «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного»²⁷⁵ и пересказ Тихонравовым и Забелиным «Жития боярыни Морозовой»²⁷⁶. Пристальное внимание к проблематике Раскола русской церкви XVII века было

---

²⁷² Ламанский В. И. Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер // День. 1862. № 28.

²⁷³ Костомаров Н. И. Иван Сусанин. Историческое исследование. // Отечественные записки. 1862. № 2. С. 720-738.

²⁷⁴ Там же, с. 738.

²⁷⁵ 1) Автобиография протопопа Аввакума. Летописи русской литературы и древности. 1859–1860. Кн. 6. М., 1861. С. 117–173; 2) Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861. 118 с.

²⁷⁶ 1) Тихонравов Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола // Русский вестник. 1865. Т. 59. С. 5-36; 2) Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 105-148.

обозначено в работах одного из родоначальников русской социологии А. П. Щапова²⁷⁷, стремившегося перенести открытые в XIX веке законы естествознания на явления социально-исторического характера²⁷⁸.

Трагические судьбы людей, волей случая или в силу личных убеждений вставших на пути распространения самодержавной власти и усиления абсолютизма, нашли свое отражение в очерках Г. В. Есипова²⁷⁹, М. И. Семевского²⁸⁰, М. П. Погодина²⁸¹, И. Е. Забелина²⁸². В этом ряду находятся и очерки Д. Л. Мордовцева о самозванцах и предводителях «понизовой вольницы», – в каждом из них предпринималась попытка раскрыть обстоятельства, приводившие к ситуации «личного бунта». «Неумеренный разгул, неумеренная широкость натуры, неумеренная порывчатость страстей, воля и безволие, а иногда бедность и нерасхлебное горе, крепостничество, неумеренное давление власти – все это были причины, которые так сказать выдавливали из масс, населявших Поволжье, или самые лучшие и даровитые единицы, <...> или самых несчастных, которые, не видя спасения дома, думали найти его в разбойничьих шайках»²⁸³, – к таким выводам приходил писатель, разбирая архивные дела о преступниках прошлого, включая в свои работы произведения устного народного творчества и воспоминания тех, кто еще застал времена «ободранной вольницы с разгульными песнями»²⁸⁴.

Всего же для «истории бунтов, возмущений, самозванцев и разбойников» в библиографии Межова за 1859-1864 гг. выделен специальный раздел, в котором

---

²⁷⁷ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства. Казань., 1859; Земство и раскол. Вып. 1. М. 1862.

²⁷⁸ Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. С. 454.

²⁷⁹ Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Т. 1-2. СПб., 1861.

²⁸⁰ Семевский М. И. Восстания и казни стрельцов в 1698 г. рассказ очевидца И. Г. Корба // Отечественные записки. 1861. № 5. С. 103-131. Царица Прасковья. Очерк из русской истории // Время. 1861. №№ 2-5.; Сторонники царевича Алексея // Библиотека для чтения. 1861. №№ 5, 6. Слово и дело. Рассказы из времен Петра I. // Светоч. 1861. №№ 1 и 3.

²⁸¹ Погодин М. П. Суд над царевичем Алексеем // Русская беседа. 1860. № 1. С. 1-110.

²⁸² Забелин И. Е. Заметки для биографии Сильвестра Медведова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 5. М., 1863. С. 120-126.

²⁸³ Мордовцев Д. Л. Разбойничий атаман Беркут // Мордовцев Д. Л. Политические движения русского народа. Т. 2. СПб., 1871. С. 3.

²⁸⁴ Там же, с. 4.

указаны 52 публикации²⁸⁵. Из них – 25 посвящены периоду «пугачевщины», еще 5 – прочим самозванцам, выдававшим себя за Петра III. Не угасал интерес к данным событиям и в последующее десятилетие. В период с 1865 по 1876 гг. библиография Межова указывает еще на 58 публикаций – исторических актов, биографических сведений и пр.²⁸⁶

Мордовцев, который посвятил Пугачевщине целый ряд статей²⁸⁷, писал осенью 1867 г. А. А. Краевскому относительно одной из своих работ: «В конце пугачевщины у меня подведется параллель между “орлами из стаи великой Екатерины” и “коршунами из стаи Пугачова” – сравнение будет не в пользу первых»²⁸⁸. В этих словах видно желание историка охарактеризовать и дать оценку деятельности двух различных групп, противоборствовавших в период народных волнений 1770-х гг. Под влиянием социологического позитивизма английского теоретика истории Г. Т. Бокля, Мордовцев, как и многие его современники, с воодушевлением пытался применить методологию этого исследователя, искавшего универсальные законы истории, а также установить взаимосвязь между действиями человека и законами природы²⁸⁹. «Жизнь и развитие, как всего человечества, так и отдельных личностей, – писал Мордовцев в статье “Екатерининские деятели и пугачевцы” – подчиняются своим неизменным законам, и жестоко карают всех нарушителей этих законов».

---

²⁸⁵ Межов В. И. Литература русской истории за 1859-1864 гг. вкл. Т. 1. СПб., 1866. С. 202-206.

²⁸⁶ Межов В. И. Русская историческая библиография за 1865-1876 вкл. Т. VIII. СПб., 1890. с. 116.

²⁸⁷ Мордовцев Д. Л. 1) Пугачовщина // Вестник Европы. 1866. № 1.; 2) Русские государственные деятели второй половины прошлого века и Пугачев // Отечественные записки. №№ 8-10; 3) Кто был усмиритель Пугачевщины? // Отечественные записки. 1869. № 10. С. 349-434.

²⁸⁸ Мордовцев Д. Л. Письмо к Краевскому А. А. 11 октября [18] 67. Л. 16 // ОР РНБ. Ф. 391 (Краевский А. А.). Ед. хр. 555. Мордовцев, Д. Л. Письма (17) А. А. Краевскому. 1866-1873 гг.

²⁸⁹ Борисова И. В. Бокль, Генри Томас // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 294.

В период 1860-1870-х годов можно отметить формирование внимания литераторов к «историческим людям»²⁹⁰, т.е. отдельным социальным группам, объединенным на основании классовых, национальных и идейно-политических признаков, компактность которых обусловлена конкретно-исторической обстановкой. Публицистика и художественная литература 1860-1880-х гг. позволяет выделить среди прочих подобных групп «нигилистов», «народников», «интеллигенцию», «раскольников». Интерес к окружающей социальной действительности отражался и на исторической литературе. «Кого прежде занимали романы Загоскина и Лажечникова, – писал об эпохе 1860-х гг. историк Н. Я. Аристов, – теперь стали предпочитать статьи по Русской истории и становились на почву действительной жизни, а не сочиненной в воображении писателя»²⁹¹.

Внимание художников было перенесено с общенациональных феноменов на более узкие. В литературе 1850-60-х годов объектом художественного описания становились представители различных поколений («Отцы и дети» (1862) И. С. Тургенева), заключенные («Записки из мертвого дома» (1861) Ф. М. Достоевского), беглые крестьяне («Воля. Два романа из жизни беглых» (1864) Г. П. Данилевского), жители одной деревни («Подлиповцы» (1864) Ф. М. Решетникова) и даже улицы («Нравы Растеряевой улицы» (1866) Г. И. Успенского). Это «местное» могло получить даже свою собственную историографию, как в романе В. Р. Зотова «Старый дом» (1851) или сатирической эпопее М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1870).

Разграничение понятий общенационального и народного мыслилось как отношение общего к частному. «Народность» литературы могла пониматься как описание непосредственно относящихся к народной массе различных феноменов

---

²⁹⁰ Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 8 окт[ября] [18]81 г. л. 244 // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.) Отд. I. № 1. Письма к нему.

²⁹¹ Аристов Н. Я. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855-1880). // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 672.

культурной и исторической жизни²⁹². Роль писателя, вторгающегося в жизнь таких отдельных, подчас замкнутых и живущих своей собственной жизнью социальных миров, понималась как исследовательская. Так, «художественным исследованием раскола» охарактеризовал В. Г. Авсеенко эпопею П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах», желая дать особенное отличие этого произведения от многочисленной для своего времени литературы о «расколе»²⁹³.

Подобные группирования возникали и при описании общественных феноменов прошлого – например, «декабристы» и «пугачевцы». Стремление определиться с закономерной иерархией в отношении к распространению естественнонаучных знаний привело к появлению и таких выражений, как «передовые люди»²⁹⁴ или «средняя публика».

Современниками очень остро переживалось это дробление общества, связанное с интенсификацией социальных процессов, вызванных Эпохой великих реформ. «Зима 61 до 62 года прошла беспокойнее весны, – вспоминал представитель аристократии, историк и литературовед К. Ф. Головин, – Вольный университет, открытый в Думе, просуществовал недолго. Собиравшиеся там «длинноволосые», носившие даже цветные очки, в пику правительству, ни от кого не скрывали, что собрались они для показывания языка властям, а вовсе не для обогащения себя нужными сведениями»²⁹⁵. Его идейный оппонент, критик П. Н. Ткачев, видимо, от лица этих «длинноволосых», констатировал – «в то время как одна часть общества продолжает вести жизнь “по образу и подобию” своих предков XIV в., другая часть реформирует ее сообразно с последними выводами общественной науки и нравственной философии, отвергает рутину и предания и относится ко всем окружающим ее явлениям с трезвостью и

---

²⁹² А. [Авсеенко В. Г.] Художественное изучение раскола // Русский вестник. 1874. № 1. С. 353.

²⁹³ Там же, с. 358.

²⁹⁴ Добролюбов Н. А. Великие Луки и Великолуцкий уезд. Заметки Михаила Семевского. СПб., 1857 // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1962. С. 200.

²⁹⁵ Головин К. Ф. Мои воспоминания. Том I. СПб., 1908. С. 92.

безбоязненностью мыслящего критика»²⁹⁶. В этом достаточно радикальном даже для своего времени суждении можно заметить переживание «раскола» общества в отношении к распространению материалистического мировоззрения.

Современниками не однажды отмечалась замкнутость литературного процесса на общественные движения текущего момента. «Современная русская литература и наша мысль вообще, – констатировал критик журнала «Библиотека для чтения» М. Тархов в 1863 г., – исключительно заняты насущными интересами нашего общества анализом его потребностей физических и моральных и разъяснением всевозможных способов для удовлетворения последних»²⁹⁷.

На рубеже 1860-1870-х гг. на волне идейного противоборства «нигилизму» был создан ряд романов, посвященных событиям сравнительно недавнего прошлого. Исторический элемент в них сочетался с публицистикой, при этом авторская позиция легко прочитывалась как критическая и даже обличительная по отношению к определенным социальным группам. Историческими эти произведения можно назвать лишь условно. Тем не менее, важны включение фактуры произведения в исторический контекст, попытка установить связь социально-политических явлений с описываемыми событиями. Выскажем предположение, что такие произведения, как «Взбаламученное море» (1863) А. Ф. Писемского, «Марево» (1864) В. П. Ключникова, «Новые места» (1867) Г. П. Данилевского, «Панургово стадо» В. В. Крестовского (1869), «Знамена времени» (1869) Д. Л. Мордовцева, «На ножах» (1870-1871) Н. С. Лескова, «Бесы» (1871-1872) Ф. М. Достоевского для своего времени вполне выполняли функцию «исторических», поскольку их авторы стремились запечатлеть общественную динамику, раскрыть взаимосвязь между развитием судьбы отдельного человека с судьбой целого поколения, дать оценку исторической перспективе тех или иных идейных течений. Эти произведения можно назвать историческими на основании того же принципа, руководствуясь которым В. Г. Белинский назвал роман

---

²⁹⁶ Ткачев П. Н. Подрастающие силы // Ткачев П. Н. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1975. С. 292.

²⁹⁷ Тархов М. А. Шаткие пункты современного реализма // Библиотека для чтения. 1863. Т. 175. С. 250.

А. С. Пушкина «Евгений Онегин» «поэмой исторической», в которой воспроизведена картина русского общества «в одном из интереснейших моментов его развития»²⁹⁸. Не случайно своему роману «Новые русские люди» (1870) Д. Л. Мордовцев дал подзаголовок «Материалы из истории русского общества».

Смещение же исторической перспективы за пределы современности позволяет говорить о полноценном историческом произведении. Масштабность в описании событий прошлого наиболее полно проявилось в целом ряде исторических романов Г. П. Данилевского, Д. Л. Мордовцева, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева, но, конечно, самым значительным достижением не только русской, но и мировой литературы 1860-1880-х гг. стал роман Л. Н. Толстого «Война и мир» (1868). Несмотря на сложность в определении жанровой природы произведения, в литературоведении вполне допустимо считать эпопею Толстого также историческим романом²⁹⁹.

Отнюдь не случайно в своем творческом поиске писатель сначала от современности перешел к событиям 1825 года, а затем – еще дальше, к Отечественной войне 1812 года. Политически 1825 год был выступлением «честных» людей против связанных в государство людей «порочных»³⁰⁰. Изначальный замысел романа хорошо известен: произведение с условным названием «Декабристы», посвященное современности в соотнесении с историческим прошлым. «Толстой определял свою позицию в этой современности, – считал С. Г. Бочаров, – оценивал ее перспективы и, главное, активно воздействовал на нее, стремился ее направить, когда на протяжении всех 60-х годов уяснял самому себе замысел и форму своего труда»³⁰¹.

Вместе с новым для своего времени пониманием истории как непрерывной цепи частных событий повседневной жизни, роман «Война и мир» демонстрирует попытку анализа такого стечения обстоятельств, сумма которых приводят

---

²⁹⁸ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Белинский В. Г. ПСС. Т. 7. С. 432.

²⁹⁹ Гудзий Н. К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М., 1960. С. 91.

³⁰⁰ Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1987. С. 14.

³⁰¹ Там же, с. 13.

человека к новому для него качеству. Вместе с этим Толстому в масштабной эпопее удалось изобразить жизненное движение различных социальных групп. В романе есть «высший свет», «масоны», «казаки», «историки». Есть «семья», «народ», есть «свои» русские и «чужие» французы. Но все перегородки между ними – прозрачны, пластичны и персонажи, что полностью соответствует максиме «Человек – это Все и часть Всего»³⁰².

Исторических персонажей в романе «Война и мир» несколько, их роль, скорее, эпизодическая³⁰³. Значительно важнее, на наш взгляд, что практически за каждым действующим лицом эпопеи стоит реальный исторический прототип. Важен и изначальный творческий посыл Толстого в образе героя из прошлого, возвращающегося из ссылки «декабриста», создать идеал для сравнения и оценки современности, а именно – России эпохи Реформ³⁰⁴.

Художественность романа в целом значительно более искусна, нежели его историзм, но именно это усилие реалистичности и придавало историческим подробностям эпический характер.³⁰⁵ Отделение эстетического значения «Войны и мира» от его исторического³⁰⁶ едва ли не до сих пор, считаем, является одной из приоритетных исследовательских задач.

По сравнению с историческим романом предыдущей литературной эпохи, для которого были характерны авторские назидательные отступления, в которых читателю объяснялась историческая суть описываемых событий, расставлялись идейные акценты относительно действующих лиц, голос Толстого-рассказчика звучал совершенно иначе. Это уже не просто хроникер-интерпретатор, но настоящий философ, для большей убедительности прибегающий к приемам риторической поэтики³⁰⁷.

---

³⁰²Сливицкая О. В. «Истина в движении»: о человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. С. 76.

³⁰³Гудзий Н. К. Лев Толстой. С. 65.

³⁰⁴Там же, с. 64.

³⁰⁵Там же, с. 63.

³⁰⁶Шкловский В. Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., [1928]. С. 24.

³⁰⁷Исупов К. Г. Чары троянского наследия: Лев Толстой в пространствах приязни и неприятия // Л. Н. Толстой: Pro Et Contra. Антология. СПб., 2000. С. 20

Новые принципы в изображении исторического процесса, изменение самого подхода к историческому материалу, незаурядная эстетическая привлекательность этого перспективного для своего времени метода, – все это послужило источником новых творческих импульсов для современников, создало положительные перспективы для художественной интерпретации истории.

Одним из таких романов, ставшим художественно-социальным исследованием – стал роман «Пугачевцы» Е. А. Салиаса (1874). Автору удалось собрать богатый историографический материал, изучая архивные материалы и предпринимая поездки на места действий своего будущего произведения.³⁰⁸ Современниками отмечалось, что писателю удалось «понять все значение» новаторства Льва Толстого и пойти «по его следам»³⁰⁹. Подобно своему великому предшественнику, исследовавшему «диалектику души», Салиас стремился подвергнуть анализу пугачевское восстание, дать ему оценку с точки зрения внутренних причин массовых протестных действий.³¹⁰

Современная актуальная тематика романа не осталась незамеченной. «Не грозит ли и русской земле великая опасность, занесенная издалека, родившаяся и выросшая не на нашей почве»³¹¹? – задавалась вопросом Е. В. Салиас-де-Турнемир, подводя итоги собственного разбора романа «Пугачевцы». Связь между изображенными в романе «пугачевцами» и современными «реалистами» была для нее очевидной. «Отсутствие верований, презрение к идеалу, прилепление к одним практическим целям, надорванность всех лучших и высших стремлений в человеке, – вот та зараза, от которой не мудрено погибнуть даже и молодому, даже сильному организму». Эмоциональность выводов матери писателя была созвучна «антинигилистическому» пафосу, характерному для представителей консервативных течений русской мысли тех лет. Эти же

---

³⁰⁸ Матвеев В. В. Своеобразие исторической прозы графа Салиаса. Роман «Пугачевцы» // Вестник ТГУ. 2013. № 12. С. 311.

³⁰⁹ Введенский А. И. Современные литературные герои. Граф Евгений Андреевич Салиас // Исторический вестник. 1890. № 8. С. 389.

³¹⁰ Матвеев В. В. Своеобразие исторической прозы графа Салиаса. Роман «Пугачевцы». С. 312.

³¹¹ Тур Евгения. Кто герои романа «Пугачевцы?» М., 1874. С. 64.

стереотипы, только с противоположным, отрицательным, знаком, были отмечены и А. М. Скабичевским: «польская интрига, прямодушный герой-охранитель и мерзкие подрыватели устоев»³¹². Как видно, социологизм романа «Пугачевцы» привлекал внимание современного читателя не слабее его авантурной занимательности.

В первой половине 1870-х гг. исторический роман переживал состояние жанрового перерождения. При этом оценки его будущих перспектив звучали подчас самые противоположные и противоречивые. С точки зрения представителей «прогрессивного» лагеря журнала «Дело» историческое направление в литературе являлось вторичным как в отношении высокой художественной прозы, так и по отношению к собственно историческим исследованиям. В статье «Отживающие русские Вальтер-Скотты»³¹³ С. С. Окрейц дал разгромную оценку работе Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий», апеллируя к социологическому методу Бокля. Вместе с этим, критиком были отмечены такие обязательные, с его точки зрения, требования к историческому произведению, как «определенное мирозерцание, критическое отношение к фактам, подтверждение их самыми строгими доводами из других наук»³¹⁴. В защиту Костомарова как представителя плеяды «самой даровитой части русских историков»³¹⁵ выступил журнал «Русский вестник». Не отрицая достоинств и значения исторической теории английского ученого, автор заметок высказал протест против «бесцеремонного обращения с наукой» и «навязывании науке чуждых ей стремлений и доктрин»³¹⁶.

Эпитет «историк-беллетрист», неоднократно звучавший в адрес Костомарова, а затем и Мордовцева, как нельзя лучше отражает характер исторических работ своего времени: стремление в живых картинах изображать

---

³¹² Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. СПб., 1903. С. 360.

³¹³ Окр-ц [Окрейц С. С.] Отживающие русские Вальтер-Скотты. рец. на кн.: Костомаров Н. Богдан Хмельницкий – Санкт-Петербург, 1870 // Дело. 1870. № 6. с.

³¹⁴ Там же

³¹⁵ Л. Н [Ларош Г. А.] Библиографические заметки. Ч. II. Что требуется от историка // Русский вестник. 1870. № 9. С. 358.

³¹⁶ Там же, с. 362.

летописи давно минувших событий. «Живо воссозданный» и «ярко обрисованный» – такие положительные оценки точно соответствовали увлекательному способу изложения истории, который в лучшую сторону отличал этих историков от представителей исторической науки предыдущих поколений³¹⁷. И вместе с этим такой способ преподнесения исторической информации был чрезвычайно востребован своим временем. Находящаяся на переломе времен Россия искала себя, общественные столкновения доходили то форм открытого противостояния между радикально настроенной молодежью и правительством. «Все требовали от историка не строгой, критически-проверенной правды, – так характеризовал П. Н. Полевой общественный запрос на исторические монографии 1860-1880-х гг., – а широкой, художественно набросанной картины; не сухого исследования, а занимательного рассказа; не точных выводов и характеристик, а блестящих гипотез и смелых парадоксов»³¹⁸.

С начала 1870-х гг. началось активное развитие исторических журналов самых разнообразных направлений – от архивно-документальных, до современно-хроникальных. При этом сами историки принимали живое участие в подобной журнальной деятельности. В 1870-м г. М. И. Семеvский организует журнал «Русская старина», открывается журнал «Нива» - ведущее дореволюционное издание массовой беллетристики³¹⁹, в 1871-1872 гг. издавались журналы «Дешевая библиотека для легкого чтения» С. С. Окрейца и журнал «Беседа» будущего главного редактора «Русской мысли» С. А. Юрьева, с 1872 года начинают издаваться тематический сборник «Русская историческая библиотека», журнал «Живописное обозрение», в котором принимал участие популярный беллетрист своего времени А. К. Шеллер-Михайлов, с 1873 под редакцией В. Р. Зотова издается журнал «Иллюстрированный вестник», посвященный популярной прозе и биографическим материалам о выдающихся людях³²⁰, с 1875

---

³¹⁷ Полевой П. Н. Историк-идеалист // Исторический вестник. 1891. № 2. С. 508.

³¹⁸ Там же

³¹⁹ Нива [Спб., 1870–1917] // Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959. С. 530.

³²⁰ Иллюстрированный вестник [Спб., 1873—1885] // Русская периодическая печать (1702–1894). С. 557.

года увидел свет ежемесячный исторический журнал «Древняя и новая Россия», с 1876 и до самой смерти в 1881 г. изданием собственного журнала «Дневник писателя» занимался Ф. М. Достоевский. В 1878-1880-х гг. было положено начало журналам «Историческая библиотека» и «Исторический вестник», с которыми в течение целого ряда лет сотрудничали Н. И. Костомаров, Н. С. Лесков, Г. П. Данилевский, Д. Л. Мордовцев, Вс. С. Соловьев, И. Е. Забелин и др.

Взаимная ассимиляция романа и периодики, отмеченная Е. Н. Пенской, способствовала дальнейшей трансформации жанра исторической монографии в историко-беллетристическое произведение с полноценным сюжетом и действующими лицами и одновременным приспособлением вновь созданного исторического романа к формату журнальной продукции.³²¹

Накопленный за предыдущие полтора десятилетия не только документальный материал, но и опыт журнальных изданий исторических очерков способствовал увеличению темпов создания произведений. Если раньше для сбора информации требовались годы, то теперь, благодаря большому количеству опубликованных материалов, личным архивам и домашней библиотеке, счет времени написания романа или повести шел на месяцы и даже недели.

Важную роль играли и личные связи: издатели и редакторы вновь открываемых журналов сами способствовали тому, чтобы литераторы с опытом создания исторических очерков активнее включались в журнальную историко-беллетристическую работу. Личные архивы Б. Б. Глинского³²², А. С. Суворина³²³, и С. Н. Шубинского³²⁴ дают обширный материал для исследования творческих коммуникаций редактора и историка-беллетриста. «Вдави в рамки – я и вдавил», – оправдывался перед Сувориным за недоработки своего первого исторического

---

³²¹ Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX века. С. 453.

³²² Глинский Борис Борисович (1860-1917) – редактор-издатель журнала «Исторический вестник».

³²³ Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912) – журналист, драматург, издатель.

³²⁴ Шубинский Сергей Николаевич (1834-1913) – редактор журнала «Исторический вестник».

романа «Идеалисты и реалисты» Мордовцев, признаваясь в том, что некоторые его персонажи оказались «мимоходом брошены»³²⁵.

При выборе издания приоритет отдавался более авторитету писателя и художественным достоинствам его произведения, нежели политическим воззрениям. Г. П. Данилевский публиковался в «Русском вестнике» М. Н. Каткова, и одновременно с этим Г. Е. Благосветлов, редактор по своему направлению прямо противоположного журнала «Дело», приглашал литератора к сотрудничеству: «Тут все работники, – писал Благосветлов, – Писарев, Шелгунов, Щабов, Якоби и пр. и пр. Поэтому, вероятно, и Вы не найдете этот кружок обидным для Вашего участия»³²⁶.

Тематически романы 1870-1880-х гг. строились вокруг значимых фигур русской истории, ее важнейших событий, чье современное осмысление виделось наиболее актуальным. Таких тем было несколько – раскол Русской церкви XVII века, реформы Петра I, дворцовые перевороты и пугачевский бунт века XVIII, Отечественная война 1812 года.

Масштаб эпопеи едва ли позволяет сравнивать «Войну и мир» с другими произведениями об Отечественной войне 1812 года. Тогда как между собой они вполне сопоставимы. Разные подходы к исторической прозе демонстрировали произведения Д. Л. Мордовцева «Двенадцатый год» (1879) и Г. П. Данилевского «Сожженная Москва» (1886). В центре романа Мордовцева находится личность «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой (1783-1866). Произведение носит определенные черты романа о воспитании, вместе с этим обращено к характерной для народнической литературы теме женской эмансипации. «Обрезать косу в 1806 году для женщины, когда и сейчас стриженная женщина считается чуть ли не чудовищем, решиться на такое дело в 1806 году <...> – это был исторический подвиг»³²⁷. Вслед за Толстым, Мордовцев характеризовал «двенадцатый год» как

---

³²⁵ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 30 сентября [18]78. // РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А. С.). Оп. 1. Ед. хр. 2778. Л. 28 об.

³²⁶ Благосветлов Г. Е. Письмо Данилевскому Г. П. 4 дек. 1866. // ОР РНБ. Ф. 236 (Данилевский Г. П.). Ед. хр. 32. Письма (7) Г. П. Данилевскому. 1856-1867. Л. 3об.

³²⁷ Мордовцев Д. Л. Двенадцатый год // Мордовцев Д. Л. ПСИР. СПб., 1914. С. 4.

«скорбный лист хронического безумия человечества»³²⁸. Роман подвергся крайне уничижительной критике обозревателя журнала «Дело» С. С. Шашкова (1841-1882), считавшего, что беллетристическая форма произведения послужила лишь «благовидному искажению истории»³²⁹. Самого писателя Шашков обвинил в отсутствии критического отношения к историческим источникам, назвав при этом «романистом-неудачником»³³⁰.

Верный себе в изображении истории народа, а не истории «царей и генералов», ставя цель «увековечить» «внутреннюю историю русского народа»³³¹, Мордовцев нарисовал трагические события наполеоновских войн с бесхитростным простодушием своих героев. «Покушав и помолившись на восток краткою, но выразительною, им самим сочиненною молитвою – "за хлеб-за-соль Богородицу-троерушницу, за хлеб-за-соль Миколу-угодника, за хлеб-за-соль Ягорья", – он припал к роднику прямо ртом, как овца, и удовлетворил свою жажду тем простым способом, каким пили его далекие предки, не знавшие еще ни ковша, ни ложки, как подобало дреговичам»³³². Эпическое начало в романе «Двенадцатый год» восходит к простонародным сказаниям, в которых переплетено христианство и язычество. Именно с таким миром, а не с миром дворян и помещиков, в изображении Мордовцева сталкивается Наполеон, и именно такой мир исследовал Мордовцев в глобальной тектонике «наполеоновской» войны. Писатель не стремился подняться до претендующих на мировое значение психологических обобщений, но направил внимание читателя именно к этому «русскому миру» – миру крестьянского и казачьего Поволжья.

Особое внимание писатель уделил историческим лицам в своем романе. О художественной значимости такого рода персонажей Мордовцев рассуждал в письме к А. С. Суворину: «Хотя это время наполеоновщины и отечественной войны, но я почти первое место отвожу деяниям нашего тогдашнего

³²⁸ Там же, с. 485.

³²⁹ S. S. [Шашков С. С.] Историки-романисты и историки-журналисты // Дело. 1879. № 12. С. 253.

³³⁰ Там же, с. 254.

³³¹ Мордовцев Д. Л. Русское крестьянство накануне воли // Дело. 1872. № 7. С. 163.

³³² Мордовцев. Двенадцатый год. С. 229.

интеллигентного общества и писателей того времени. <...> Карамзин, роющийся в архивах со своим котом Васьюкою Миофаговым, старик Державин, уже не давящий мышей и в теплых сапогах летом, <...> Саша Пушкин (8 лет до 14) – разбойник, мучающий свою няню <...> и особенно знаменитый Новиков – в своем Авдотыне воспитывающий рыб вместо людей»³³³.

Не ушел Мордовцев и от присущих собственной исторической романистике историософских отступлений: «Порывы человечества – это его естественное творческое напряжение, без которого немислима жизнь, немислимо развитие. Только напряженное состояние факторов творчества – всякого творчества, и физического, и духовного, только потенциальность не только материи, но и духа – плодотворны: потенциальность и напряжение мускулов в физическом труде, потенциальность и напряжение мысли и фантазии в художественном творчестве, потенциальность и напряжение материи в процессе органической жизни – вот чем создается мир и все в нем видимое и действующее»³³⁴. В этом, разумеется, нет никакого подражания Л. Н. Толстому. Интерес к философии истории и искусства проявлен Мордовцевым со времени самых первых художественных и научных публикаций. Но только в романе о прошлом ему удавалось в полной мере раскрыть собственные взгляды на исторический процесс: только пространство «большого текста» могло предоставить полноценную возможность для воплощения историософских идей в привычной для своего времени художественной форме.

Роман Данилевского в значительной мере следовал принципам «семейной хроники», повторяя при этом художественные приемы Л. Н. Толстого. Что, впрочем, современниками было воспринято в целом положительно – как расширение пути и формирование литературной школы, о чем писал в своих «Критических опытах» Е. М. Гаршин (1860-1931), определяя соотношение между писателями как «гений» Толстого и «талант» Данилевского³³⁵. Не лишен роман и

---

³³³ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 18 сентября 1878. // РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А. С.) Оп. 1. Ед. хр. 2778. Л. 27.

³³⁴ Мордовцев Д. Л. Двенадцатый год. С. 23.

³³⁵ Гаршин Е. М. Критические опыты. СПб., 1888. С. 133-134.

развлекательной занимательности. Авантюренность позволяет держать читателя в напряжении до самого конца произведения. Вместе с этим следует отметить смену акцентов героико-трагической темы Отечественной войны, сказавшуюся на снижении художественного уровня воспроизведения и осмысления, что подспудно заставляет читателя возвращаться к произведению Л. Н. Толстого³³⁶. Для создания образа Авроры Крамалиной Данилевским также были использованы записки Дуровой³³⁷, тем не менее, по мнению критиков, общая характеристика героини оказалась «весьма далека от исторического портрета» своего прототипа³³⁸.

Как ключевой эпизод семейной хроники представлена война 1812 года в романе «Семейство Шалонских» (1879) Евгении Тур. Знаменитая писательница не стала ничего особенного изобретать и предварила роман сообщением от лица представившегося «отставным поручиком Григорием Шалонским» публикатора о «находке» записок и дневника «старом бюро»³³⁹. Следованию приемам «Детства и отрочества» Л. Н. Толстого показался роман критику «Исторических записок» А. П. Милюкову, среди достоинств романа отметившего простоту изложения и сердечную теплоту некоторых эпизодов, а также литературность общей обработки произведения³⁴⁰. Герои Евгении Тур действительно много читают: в числе упомянутых в тексте произведений «Четьи Минеи» и «Освобожденный Иерусалим», «Илиада» и народная картинка «Мыши кота хоронят», Вольтер и Расин, а среди литературных персонажей – Дон Кихот и Малек-Адель – герой французской писательницы конца XVIII века Мари Коттен, входивший в свою очередь в круг чтения пушкинских персонажей «Евгения Онегина»³⁴¹. Изящно передавая сентиментальность героев и особенно героинь, писательница

---

³³⁶ Проскурина Ю. М. Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 года в русской литературе и литературной критике // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 260.

³³⁷ Дурова Н. А. Записки Александра (Дуровой). М., 1839. 362 с.

³³⁸ Рыдзюнский П. Г. Предисловие // Данилевский Г. П. Сожженная Москва. М., 1939. С. 14.

³³⁹ Тур Е. Семейство Шалонских. Спб., 1880. С. 1.

³⁴⁰ Милюков А. П. Семейство Шалонских. Из семейной хроники. Евгении Тур. С.-Петербург, 1880 г. // Исторический вестник. 1880. № 4. С. 873

³⁴¹ Малек-Адель // Типы Пушкина. Спб., 1912. С. 209

стремилась воссоздать литературный образ эпохи начала XIX века. История и литература под ее пером сливались в единое целое. А. Ю. Сорочан для обозначения подобных экспериментов с нарративами прошлого в рамках художественного произведения использует термин «квази-история», опираясь на соответствующее выражение из публицистики последней трети XIX века³⁴². Сама война у Е. Тур лишь фон для романтических отношений героев, которые, преодолев все жизненные трудности, в конце концов связали свои судьбы на 32 счастливые года: «Таким образом, мы начали нашу жизнь вместе и окончили ее при одних и тех же словах, сказанных им мне и выражавших искреннее, простое, но глубокое чувство»³⁴³.

Важнейшие темы исторического романа 1870-1880-х гг. были связаны как с отдельными историческими эпохами, так и различными феноменами прошлого. Привлекательность периода определялась не только его эпохальной значимостью, но и современной актуальностью. Кроме Отечественной войны 1812 года и событий времен пугачевского бунта, другими важными темами исторического романа стали история раскола русской церкви, петровские реформы, времена авантюристов и дворцовых переворотов XVIII века. Иногда объектом внимания литераторов становился небольшой исторический эпизод, которому, тем не менее, удавалось придать современное звучание. Так, событиям чумы в Москве 1771-1773 гг. посвятили свои произведения Д. Л. Мордовцев и Е. А. Салиас. Интересно, что и созданы были они практически одновременно: «Наносная беда» Мордовцева увидела свет в конце 1879 года, а в следующем 1880-м Салиас в журнале «Огонек» опубликовал свой роман «Мор на Москве». «Чумой я занимался и напечатал большую статью о ней в «Древней и Новой России» года три тому назад, – писал 16 января 1879 года Мордовцев Суворину. – Пожалуй – займусь чумною повестью: это – кстати, да и в голове у меня это время хорошо уложено»³⁴⁴. На следующий день он продолжил разговор о своих творческих

---

³⁴² Сорочан А. Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев. Тверь, 2007. С. 57-58.

³⁴³ Тур Е. Семейство Шалонских. СПб., 1880. С. 158.

³⁴⁴ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 16 января [18]79. Л. 38.

планах: «Вчера, за литературным обедом, гр. Сальяс говорит мне: «А я читаю вашу московскую чуму», – т. е. мою о ней статью. <...> Я полагаю – не пишет ли уже Сальяс чумной повести? – Вот столкнемся-то! Но я хочу поэтому перегнуть его: пусть «Нов.[ое] вр.[емя] первое начнет. Для этого я подобрал для себя книжные пособия и ныне же погружаюсь в чуму, чтобы к субботе или воскресенью дать вам первую главу»³⁴⁵.

Исторических героев Салиас использовал в качестве знаковых фигур своего времени, например, всеильного Григория Орлова как символа просвещенного абсолютизма, всепроникающего и всемудрейшего, и московского архиепископа Амвросия, убитого во время бунта, как «жертву искупления за мор людской»³⁴⁶. При этом автор допускал упрощения, стилизуя свой авторский голос под народную речь: «Графу Григорью Орлову за всю жизнь, всегда, везде была неслыханная удача, – точь-в-точь, как тому сказочному российскому витязю, который только свистнет – и все ему дается, все является, все с неба валится!»³⁴⁷

У Мордовцева настоящим «историческим героем» стала Москва: сам город с его многочисленными улицами, площадями, церквями, монастырями, то бурлящими от людского моря, то леденеющими от пустоты, под пером Мордовцева превратился в литературный исторический персонаж: «богомольная Москва каждое утро стоном стонала», «Москва валит на "толкун"», «спит Москва богатырским сном», «Москва сошла с ума» и т.п. Особое внимание Мордовцев уделил родству народной Москвы с древними столицами русских «демократических республик» Новгорода и Пскова: «В Москве в то время еще жив был старый обычай, начало которого восходило ко временам вечевой жизни "господина Великого Новгорода" и Пскова: все свободные, безместные и заштатные священники каждое утро, бывало, толкаются у "веча"». Москва словно очеловечена – сама то буянит, то кается: «Снова звон колоколов над Москвой, но уже не набатный, а унылый, похоронный. И в каком-то особенном, глубоко

³⁴⁵ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 17 января [18]79. Л. 39.

³⁴⁶ Салиас Е. А. На Москве // Салиас Е. А. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1992. С. 593.

³⁴⁷ Там же, с. 591.

потрясающем душу порядке идет мрачно торжественный перезвон, словно стонет бесконечно великая медная, но живая человеческая грудь. Сначала застонет Иван Великий, и тоскливо пронесется с высоты Кремля по всей Москве это страшное металлическое стенание, а за ним застонут ближайšie церкви, потом дальнейшие, и стон этот идет от центра города к окраинам, а потом снова возвращается к центру, и снова тот же круговой стон. Можно подумать, что вся Москва, наконец, вымерла, и это Москву хоронит кто-то невидимый»³⁴⁸. Впрочем, никакие стилистические искания не смогли убедить критиков Мордовцева из журнала «Дело», посчитавших, что подобные писания способны довести людей «не только до слез, скрежета зубовного, до бешенства, но даже до нервного расстройства»³⁴⁹, а сам народ под «неуклюжим помелом» литератора вышел «глупым и отвратительным зверем»³⁵⁰.

Интересно, что оба произведения заканчиваются описаниями арестантских обозов, причем и в «Наносной беде», и в «На Москве» в центре этих сцен оказываются девушки, ослепляющие своей красотой и откровенно диссонирующие со всей окружающей обстановкой. И если Мордовцев был более лаконичен, фокусируя внимание на внешности своей героини – «Партия прошла далее. Но доктор не мог не заметить, что рядом с первою сворою арестантов шла высокая красивая, с огромной черною косою девушка и плакала»³⁵¹, то Салиасу удалось описать состояние героев более подробно, романтизируя саму ситуацию отправки на каторгу: «Ивашка сидел в розвальнях рядом с Павлой и держал ее за руку, прикованную к его руке. И как дороги ему были кандалы эти! От этой руки, которую она теперь не могла бы отнять, если б и захотела, и которую он чуял в своей руке, от нее именно и заливался он соловьем, радостно и звонко оглашая дорогу и бесконечные снежные равнины»³⁵². Его герои нашли свое счастье и искупление от грехов прошлого, что вполне могло навеивать читателю

³⁴⁸ Мордовцев Д. Л. Наносная беда // Мордовцев Д. Л. ПСИР. СПб., 1914. С. 186.

³⁴⁹ [Б/п]. Наносная беда. Историческая повесть Д. Л. Мордовцева. СПб, 1879. // Дело. 1879. № 6. С. 81.

³⁵⁰ Там же, с. 86.

³⁵¹ Мордовцев Д. Л. Наносная беда. С. 196.

³⁵² Салиас Е. А. На Москве. С. 597.

воспоминания о прочитанном когда-то романе Достоевского «Преступление и наказание». Как и у Евгении Тур, литературность романа «На Москве» выглядит достаточно нарочито: «Все эти дамы-поэтессы сочиняли без устали, собирались у княгини, советовались, читали друг другу свои произведения, рассуждали, спорили, и на устах их звучали постоянно имена тех людей, которые для них были учителями и примерами в трудах, а теперь стали бессмертными: Лафонтен, Буало, Вольтер, Дидерот...»³⁵³.

Теме раскола русской церкви и связанных с этим социальных процессов посвятил фактически цикл своих произведений Д. Л. Мордовцев – «Идеалисты и реалисты» (1878), «Сидение раскольников на Соловках» (1880), «Великий раскол» (1880), «Социалист прошлого века» (1882). Для них характерно не только создание нового для своего времени типа исторического героя – пораженного в правах страдающего героя (Левин в «Идеалистах», Исачко в «Сидении раскольников на Соловках», Аввакум в «Великом расколе», Кравков в «Социалисте прошлого века»), и вместе с этим воплощавшего в себе определенную историческую перспективу, которая самим автором считалась жизнеспособной и актуальной на момент создания произведения. Все эти персонажи являлись подлинными историческими лицами, о судьбе которых было опубликовано немало документальных свидетельств. Кроме этого, отличительной чертой исторической романистики Мордовцева данного периода, как справедливо считал А. Ю. Сорочан, являлось стремление создать «единую историческую картину из отдельных, слабо связанных между собой сюжетов»³⁵⁴. Перед читателем «раскольного» цикла представал масштабный пейзаж трагических изменений в русском обществе XVII-XVIII веков, а объектами его пристального внимания историка и художника становились все стороны социальной жизни человека – трагедия личности, трагедия семьи, трагедия целого класса или сословия.

---

³⁵³ Там же, с. 228.

³⁵⁴ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX в. С. 316.

«Раскольная» тема звучала и в романе Вс. С. Соловьева «Царь Девица» (1880). Образ царевны Софьи, соперницы юного царя Петра в династическом споре за престолонаследие, автору удалось воссоздать с помощью целой системы оппозиций, ядром которой стал конфликт старого и нового как центральный мотив всего произведения³⁵⁵. Обозначив жанровые особенности своего романа как «хроника», Вс. С. Соловьев, тем не менее, стремился отобразить внутренний мир своих персонажей, главную роль отдавая при этом своей героине. «Отпустив Шакловитого, царевна принялась было снова за письмо сердечному другу Васеньке, но тотчас и оставила – она не могла писать ему в таком состоянии духа. Ей уж и так казалось, что он из-за тысячи верст глядит ей прямо в душу своим пытливым и укоризненным взором»³⁵⁶. Психологические искания, вероятно, восходят к личностным противоречиям героев Достоевского, творчество которого Вс. Соловьев считал одним из своих важнейших творческих ориентиров.

Еще одной темой исторической романистики в 1870-1880-х гг. была «дворцовая» тема интриг и переворотов XVII-XVIII века, с различных сторон рассматриваемая в романах Г. П. Данилевского «Мирович» (1879) и «Княжна Тараканова» (1882), Е. П. Карновича «Самозванные дети» (1878), «Мальтийские рыцари в России» (1879), «Любовь и корона» (1879), «Придворное кружево» (1883), П. В. Полежаева «Престол и монастырь» (1880), «Лопухинское дело» (1883), «150 лет назад. Бирон и Волынский» (1883), Вс. С. Соловьева «Капитан гренадерской роты» (1878).

Несмотря на заметную близость в строении сюжетов и очевидную опору на документальные свидетельства, эти три автора демонстрируют самые разные подходы к изображению исторического прошлого. Романы Данилевского, изображавшие «политическое движение»³⁵⁷ своего времени, ближе к историко-

---

³⁵⁵ Ляпина С. М. Композиционные особенности образа царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // Филологос. 2012. № 3. С. 44.

³⁵⁶ Соловьев Вс. С. Царь-девица // Соловьев Вс. С. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1996. С. 324.

³⁵⁷ Шелгунов Н. С. Бесплодная нива. Мирович. Исторический роман в 3-х ч. Г. П. Данилевского. СПб. 1880; Двенадцатый год. Исторический роман в 3-х ч. Д. Л. Мордовцева. СПб. 1880 // Дело. 1880. № 10. С. 47.

политическим романам Мордовцева. История в пересказе Карновича легка и непринужденна, Полежаеву свойственна хроникальность, Вс. Соловьев стремился показать психологизм эпохи, изображая умение играть на струнах сердца как важнейшее качество политика.

Исследователями отмечено и значительное влияние, оказанное Ф. М. Достоевским на художественные принципы и идейные установки Соловьева³⁵⁸. «У меня еще всё впереди, – обращался молодой автор к своему старшему наставнику, – и, быть может, и мне удастся сказать свое слово, но мне нужна опора и за этой опорой обращаюсь я к Вам, гениальный учитель»³⁵⁹.

Современная актуальность в вышеупомянутых романах уходит на второй план, не имея такого остро политического значения, как в произведениях Мордовцева рубежа 1880-х гг. «Выберите историческое событие, само по себе интересное в каком-либо отношении, соберите побольше мемуаров, относящихся к данной эпохе, рассортируйте их и пересказывайте по порядку, что делалось известными историческими лицами, с прибавками каких-нибудь собственных дополнений – и получите исторический роман нового пошиба»³⁶⁰, – так достаточно упрощенно представлял себе современный критик работу исторического романиста, насколько это убедительно представлялось ему на примере романа П. В. Полежаева «Престол и монастырь» (1880).

Все вышесказанное совершенно нельзя отнести к работе над созданием своих произведений Г. П. Данилевского. Образ княжны Таракановой во многом основан на материалах исторического очерка П. И. Мельникова «Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская»³⁶¹. Сюжет романа «Мирович»³⁶² был

---

³⁵⁸ Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции : дис. ... док. филолог. наук. Тверь, 2014. С. 526.

³⁵⁹ Соловьев Вс. С. Письмо к Достоевскому Ф.М. 28 декабря 1872. // НИОР РГБ. Ф. 93. К. 8. Ед. хр. 122. Л. 2об.

³⁶⁰ А. П. М. [Милюков А. П.] Престол и монастырь. Исторический роман в двух частях, из русских летописей 1682-1689 гг. П. Полежаева. СПб, 1880 // Исторический вестник. 1880. № 3. С. 643.

³⁶¹ Мельников П. И. Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская // Русский вестник. 1867. №№ 69, 70.

³⁶² «Можно бы интересный составить исторический роман из горестной жизни несчастного принца, бывшего в России под именем императора Иоанна III Антоновича, – писал

создан по материалам, собранным украинским писателем Г. Ф. Квиткой-Основьяненко (1778-1843), архивом которого занимался Данилевский в 1860-е годы³⁶³. Романист долго вынашивал замысел произведения, изначально предполагая назвать его «Император Иоанн Антонович». Большое значение придавал он и документальным подробностям, советуясь, например, с передавшим писателю документы Квитки-Основьяненко³⁶⁴ историком М. П. Погодиным «как о плане романа, так и об источниках для него»³⁶⁵.

В примечаниях к роману «Мирович» литератор достаточно подробно разъяснил значение источников для своего произведения. По его собственным словам, особую роль играли не только частные материалы: записки, дневники, воспоминания, письма современников, но и семейные предания – прабабка писателя, бывшая некогда фрейлиной при дворе супруги Петра III живо помнила обстоятельства описываемых в романе событий, кроме этого, ее невестка – мать отца Данилевского, Петра Ивановича, была из рода Рославлевых, сыгравших, вместе с Орловыми «видную роль» при воцарении Екатерины II³⁶⁶.

В образе Василия Мировича³⁶⁷ Данилевскому удалось воссоздать тип авантюриста-мечтателя русского XVIII века³⁶⁸. «Одним праведником, по пословице, спасается целый город. Идеалистами, с течением времени, спасались не раз целые поколения», – так, в тональности Мордовцева, рассуждал о своем герое сам автор³⁶⁹. Исследователи творчества Данилевского считают, что

для памяти Г. Ф. Квитка о своих творческих задумках. (См. План романа из жизни Мировича и записки о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненко) // Русский архив. 1863. № 2. Ст. 160).

³⁶³ Данилевский Г. П. Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Харьков, 1866. 403 с.

³⁶⁴ Данилевский Г. П. План романа из жизни Мировича и записки о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненко) // Русский архив. 1863. № 2. Ст. 160.

³⁶⁵ Письмо Данилевского Г. П. Погодину М. П. [не позднее 1875]. // РГАЛИ. Ф. 373 (Погодин М. П.). Оп. 1. Ед. хр. 139. Док. 1. Л. 1.

³⁶⁶ Данилевский Г. П. Примечания к роману «Мирович» // Данилевский Г. П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1890. С. 389.

³⁶⁷ Мирович Василий Яковлевич (1740-1764) – подпоручик Смоленского пехотного полка, организатор неудачной попытки дворцового переворота 1764 г. в России.

³⁶⁸ Кимова Л. Х. Исторический роман Г. П. Данилевского «Мирович». Нальчик: КБГУ, 1979. С. 54.

³⁶⁹ Данилевский Г. П. Предисловие к 6-му изданию (от автора) / Данилевский Г. П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1890. С. III.

писателю не верилось в социальное переустройство мира, а жертвы, на которые его современники шли во имя социальной справедливости, ему казались неоправданными и бессмысленными³⁷⁰.

Практически все вышеупомянутые авторы имели за своими плечами опыт исторических изысканий. Е. П. Карнович был признанным историком, регулярно публиковавшим научные очерки, в частности, «Значение бироновщины в русской истории» (1873), Г. П. Данилевский в 1874 году опубликовал ряд материалов, посвященных событиям своего будущего романа «Мирович» – «По какой причине император Иоанн Антонович перемещен из Холмогор в Шлиссельбург» (1874). Отлично владел историческими данными Вс. С. Соловьев, в художественной форме стремившийся воплотить взгляды своего отца, историка С. М. Соловьева³⁷¹, как справедливо считает исследователь творчества писателя Е. В. Никольский.

Эпитет «историк-беллетрист» в меньшей степени может быть отнесен к Е. А. Салиасу. Направление его исторических произведений, созданных после «Пугачевцев», склонялось более к развитию авантюризма. Вслед за А. Ю. Сорочаном, отметившим отсутствие убедительных авторских объяснений происходящему в романе «Мор на Москве»³⁷², выскажем предположение, что Салиас и не стремился представить какую-либо историософскую концепцию в своем произведении сверх того, что складывалось из его повествования от третьего лица. Автор погружал читателя в события московской жизни 1770-х гг., не давая ровным счетом никаких объяснений не только с точки зрения историка – с точки зрения современника вообще. В хаотичном движении действия нет никакой истории как процесса, как закономерности, как последовательной взаимосвязи по-разному действующих законов, как то можно заметить в прозе Мордовцева, Данилевского и отчасти Соловьева. В последующих произведениях Салиасу удалось обогатить авантюризм элементами сентиментальной и даже

---

³⁷⁰ Кимова Л. Х. Исторический роман Г. П. Данилевского «Мирович». С. 17.

³⁷¹ Никольский Е. В. «Бунташный век» и галантное столетие в романах Всеv. Соловьева. Минск, 2013. С. 53.

³⁷² Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX в. С. 206-207.

готической литературы³⁷³. Так, действие романа «Принцесса Володимирская» (1881), созданного по мотивам трагической судьбы известной под именем княжны Таракановой авантюристки³⁷⁴, оказалось полностью подчиненным разгадыванию тайны рождения главной героини, что, несомненно, способствовало усилению читательского интереса, но с точки зрения исторической романистики было заметным шагом в сторону от следования требованиям документальной достоверности³⁷⁵. Что, в свою очередь, определило дальнейшее развитие авторского художественного метода в сторону разработки эксплуатирующих исторический материал литературных стереотипов, балансирующих между развлекательностью и достоверностью³⁷⁶.

Заключение 1 главы

В настоящей главе нам удалось проследить основные этапы становления русского исторического романа XIX века. Нами были выделены два значимых периода развития исторического направления в отечественной литературе, а именно – 1830-1840-е и 1860-1880-е гг. Эти периоды характеризуются как схожестью факторов влияния на развитие всего направления, так и обладают собственными уникальными чертами, связанными со своеобразием развития литературного процесса своего времени.

Русский исторический роман XIX века развивался под влиянием становления исторической науки и изменения философских систем, на выбор писателем документальной основы произведения влияли характер источниковедения своего времени, общественная актуальность тематики, сопряженной с различными действующими лицами исторических эпох,

---

³⁷³ Никульшина Е. В. Феномен самозванства в романе Е. А. Салиаса де Турнемира «Принцесса Володимирская» // Известия ВГПУ. 2013. № 6. С. 127.

³⁷⁴ Мельников П. И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Русский вестник. 1867. №№ 5,6.; 1870. № 8.

³⁷⁵ Никульшина Е. В. Феномен самозванства в романе Е. А. Салиаса де Турнемира «Принцесса Володимирская». С. 127.

³⁷⁶ Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX в. С. 459.

событиями и феноменами прошлого. Вместе с этим следует отметить, что развитие исторического направления в русской литературе XIX века на протяжении всех рассмотренных нами периодов демонстрировало взаимопроникновение различных литературных родов – лирического, эпического, драматического. Новаторство в этой области было связано с использованием в прозаическом произведении приемов и художественных средств поэзии и драмы, а также включением в общее художественное пространство фольклорных, документальных и научных элементов.

Как показало исследование, исторический роман в 1830-1880-х гг. находился в центре общего развития русской прозы, играя роль своеобразного поля как для художественных экспериментов, так для отработки и оттачивания найденных ранее приемов, реализации историко-философских концепций. Как правило, новаторство в области исторической романистики состояло в поиске новых форм взаимодействия художественного текста и его исторического первоисточника, в раскрытии новых взглядов на ход исторического развития и роли в нем человеческой личности. Важным фактором новаторства было и обнаружение новых исторических тем, способных создать социально-политическую перспективу для современной дискуссии по значимым вопросам своего времени, таким как взаимоотношение личности и государства, эмансипация женщины, роль героического прошлого по отношению к современности, поиск корней современных общественных явлений и т.п.

Говоря о различиях двух этапов развития русского исторического романа XIX века, следует отметить установленные нами принципы подхода к изображению человека – принципы «обычного человека» 1830-1840-х гг. и «исторического героя» 1860-1880-х гг.

Если «обычный человек» первого из рассмотренных нами периодов являлся идеализированным воплощением представлений о национальном характере, то в изображении «исторического героя» заметно стремление к созданию своеобразного «слепок» с конкретно-исторической модели человеческой личности, – портрета, вбирающего в себя не только информацию о документально

известных фактах биографического характера, но и элементы «исторической психологии», основанные на представлении об особенностях мировоззрения человека данной исторической эпохи.

«Обычный человек», – это, как правило, придуманный автором персонаж, чьим прототипом может являться и фигура реально существовавшего человека. Фактически автор пересоздавал своего героя, беря за основу одну или несколько выдающихся черт, оставляя за собой свободу в части интерпретации психологического портрета и участия в описываемых в произведении событиях. Выражение «национальных черт» достигалось за счет сочетания выдающихся поступков персонажа с его обычностью в общечеловеческом плане. Таким образом, героизация рядового человека приводила к воссозданию идеальных черт представителя данной национальности согласно представлениями конкретного автора. Чем художественно достовернее выглядело это изображение, тем ярче и убедительнее в глазах читателя мог восприниматься создаваемый писателем «исторический тип», который чаще всего был национально ориентированным образом.

Личная история такого персонажа выражалась через конфликт с обстоятельствами, препятствующими следованию по пути развития национальной истории в ее идеализированном и очищенном от противоречий изводе. Современное читателю настоящее представлялось как счастливое будущее, к которому стремится герой - «обычный человек» изображаемого прошлого. Этому типу персонажа присущ исторический оптимизм, по натуре он – победитель. Основными этическими императивами для такого героя являлись защита слабого, ум и даже хитрость в отношении к врагу, общенациональная гордость, величие и слава государства, исторический прогресс, следование которому означало повиновение воле выдающегося правителя своего времени, как правило, русского монарха.

«Исторический герой» 1860-1880-х гг. представлял собой персонаж, чей образ воссоздан с реально существовавшего человека на основании целого комплекса исторических документов. Чем большим было количество

документально известных фактов, чем подробнее с их помощью раскрывалась судьба человека от рождения до самой смерти, чем достовернее, с точки зрения автора, в них отражался его психологический портрет, – тем большими возможностями располагал литератор для работы над образом своего персонажа.

Вместо воспроизведения общенациональной однородности 1830-1840-х гг. историческая литература 1860-1880-х гг. продемонстрировала стремление к усложнению социальной репрезентации, увеличение масштабов изображения человеческих общностей, дробление человеческой среды на составляющие, поиск закономерностей и типичности в установлении социально однородных сообществ. Исторический роман этого периода социально значительно более сложен, нежели ранее. Коллизия произведений уже не сводится, как прежде, к освободительной борьбе «Русских» с врагами-захватчиками или к изобличению подрывной деятельности внутренних врагов-раскольников. Мир прошлого в художественной интерпретации романиста значительно усложнен, противоречив и неоднозначен. Прошлое России больше не героизируется идеологически, наоборот, писатель способен теперь открыть в нем сложные и тяжелые стороны, связанные с борьбой за власть, беспринципностью и коварством правителей, жестокостью нравов и бесчеловечностью законов, невежеством и грубостью народных масс.

В следующей главе нами будут рассмотрены особенности художественного мира Д. Л. Мордовцева, истории создания романа «Великий раскол» и своеобразие изображения в этом произведении русского старообрядчества.

ГЛАВА 2. РОМАН «ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

§ 2.1 Художественный мир Д. Л. Мордовцева

Творческое наследие Д. Л. Мордовцева обширно. Его многогранный талант рассказчика сочетался с исключительным трудолюбием, редким даже для литератора второй половины XIX века, а верность выбранному пути просветителя и исследователя народных движений помогала обращаться к самым разнообразным жанрам художественной литературы и публицистики. Так, в торговом каталоге за 1878-1893 гг. издательства «Новое время», принадлежавшего известному литературному предпринимателю А. С. Суворину (1834-1912), в 4 разделах – «Словесность»³⁷⁷, «История, биография, археология»³⁷⁸, «География, этнография, путешествия, антропология»³⁷⁹, «Правоведение и общественные науки»³⁸⁰ – приведены 33 различных издания произведений писателя.

Широтой интересов Мордовцева обусловлено и разнообразие использованных им публицистических жанров: статистический очерк («Данные для статистического описания Камышинского уезда», 1857), исторический очерк («О разбойниках в Саратовской губернии прошлого столетия», 1858); рецензия («Об исторических очерках русской народной словесности и искусства. Ф. И. Буслаев», 1861), культурно-исторический очерк («Русские женщины Нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины первой половины XVIII века», 1874), социально-политический очерк («Десятилетие русского земства», 1877), фельетон («Светочи будущего», 1877), литературно-критический очерк («Об историческом значении Некрасова как поэта», 1878),

---

³⁷⁷ Каталог книжного магазина «Нового времени» А. С. Суворина : 1878-1893. СПб., 1895. С. 101-102.

³⁷⁸ Там же, с. 154.

³⁷⁹ Там же, с. 178.

³⁸⁰ Там же

очерк путешествий («Поездка к пирамидам», 1884); воспоминания («Костомаров в последние десять лет его жизни», 1885), социально-бытовой очерк («Живой товар», 1893).

В своем художественном творчестве Мордовцев обращался к целому ряду как прозаических, так и драматических и лиро-эпических жанров, таких как поэма («Казаки и море», 1854), рассказ («Солдатка», 1859), драма (трилогия «Славянские драмы», 1874), социальный роман («Знамена времени», 1869), исторический роман («Идеалисты и реалисты», 1878), историческая повесть («Социалист прошлого века», 1884), фантастическая новелла («Тишайший у меня в гостях», 1887), биографический роман («Профессор Ратмиров», 1889). Не был чужд Мордовцев и любительской поэзии. Так, известны рукописи двух его стихотворений, предназначенных для узкого круга родных и близких: «Ода на смерть кота» и «В сем российском пантеоне»³⁸¹.

К середине 1870-х гг. литератор был достаточно известен как автор целого ряда исторических публикаций, объединенных тематикой «Политических движений русского народа» и включавших в себя исследования феноменов самозванств и понизовой вольницы XVIII-XIX вв., монографии о народных выступлениях и событиях времен пугачевского восстания в Поволжье (1773-1775). С точки зрения современных специалистов-историков, вклад Мордовцева в изучение стихийных волнений прошлого сложно переоценить. Среди прочих достоинств его исследований отмечаются новаторство в анализе социальной структуры бунтующих масс, а также использование новых для своего времени методов, например, включение фольклорных данных в качестве источника исторических сведений³⁸², что впоследствии позволило Мордовцеву мастерски и

---

³⁸¹ Мордовцев Д. Л. Стихотворения. Чистовые рукописи. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 394. (В. Г. Котельников). № 28. 2 лл.

³⁸² Аникеев Т. Е. Д. Л. Мордовцев и Н. И. Костомаров как историки народных движений в России // Мир культуры: актуальные проблемы методологии, теории и истории культуры. М., 2005. С. 186.

обоснованно включать в свои художественные произведения на историческую тему народно-поэтические элементы.³⁸³

Первые же исторические романы Мордовцева – «Идеалисты и реалисты» (1878) и «Дмитрий Самозванец» (1879) вызвали значительный интерес читающей публики. Опыт архивных разысканий, широчайший кругозор и эрудированность, заметная творческая установка на решение просветительских задач накладывали свой отпечаток на сам характер произведений³⁸⁴. Стремление к правдивому изображению исторической действительности Мордовцеву удавалось сочетать с оригинальным художественным осмыслением глубинных процессов и закономерностей российской истории³⁸⁵. «Его романы, – писал в 1879 году об исторической беллетристике Мордовцева литературный критик В. П. Буренин (1841-1926), – помимо занимательности представляют и известную пользу: они в живом рассказе знакомят читателей с событиями и лицами русской истории»³⁸⁶.

Интерес к литературному творчеству проявился у Д. Л. Мордовцева с раннего детства. Первым художественным опытом будущего писателя стал бытовой рассказ «Трагический случай из жизни, как меня покусала собака – Рудько»³⁸⁷. Произведение было написано по-украински, славянскими буквами. Юному автору было тогда не старше девяти лет. По собственному признанию, писатель до четырнадцати лет не владел русским языком, родным для него был язык малороссийский, а первым литературным языком для Мордовцева стал церковнославянский язык «Часословца» и «Псалтири»³⁸⁸ – эти книги Мордовцев с

---

³⁸³ Мещерякова Л. А. Исторические романы Д.Л. Мордовцева (проблемно-исторический и художественный аспект). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Самара. 1995. С. 11.

³⁸⁴ Друг писателя, академик А. Н. Пыпин, подчеркнул в своих воспоминаниях, что Мордовцев «знал цену архивных документов» и не раз спасал от уничтожения ценные материалы по народной истории. (Пыпин А. Н. Мои заметки // Вестник Европы. 1905. №2. С. 474-475).

³⁸⁵ Момот В. С. Д. Л. Мордовцев – писатель-демократ. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 126.

³⁸⁶ Буренин В. П. Два слова об историческом романе на отечественной почве // Новое время. 1879. № 1161. С. 3.

³⁸⁷ Мордовцев Д. Л. Автобиография. Автограф. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 273. (Быков П. В.) Оп. 2. № 18. Л. 1.

³⁸⁸ Там же

раннего детства знал «наизусть от доски до доски»³⁸⁹. Младший современник писателя, Я. Я. Полферов, автор воспоминаний о детстве и юности знаменитого земляка, отмечал и еще одно отроческое произведение – описание плеса Дона, созданное Мордовцевым в год окончания им Усть-Медведицкого окружного училища³⁹⁰. Этот этюд был прочтен в кругу местной интеллигенции, а впоследствии, как указано Полферовым, в переработанном виде вошел в роман «Дмитрий Самозванец» (глава «Лжедмитрий на Дону»)³⁹¹.

Вместе с увлечением чтением, Даниил Лукич в своей «Автобиографии» упомянул и зародившуюся у него с детства любовь к родной природе: «лес и степи – мои первые воспитатели. Мы, деревенские ребяташки, бродили по лесу ватагами, разоряя птиц и собирая “козельцы”³⁹², зато изучили природу»³⁹³.

Первым художественным произведением, оказавшим влияние на юного автора, стала поэма «Потерянный рай» Д. Мильтона (1608-1674) «в старинном русском переводе»³⁹⁴, с которым тот познакомился в саратовской гимназии³⁹⁵. На Мордовцева произвели яркое впечатление «мрачные образы» и «борьба демонов с ангелами»³⁹⁶ – все это не могло не волновать воображение «казачонка» и будило в нем творческое вдохновение.

Такие значимые черты стиля писателя, как языковая пластичность, обилие разговорных элементов, стремление к ярким и порой причудливым образам, сложность синтаксиса – все это формировалось, по всей видимости, уже с ранней юности. Писателя с детства отличала великолепная память: в «Автобиографии» он признается, что в период учебы в Усть-Медведицком училище «выучивал

³⁸⁹ Там же

³⁹⁰ Полферов Я. Я. Из воспоминаний о Д. Л. Мордовцеве // Исторический вестник. 1906. № 2. С. 611.

³⁹¹ Там же

³⁹² Козелец (скорцонера) – род диких трав со съедобными корнями.

³⁹³ Мордовцев Д. Л. Автобиография. Л. 1.

³⁹⁴ Вероятно, речь идет об издании 1780 г. архиепископа Амвросия (Серебренникова).

³⁹⁵ Мордовцев Д. Л. Автобиография. Л. 1.

³⁹⁶ Там же

наизусть почти все учебники» – и все для того, чтобы иметь побольше свободного времени и «отдаваться вольному разгулу»³⁹⁷.

Любил юный Мордовцев «атаманствовать»³⁹⁸ – собирать мальчишек и устраивать игры в ватаги разбойников и казаков. Отличался он при этом необыкновенным красноречием. Как свидетельствовал Полферов со слов друга детства писателя Уколова, на местной ярмарке Мордовцев мог увлечь торговца невероятной историей, в то время как его товарищи таскали с прилавка сушеную рыбу³⁹⁹. В кругу сверстников Данило числился среди заводил, что совершенно не мешало его прилежанию. Учебу Мордовцев использовал как возможность утвердиться, завоевать уважение окружающих. Сохранившийся гимназический табель за ½ месяца декабря 1849 года содержит пятерки по каждому из семи предметов, а латинский язык и поведение отмечены плюсом при общем выводе – «5» и следующем пояснении: «обращает особенно внимание на поведение», а сама оценка (5+) сопровождается припиской - «преотличное»⁴⁰⁰.

Умение найти общий язык практически с любой аудиторией было присуще Мордовцеву с детства. Казакам он рассказывал про «казацкие подвиги», татарам – гостям медведицкой ярмарки – про Казань и Золотую Орду, а своим «сородичам»-украинцам – про Тараса Бульбу на родном малороссийском языке⁴⁰¹.

Своеобразие художественного мышления будущего писателя проявилось и при создании первого полноценного произведения – рассказа «Кто-то вернется?», посвященного событиям войны 1812 года. Его герои – казацкий атаман Платов, поэт Жуковский, молодой офицер, потерявший в сражении руку. В известной по пересказу Полферова новелле стоит отметить черты будущего стиля писателя: лиризм, а также присутствие в произведении драматической коллизии, основанной на встраивании в художественное пространство событий из жизни частных лиц наряду с историческими персонами.

³⁹⁷ Там же, л. 1об.

³⁹⁸ Полферов Н. Я. Из воспоминаний о Д. Л. Мордовцеве. С. 610.

³⁹⁹ Там же, с. 611.

⁴⁰⁰ Табелю успеваемости ученика Саратовской гимназии Мордовцева Д. Л. 1844-1849. // РГАЛИ. Ф. 320. (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2.

⁴⁰¹ Полферов Н. Я. Из воспоминаний о Д. Л. Мордовцеве. С. 611.

Тяга к истории проявилась у Мордовцева уже в детстве. Он не только интересовался прошлым, но и любил пересказывать взрослым и сверстникам различные истории, дополняя их подробностями, рождавшимися в воображении будущего писателя едва ли не в процессе рассказа. «И пойдет врать наш Данило, перемешивая исторические факты с фантастическими эпизодами», – передавал воспоминания Уколова Полферов⁴⁰². Биографом отмечены бойкость оратора и чувство юмора, с которым тот стремился увлечь слушателя. А умение постоять за себя и лидерские качества делали из юного писателя вожака и организатора развлечений, среди которых основной была оборона зимней крепости, переложенная Мордовцевым на «пугачевский» лад: защитники ледяного сооружения отбивались от «понизовой вольницы», которой предводительствовал Мордовцев во имя «холопья и всяких недовольных людишек»⁴⁰³. Игру предваряла страстная речь Данилы, которой он стремился увлечь единомышленников на борьбу за вольность. «Я с самого далекого детства, проведенного мной в донском войске, – писал литератор С. Н. Шубинскому, – помню постоянно рядом стоящие в устах народа имена «Ванька Каин, Стенька Разин, Гришка Отрепьев, Емелька Пугачев и Маришка-безбожница»⁴⁰⁴.

Среди товарищей юности Мордовцев в «Автобиографии» выделил двоих, дружбе с которыми «обязан очень многим»⁴⁰⁵. Речь идет о А. Н. Пыпине (1833-1904) – литературоведе, академике Петербургской Академии наук (1898), и П. А. Ровинском (1831-1916) – историке-слависте, активном участнике «Земли и Воли» 1860-х гг. А. Н. Пыпин отметил еще один «кружок», деливший «славянские интересы», – своих друзей по Петербургскому университету Д. Л. Мордовцева и В. И. Ламанского (1833-1914), также будущего академика⁴⁰⁶, в

---

⁴⁰² Там же

⁴⁰³ Там же, с. 610.

⁴⁰⁴ Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 13 августа [18]74// ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 2. 1875 г. Л. 93.

⁴⁰⁵ Мордовцев Д. Л. Автобиография. Л. 1об.

⁴⁰⁶ «Странно распорядилась судьба, – писал младший современник и друг Мордовцева Ф. Ф. Фидлер (1859-1917), – Ламанский стал знаменитым ученым, а Мордовцев не сделал никакой карьеры» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеристики и суждения. М., 2008. С. 343).

котором Даниил Лукич занимал место «проводника малороссийской литературы». Письма Мордовцева к Пыпину⁴⁰⁷ содержат важные биографические сведения, помогающие раскрыть своеобразие взаимоотношений старых друзей. А. Н. Пыпин несколько раз обращался в своих воспоминаниях к фигуре Мордовцева, а его книгу «Русское крестьянство накануне воли» (1872/1889)⁴⁰⁸ охарактеризовал как «одну из самых страшных книг, какие являлись в нашей литературе»⁴⁰⁹.

Стремление к языкам заставило выучить юного гимназиста не только греческий и латынь, но и древнееврейский, татарский и калмыцкий языки⁴¹⁰. В Казанском университете, в который Мордовцев поступил в августе 1850 г., увлечение языками получило свое дальнейшее развитие: если лекции оказывались скучными – Мордовцев записывал их конспект по латыни, что позволило в дальнейшем выдержать своеобразное испытание. Начальство приставило Мордовцева к захворавшему профессору Фатеру, который по-русски не изъяснялся, и студент развлекал больного, рассказывая русские сказки в собственном же переводе на латинский язык⁴¹¹.

Литературные опыты Мордовцева продолжились в гимназии: вдохновленный «Одиссеей» в переводе Жуковского, Мордовцев сочинил «несколько тысяч гекзаметров» шуточной поэмы, в которой были изображены в «героическо-комическом тоне» учителя и товарищи⁴¹².

---

⁴⁰⁷ Мордовцев Д. Л. Письма, записки (31) и записи на визитной карточке (2) А. Н. Пыпину. Саратов, Петербург, Ментон; 1847-1900. // ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А. Н.) Ед. хр. 565. 39 л.

⁴⁰⁸ Книга «Русское крестьянство накануне воли» была написана в 1872 году, но после публикации первой главы в журнале «Дело» была запрещена. Мордовцеву удалось напечатать ее в 1889 г., после чего весь тираж был уничтожен. Сохранившийся экземпляр позволил В. С. Момоту включить книгу в издание 1987 г. вместе с романом «Великий раскол» (Момот В. С. Послесловие // Мордовцев Д. Л. Великий раскол: исторический роман: Накануне воли: архивные силуэты. Ростов-на-Дону, 1987. С. 619).

⁴⁰⁹ Пыпин А. Н. Мои заметки // Вестник Европы. 1905. № 2. С. 474 - 475.

⁴¹⁰ Мордовцев Д. Л. Автобиография. Л. 2.

⁴¹¹ Там же

⁴¹² Там же, л. 1об.

Под влиянием прочитанного «Космоса» немецкого ученого-энциклопедиста Александра фон Гумбольдта (1769-1859)⁴¹³ Мордовцев вместе с Пыпиным смастерили карты звездного неба и увлеченно «изучали это небо до тонкостей», иногда проводя бессонные ночи, отмечая на этих картах движение планет по небосклону⁴¹⁴.

Страсть к естествознанию привела Мордовцева к поступлению на математический факультет Казанского университета, и только возмущение экзаменаторов заставило переменить решение: «С такими знаниями не математических предметов безбожно поступать на математический факультет» (подчеркнуто в рукописи. – А.У.)⁴¹⁵.

В 1847 году Мордовцев лишился матери. «Это была первая глубокая рана, нанесенная мне жизнью», – так писатель отметил в Автобиографии юношеское потрясение. Летние каникулы, проводимые дома, в Даниловке, – вдалеке от ставшей родной саратовской гимназии, – тяготили молодого человека, привыкшего к кипучей гимназической жизни. «Мне, Саша, скучно без Вас, оттого что я так привык быть всегда и везде с Вами, а здесь у меня никого нет, решительно никого», – жаловался он Александру Пыпину в письме от 18 июля 1847 г.⁴¹⁶. «Засвидетельствуйте от меня почтение Николаю Гавриловичу [Чернышевскому] и знакомым мне ученикам», – передавал привет в Саратов Мордовцев, чувствовавший себя безнадежно одиноким в деревенской глуши⁴¹⁷.

Любознательность и открытия естественных наук, детская страсть к «атаманству», рвение в учебе и крепкая сила воли – все это с детства закладывало фундамент того трудолюбия, которым всю свою жизнь будет отличаться Мордовцев. А природа донского края, ощущение бездонности космоса, яркий

---

⁴¹³ Humboldt A. von. Kosmos — Entwurf einer physischen Welbeschreibung. — Stuttgart; Tübingen: G. Gottaschen. – Bd 1. – 1845; Bd 2. – 1847.

⁴¹⁴ Мордовцев. Автобиография. Л. 2.

⁴¹⁵ Там же

⁴¹⁶ Мордовцев Д. Л. Письмо Пыпину А. Н. Даниловка, 18.XII.[18]47. // ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А. Н.) Ед. хр. 565. Л. 1.

⁴¹⁷ Там же

языковой талант сформировали в нем остроту художественного чувства, направление и оригинальность писательского дарования.

В процессе изучения эпистолярного и публицистического наследия писателя нами был установлен ряд характерных черт, раскрывающих направления стилистического поиска литератора. На наш взгляд, следует выделить следующие особенности стиля как наиболее существенные: именование, разнообразие персонажей, игровая стилизация, внимание к художественной детали, перспективная историчность, зооморфная образность, масштабность использования образов мировой культуры.

1) **Именование.** Большую роль в «домашнем» творчестве Мордовцева играет отношение к собственному имени, именам адресатов, вовлеченных в литературную игру, разнообразие эпитетов, сопровождающих друзей и близких. По письмам к дочери⁴¹⁸ и «Альбомам Веры Даниловны»⁴¹⁹ установлен ряд его домашних прозвищ, являвшихся частью игры-воспитания: Папокоста⁴²⁰, Гомер Лукич⁴²¹, Папуас⁴²², [престарелый] Лир⁴²³. При этом подлинное имя Даниила Лукича является всего лишь псевдонимом «настоящего» автора – «Папакосты». Имя вымышленного героя фельетонов Мордовцева – мистер Плюмпудинг, эсквайр⁴²⁴. Широкий выбор используемых псевдонимов, среди которых – Афродита; Берне из Бердичева; Фома Брут, Елизавета Воробей; Гиппократ; Дельта-ми; Д.

⁴¹⁸ Мордовцев Д. Л. Письма к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 21 декабря 1877 - 9 сентября 1895 // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. 34 л.

⁴¹⁹ Мордовцев Д. Л. 1) Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой и других лиц, достойных внимания и составленный Мордовцевым Даниилом Лукичем (псевдоним Папокосты). Выпуск II. Б/д. // РГАЛИ. Ф. 320. (Мордовцев Д. Л.) Оп. 1. Ед. хр. 5. 21 л.; 2) Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой и других лиц, достойных внимания, составленный художником Д. Мордовцевым. Выпуск III. Б/д. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 6. 21 л.

⁴²⁰ Мордовцев Д. Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой. Вып. II. Л. 1.

⁴²¹ Там же, л. 3.

⁴²² Мордовцев Д. Л. Письмо к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 10 ноября [18]90. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 23.

⁴²³ Мордовцев Д. Л. Письмо к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 7 июля [18]95. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 30.

⁴²⁴ Мордовцев Д. Л. «Мистеру Мордовцеву в Петербург». Шуточное послание от Джемса Плюмпудинга (псевдоним Мордовцева). 11 ноября 1891. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.) Оп. 1. Ед. хр. 3. 1 л.

Дионисиев; Дмитруне Мірдівцев; Евдокия Зуб; Данило Мордовец; Данило Сліпченко-Мордовець; Non moriturus; Sine ira⁴²⁵.

Присваивал Мордовцев выразительные эпитеты-псевдонимы и для своей дочери Веры: «Юный Фукидид»⁴²⁶, «Будущая леди Пфейфер»⁴²⁷, «Капитан Кук»⁴²⁸. Обращает на себя внимание их выраженная культурно-историческая направленность: Фукидид – древнегреческий историк, Кук – знаменитый английский мореплаватель, леди Пфейфер – вероятно, так же персонаж детских игр Веры Даниловны, – австрийская путешественница Иди Пфейффер (1797-1858)⁴²⁹. Обращения к дочери в письмах почти всегда интимны и нежны: «Голубушка моя, дорогая, большая Вера»⁴³⁰; «Дорогой мой Верок»⁴³¹. Иногда, следуя наигранному раздражению или обиде, Мордовцев изображал шуточный гнев: «Эх ты, дрянь, дрянь старый, дружище»⁴³², «гадкая старушенция»⁴³³.

Изучение писем к А. С. Суворину, С. Н. Шубинскому, А. А. Краевскому, С. А. Юрьеву не только позволило проследить развитие дружеских и профессиональных отношений между писателем и знаменитыми редакторами, но и помогло увидеть, насколько мастерски использовал Мордовцев обращение как риторическую фигуру в качестве коммуникативного инструмента. В обычном деловом письме чаще всего литератор использовал обращения «милостивый

⁴²⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 323.

⁴²⁶ Мордовцев Д. Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой. Вып. II. Л. 3.

⁴²⁷ Мордовцев Д. Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой. Вып. III. Л. 2.

⁴²⁸ Там же, л. 15.

⁴²⁹ Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. XXV^A. СПб., 1898. С. 858.

⁴³⁰ Мордовцев Д. Л. Письмо к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 4 июня [18]78. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д.Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4.

⁴³¹ Мордовцев Д. Л. Письмо к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 18 мая [18]82. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д.Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 10.

⁴³² Мордовцев Д. Л. Письмо к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 22 декабря [18]86. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д.Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 15.

⁴³³ Мордовцев Д. Л. Письма к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 10 февраля [18]88. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д.Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 17.

государь»⁴³⁴, «многоуважаемый»⁴³⁵. Если же того требовала ситуация и позволял характер взаимоотношений с адресатами, Мордовцев для создания эпитетов использовал целый ряд эмоциональных оттенков, среди которых дружеский: «батюшка»⁴³⁶, «искренно любимый мною»⁴³⁷, превосходный: «Царь-Осударь»⁴³⁸, «отче милостивый»⁴³⁹, ироничный: «сынку мой золотой»⁴⁴⁰, «голубе»⁴⁴¹, «паноченьку»⁴⁴²; гиперболизированный: «кровожаднейший вы человек»⁴⁴³; откровенный: «жестокий и “обрывочный”»⁴⁴⁴, «милейшая и “отрывочная” тигра»⁴⁴⁵.

Для выражения своего отношения к адресату, к тому или иному его поступку или черте характера, Мордовцев указывал на проблемы в личных отношениях, конкретизируя их с помощью эпитетов: «любезнейший москаль»⁴⁴⁶, «упрямый, но сердцу милый человек»⁴⁴⁷, «злюка»⁴⁴⁸.

Иногда Мордовцев для выражения своего отношения к адресату создавал юмористические миниатюры, например, как в письме к Шубинскому от 9 мая 1879 года: «Сейчас видно, драгоценнейший Сергей Николаевич, что лето начинается и у вас зайцы в голове: вы прибегаете к заячьей орфографии, а скоро и числа позабудете»⁴⁴⁹.

---

⁴³⁴ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 22 сентября 1876. // РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А. С.). Оп. 1. Ед. хр. 2778. Л. 3.

⁴³⁵ Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 14 августа 1881. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 19. Л. 242.

⁴³⁶ Мордовцев Д. Л. Письма Суворину А. С. Л. 33, 48.

⁴³⁷ Там же, л. 62.

⁴³⁸ Там же, л. 11об.

⁴³⁹ Там же, л. 47.

⁴⁴⁰ Там же, л. 49.

⁴⁴¹ Там же, л. 59.

⁴⁴² Там же, л. 71.

⁴⁴³ Там же, л. 68.

⁴⁴⁴ Там же, л. 70.

⁴⁴⁵ Там же, л. 69.

⁴⁴⁶ Там же, л. 82.

⁴⁴⁷ Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 14 авг[уста] 1881. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 19. Л. 241.

⁴⁴⁸ Мордовцев Д. Л. Письмо Буренину В. П. 30 окт[ября] [18]93. // РО ИРЛИ. Ф. 36 (Буренин В. П.). Оп. 2. Ед. хр. 307. Л. 3об.

⁴⁴⁹ Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 1879. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.) Т. 13. Л.93.

Присуща была Мордовцеву и передаваемая с помощью эпитетов самоирония: «грешный, лихом недобитый Данило Мордовец»⁴⁵⁰, «звонарь твоего капища Данилка Столярный»⁴⁵¹. В адрес же идейных противников Мордовцев мог быть и резок, например, при жизни называя М. Н. Каткова (1818-1887) «Катон со Вшивой горки» в письме А. А. Краевскому от 8 апреля 1866 г.⁴⁵², а после смерти – «в чорте околевший публицист» в письме О. К. Нотовичу от 7 октября 1887 г.⁴⁵³

2) **Разнообразие персонажей.** Действующие лица «Художественных альбомов...» – реальные и воображаемые герои домашнего быта, участники и свидетели различных происшествий из жизни Веры Мордовцевой, одушевляемые фантазией автора явления природы и физические объекты. Это Коза-дереза⁴⁵⁴, Старые козы (сюжет «Юный Фукидид или история о Козе-дерезе»⁴⁵⁵); Пароход, Папин платок, Вода («Проводы папки»⁴⁵⁶); прислуга Мордовцевых в образе Констанции («Мое первое знакомство с Верком, и Верка со мною»⁴⁵⁷); Бабушка, Пеленки, Дворовые блохи, Кошка, Палетка («Перенесение честных пеленок из Юнгеровки в град Саратов»⁴⁵⁸) и др. Подобный прием характерен и для художественной прозы писателя.

Массовые сцены – существенный элемент художественного повествования Мордовцева. Ему особенно удавалось создавать энергичные картины движущихся скоплений народных масс: «11 сентября 1665 года и вся Москва ждала чего-то. С раннего утра от Серпуховских ворот вдоль земляного города до самой заставы и далее по серпуховской дороге толпились москвичи, ожидая чего-то

⁴⁵⁰ Мордовцев Д. Л. Из былого и пережитого // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Дніпро, 1988. С. 404.

⁴⁵¹ Мордовцев Д. Л. Письмо Пыпину А. Н. 4 авг[уста] [18]84. Л. 27.

⁴⁵² Мордовцев Д. Л. Письмо Краевскому А.А. 8 апреля [18]66. // ОР РНБ. Ф. 391 (Краевский А. А.). Ед. хр. 555. Л. 3.

⁴⁵³ Мордовцев Д. Л. Письмо Нотовичу О. К. 7 октября 1887. // РГАЛИ. Ф. 339 (Нотович О. К.). Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 8.

⁴⁵⁴ Коза-дереза – персонаж украинских сказок, упоминаемый в т.ч. в «Малорусском литературном сборнике» (Мордовцев Д. Л. Малорусский литературный сборник. Саратов, 1859. 376 с.)

⁴⁵⁵ Мордовцев Д. Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой. Вып. II. Л. 3.

⁴⁵⁶ Там же, л. 5.

⁴⁵⁷ Там же, л. 7.

⁴⁵⁸ Там же, л. 9.

необыкновенного. Сидельцы разных торговых рядов и линий, Охотный и Юхотный ряд, Лоскутный и Сундучный, мясники и ножевщики, шапочники и картузники, резники и свежерыбники, уличные разносчики и торговцы, суконные фабричники и зипунники всевозможных черных работ – все это валмя валило за город, шурша зипунами и сермягами, толкаясь и бранясь, спотыкаясь и падая. По всему этому пространству, где валили серые волны двуногой Москвы, гул стоял невообразимый, особенно же, когда к серпуховской заставе проследовало несколько сотен нарядных стрельцов с своими головами и полуголовами, а также несколько взводов детей боярских, а за ними царские конюхи, которые вели под уздцы царского коня – серого, немецкого, в серебряном вызолоченном наряде с изумрудами и бирюзой, чепрак турецкий, щит золотом волоченный по серебряной земле, седло бархат золотный, – ушми прядет по аеру. Скоро туда же проследовали на нарядных конях царский ясельничий Иван Желябужский и дьяк Григорий Богданов, а за ними дворовые люди и подьячие из приказов, а также конюхи – несколько сот человек»⁴⁵⁹. В этом фрагменте Мордовцевым использовано 18 различных наименований групп людей (москвичи, сидельцы, мясники, ножевщики, шапочники, резники, свежерыбники, картузники, разносчики, торговцы, фабричники, зипунники, стрельцы, боярские дети, царские конюхи, дворовые люди, подьячие, конюхи). При этом для передачи мощи движения литератор специально увеличивает панораму описания (Москва ждала, москвичи толпились, валмя валило, серые волны, невообразимый гул), что позволяет читателю наблюдать за происходящим словно с высоты птичьего полета.

3) **Игровая стилизация.** Среди эпистолярного наследия Д. Л. Мордовцева присутствует целый ряд писем к различным адресатам, содержащих признаки литературной игры. Поздравительное письмо А. М. Шеллеру-Михайлову (1838-1900) по случаю творческого юбилея

---

⁴⁵⁹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол / ПСИР. Петроград 1914. С. 62-63.

писателя⁴⁶⁰ от имени «протопопишки Аввакумки»⁴⁶¹ создано в форме челобитной царю Алексею Михайловичу на «книжного воровского атамана на Алексашку на Шеллерова»⁴⁶². Повод для жалобы – «тиснение <...> непотребным сыном Шеллеровым <...> на соблазн и погибель благочестивых мужей и жен, паче же отроковиц и убеленных сединами старцев <...> гнусных и любострастных книжиц, романами именуемых»⁴⁶³. В справедливом гневе «Аввакумка» требует воздаяния писателю и его «книжного дела целовальнику, Сережке Добродееву существом же злодееву <...> батоги нещадно, ноздри злодеям вырвать»⁴⁶⁴. Заканчивается письмо припиской с пожеланием от самого Мордовцева: «Сердечно поздравляю и желаю еще 30 лет злить протопопа Аввакума»⁴⁶⁵.

В послании от 30 октября 1893 г к писателю Буренину⁴⁶⁶, Мордовцев, в образе «козака Піхіма Чумандренко», разочарованного отсутствием внимания со стороны редактора «Нового времени» к литературным переводам своей внучки, Наталии Первольф, в шуточном тоне проклинает своего давнишнего литературного оппонента: «Коли Вы не надрукуете перекладив моей Наталки, то нехай у Вас на тім свити, у штанех, очкур лопнет! – щоб на том світі на вас штаны не держались! – хой вам на тім світі борщу ні дадуть! Щоб Вы у Господа Бога на обіді вареником об галушку подавылысь!» Казак в праведном гневе призывает на помощь «печерских угодников», которые должны всучить «дулю під ніс» Буренину и его начальнику – «Алешке Суворенкову»⁴⁶⁷. В 1870-80-е годы Буренин не раз жестко критиковал Д. Л. Мордовцева, при этом эта жесткость была чрезмерной даже для сторонних наблюдателей. «Суворин милый человек, – недоумевал Г. П. Данилевский (1829-1890) в письме С. Н. Шубинскому 31 июля

---

⁴⁶⁰ Письмо без даты, предположительно 1893 г., когда А. К. Шеллер-Михайлов отмечал 30-летний творческий юбилей.

⁴⁶¹ Мордовцев Д. Л. Письмо Шеллеру-Михайлову А. К. Б/д. // РГАЛИ. Ф. 558 (Шеллер А. К.). Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.

⁴⁶² Там же

⁴⁶³ Там же

⁴⁶⁴ Там же, 3 об.

⁴⁶⁵ Там же

⁴⁶⁶ Мордовцев Д. Л. Письмо Буренину В. П. Л. 3.

⁴⁶⁷ Там же

1879 г, – но за что же в его газете Буренин глумится над друзьями своего патрона, да еще с таким бесцеремонным, презрительным тоном?»⁴⁶⁸.

По возвращении из заграничного путешествия, собирая друзей для званого ужина, Мордовцев отправил шуточную записку А. Н. Пыпину, – «Государю царю и великому князю Олександру Николаевичу всея Великия и Малыя и белыя Руси великому божественных писаний радетелю». Многословная и витиеватая эпистолия служит приглашением к «утробному беснованию» с целью «трапезу устроить из некоего худого утробного яствия, Помед нарицаемого» (то есть приглашением отпробовать помидоров)⁴⁶⁹ [28, л. 35].

Подобные словесные эксперименты с древнерусским языком были не чужды для круга литераторов, к которому принадлежал Мордовцев. Н. И. Костомаров, рекомендуя своего младшего коллегу А. А. Краевскому, известному петербургскому редактору и издателю, использовал схожие приемы литературной игры: «Сей муж, его же видите перед очима Вашима, нарицается Даниил Лукич Мордовцев, муж зело честен, и премудр, и праведен во всех путех своих, вития изряден, в писании же российским языком велми искусен, злокозненнаго московскаго надмения и катковския идоложертвенныя прелести бегаяй, суесловиваго же нигилизма уметаяся, добронравием же аки звезда восточная сияяй, в терпении же тверд и крепок аки адамант. Сей предстоит пред вами аки овча руно злато носяй. Отризете е ножницы благословия Вашего»⁴⁷⁰. В воспоминаниях о Т. Г. Шевченко Мордовцев приводит следующий обмен репликами между двумя Николаями – Чернышевским и Костомаровым – при личной встрече в Санкт-Петербурге на квартире Костомарова: «Нет бога, кроме бога, и Николай пророк его. <...> – Здравствуй, волк в овечьей шкуре!»⁴⁷¹.

4) **Художественная деталь.** Важнейшей особенностью стиля Мордовцева являлась способность одним словом передать смысл описываемого

⁴⁶⁸ Данилевский Г. П. Письма Шубинскому С. Н. 31 июля [18]79 // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 15. Л. 55 об.

⁴⁶⁹ Мордовцев Д. Л. Письмо Пыпину А. Н. Б/д. Л. 35.

⁴⁷⁰ Костомаров Н. И. Письмо Краевскому А. А. 19 декабря 1864. // ОР РНБ. Ф. 391 (Краевский А. А.). Ед. хр. 452. Л. 10.

⁴⁷¹ Мордовцев Д. Л. Из былого и пережитого. С. 406.

события, дать исчерпывающую авторскую оценку. В основе этого приема лежит очень чуткое отношение писателя к факту, способность взглянуть на него с подчас неожиданных и парадоксальных сторон. В фельетоне «Наши потери во внешней торговле»⁴⁷² Мордовцев с помощью своего литературного героя «мистера Плумпудинга» остроумно прокомментировал показатели внешнеэкономического баланса Российской империи, сравнив продажи в европейские страны печатной продукции и свиной щетины. «Это скромное, благородное животное дает стране до 12 миллионов рублей в год»⁴⁷³, тогда как продажа книг – только 256,889 р.⁴⁷⁴ С иронией отзывается «сын Альбиона» и о российском балансе с отдельными странами: «Греция прислала вам книг на 3 р., а вы не послали ей даже и “Крестного календаря” г. Гатцука⁴⁷⁵, хоть бы в благодарность за то, что Греция просветила вас светом евангелия»⁴⁷⁶. В повести «Пойманы есте Богом и Великим Государем» (1887) один из персонажей – юродивый Иванушка – при встрече с обозом псковской знати, отправленной по указу Великого князя Василия Ивановича в московские земли, – приветствует князя Щенятева, «под главным начальством которого совершалось переселение трехсот псковских семейств в Москву»⁴⁷⁷ недвусмысленным обращением «Здравствуй, фараон!»⁴⁷⁸. Художественная диспозиция, устанавливаемая автором, предельно конкретна. Псковичи – это библейские евреи, уводимые в плен египетский под власть фараонов, роль которых играют представители московской власти.

5) **Анимализмы.** Одной из самых ярких черт художественного стиля Мордовцева является использование зооморфной образности, причем в самых различных риторических ситуациях. Анимализм как характерная черта

---

⁴⁷² Мордовцев Д. Л. Наши потери во всемирной торговле. // Отечественные записки. 1875. №5. С. 1-41.

⁴⁷³ Там же, с. 4.

⁴⁷⁴ Там же, с. 2.

⁴⁷⁵ Гатцук, Алексей Алексеевич (1832-1891) – русский археолог и журналист, редактор изданий «Крестный календарь» и «Газета Гатцука».

⁴⁷⁶ Мордовцев Д. Л. Наши потери во всемирной торговле. С. 5.

⁴⁷⁷ Мордовцев Д. Л. Пойманы есте Богом и Великим Государем / ПСИР. С. 142.

⁴⁷⁸ Там же

«квазиисторических» построений Мордовцева был отмечен А. Ю. Сорочаном в статье «Зверь Апокалипсиса и другие замечательные животные: бестиарии в русской исторической прозе XIX века»⁴⁷⁹. Литератору с помощью эпитетов, символов, сравнений удавалось выстроить целые ряды образов животных, символически дополняющих портреты персонажей, придавая им особое, зачастую неповторимое звучание. Так, например, в романе «Дмитрий Самозванец» (1879) вокруг фигуры главного героя последовательно сгруппированы образы льва («смуглое, некрасивое, кругловатое лицо изобличающее необычайную, львиную мощь в скулах»⁴⁸⁰; «это молодой лев, выступающий из клетки, не размявшийся, не выправивший стальных мускулов»⁴⁸¹), медведя⁴⁸², собаки («около трупа неразгаданного исторического сфинкса оставалось ночью одно только живое существо, собака Приблуда. Как жалобно воет бедный пес!»⁴⁸³) А сам исторический антагонист «названного» Дмитрия (?-1606) – Борис Годунов (1552-1605), устами народных рассказчиков изображен с помощью «волчьих» эпитетов: «А семью его [Федора Никитича Романова]⁴⁸⁴, аки волк овечек, распудил⁴⁸⁵ Борис»⁴⁸⁶, «чует волк, что по шкуру его скоро придут, он и лютует... Царевича ищет»⁴⁸⁷.

В некоторых произведениях животные персонажи могли быть выстроены и в самостоятельную мизансцену, как, например, в повести «Господин Великий Новгород». Попадая в пещеру кудесницы, один из новгородцев в ужасе замирает перед ожившей тьмой подземелья: «Словно бешеный замяукал и зафыркал огромный черный кот с фосфорическими желто-зелеными глазами и стал

---

⁴⁷⁹ Сорочан А. Ю. Зверь Апокалипсиса и другие замечательные животные: бестиарии в русской исторической прозе XIX века // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве. М., 2012. С. 24-30.

⁴⁸⁰ Мордовцев Д. Л. Лжедмитрий / ПСИР. С. 31.

⁴⁸¹ Там же, с. 32.

⁴⁸² Там же, с. 39, 46.

⁴⁸³ Там же, с. 263.

⁴⁸⁴ Романов Федор Никитич (ок. 1553 – 1633) – церковный и политический деятель Смутного времени и последующей эпохи; четвёртый Патриарх Московский и всея Руси (1619—1633).

⁴⁸⁵ Распудити (древн. рус.) — разогнать, распугать, рассеять.

⁴⁸⁶ Мордовцев Д. Л. Лжедмитрий. С. 18.

⁴⁸⁷ Там же, с. 19.

метаться из угла в угол... Какая-то большая птица, махая крыльями, задела ими по лицу обезумевшего от страха пришлеца и, сев в углубление, устала на него свои круглые, огромные, неморгающие глаза – глаза точно у человека, а уши торчат, как у кота, – голова, как у ребенка, круглая, с загнутым книзу клювом, которым она щелкает, как зубами... Со всех сторон запорхали по пещере летучие мыши и задевали своими крючковатыми крыльями пришлеца за лицо, за уши, за волосы, которые едва ли не шевелились у него... На жердях и веревках висели пучки всевозможных трав, цветов, кореньев... Меж ними висели сушеные лягушки, ящерицы, змеи... Страшный кот, вспрыгнув на одну из жердей, сердито фыркнул и глядел своими ужасными, светящимися зеленым огнем глазами, как бы следя за каждым его вздохом»⁴⁸⁸.

б) **Образы мировой культуры.** Вероятно, это самая ярко выраженная черта стиля писателя. Едва ли не все эпохи мировой истории в лице известных исторических деятелей, мифологических и легендарных персонажей, героев популярных литературных произведений нашли свое новое место на страницах сочинений Мордовцева. В «Альбоме» дочери сам Мордовцев выступает как «Гомер Лукич», дочь Вера – в образе «Фукидида», а ее мама, Анна Никаноровна Пасхалова (Мордовцева), – как «мать Фукидида»⁴⁸⁹. В сюжете «Нарушение честного слова и ужасные последствия этого нарушения» Вера Даниловна названа «Ундиной». «Мне казалось впоследствии, – делилась она много лет спустя своими детскими впечатлениями, – что я жила давно-давно во времена Алкивида и Перикла или Ричарда Львиное Сердце»⁴⁹⁰.

В романе «Двенадцатый год» (1879) домашних животных героини произведения, Надежды Дуровой, – зовут Наполеон (кот), Робеспьер (собака), Алкид (конь)⁴⁹¹. В письме А. С. Суворину от 23 мая 1894 г. Мордовцев свое местоположение указывает с помощью мифических «Рифейских гор», тогда как

⁴⁸⁸ Мордовцев Д.Л. Господин Великий Новгород / ПСИР. С. 27.

⁴⁸⁹ Мордовцев Д.Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой. Выпуск III. Л. 3.

⁴⁹⁰ Мордовцева-Александрова Вера. Воспоминания о Н. И Костомарове [без конца]. Ориг. и пер. статьи на укр. язык. 26 ноября 1926. // IP НБУВ. Ф. X. Од. зб. 17777. Арк. 31.

⁴⁹¹ Мордовцев Д.Л. Двенадцатый год. / ПСИР. С. 5-7.

он сам находится «всего лишь» в Челябинске: «Я по своей воле, по капризу бродяги, перемахнул через Рифейские горы, и теперь строчу Вам жалобу»⁴⁹².

Иногда образы, использованные литератором, имели конкретно-национальное значение: «В большинстве чехов сидит частица души Гуса или Жижка», – писал он в статье «Развитие славянской идеи в Русском обществе XVII-XIX вв.»⁴⁹³, но в основном, следует отметить, что литератор стремился максимально нивелировать границы между культурами, используя большинство образов в их общемировом значении. Показательным примером этого является очерк «Люди, их слова и дела»⁴⁹⁴ [14]. Литературная прогулка писателя по Саратову расцвечена множеством упоминаний имен исторических лиц, мифических персоналий, используемых как в конкретно-историческом, так и в аллегорическом смысле. В статье упоминаются Писарев, Благодетель, Байрон, Гораций, Юпитер Капитолийский, апостол Петр, Наполеон, Христос (как Сын Человеческий), Грибоедов, Тохтамыш, Костомаров, Степан Разин, Пугачев, Державин, Бошняк. А панорама саратовских улиц метафорически расцвечена образами Рима (Колизей), Иерусалима (Елеонская гора), древнегреческой Фессалии (Фарсал) и современной Британии (Альбион). Иногда Мордовцев допускал некоторую литературную игру, когда для подтверждения того или иного бытового или художественного факта использовал образ из украинской литературы или истории, хорошо известных писателю. Так, в повести «Сидение раскольников на Соловках», в авторском отступлении о процессах русской истории, расколовших «вековой московский дуб»⁴⁹⁵, Мордовцев неожиданно упоминает архимандрита Иоаникия Галятовского (1620-1688), польского православного деятеля, чье появление в тексте носит особый, совершенно «закодированный» смысл. Читателю предстоит самому разобраться, какое отношение этот деятель XVII века имеет к русскому расколу и что конкретно

⁴⁹² Мордовцев Д.Л. Письмо Суворину А. С. 23 мая 1894. Л. 91.

⁴⁹³ Мордовцев Д. Л. Развитие славянской идеи в Русском обществе XVII-XIX вв. // ОР ИРЛИ. Ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»). Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 248об.

⁴⁹⁴ Мордовцев Д. Л. Люди, их слова и дела. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1908. Вып. XXIV. С. 4-7.

⁴⁹⁵ Мордовцев Д. Л. Сидение раскольников на Соловках / ПСИР. С. 26.

позволило автору опереться на фигуру этого исторического деятеля: «На эти страшные вопросы во вкусе бессмертного Иоаникия Галятовского можно отвечать только в его вкусе, метафорически»⁴⁹⁶.

7) **Перспективная историчность.** Еще одной важной особенностью художественного стиля Мордовцева является стремление взглянуть на какой-либо объект современности сквозь призму истории. При этом Мордовцеву удавалось не только провести параллель из прошлого для характеристики настоящего, но и устремиться в будущее, чтобы читателю могли яснее представиться возможные последствия событий дня сегодняшнего. Картины, рисуемые Мордовцевым, зачастую находятся между временами завершёнными и временами еще не наступившими. «Нет ничего удивительного, что нашим потомкам придется когда-нибудь, обозревая монастырские ризницы, наполненные стеклярусом и бусами вместо драгоценностей, вспоминать стихи поэта: Не говори с тоской – «их нет», / а с благодарностию – «были»^{497;498}. Драгоценности прошлого Мордовцев удалось символически сопоставить со «стеклярусом» будущего, тем самым обозначая проблему культурной преемственности.

Описанные нами особенности художественного стиля позволяют сделать ряд выводов о своеобразии творческого метода Д. Л. Мордовцева. Исследование показало, что в художественном пространстве произведений Мордовцева присутствует ряд повторяющихся, стилеобразующих элементов, гармоничное и последовательное использование которых помогало автору решать определенные историко-культурные задачи. Автор в своем стремлении нарисовать поэтическую обстановку не только за счет конкретно-исторических деталей, но и передавая «дух» эпохи, использовал приемы художественного символизма, которые впоследствии составят инструментарий литераторов нового поколения.

---

⁴⁹⁶ Там же

⁴⁹⁷ Строки из стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» («О милых спутниках, которые наш свет...»).

⁴⁹⁸ Мордовцев Д. Л. Где искать земству помощи в деле народного образования? // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 188.

Литературность, стремление к словесному творчеству охватывало все стороны жизни писателя. Детские и домашние штудии, переписка с родными и близкими, наброски и зарисовки не только способствовали оттачиванию писательского мастерства, но и позволяли Мордовцеву в полной мере воплощать свои идейно-эстетические представления об особой значимости Слова в «художественном мире», являвшегося, по мнению писателя, важнейшим критерием оценки любого исторического и творческого наследия. «Кому дает Бог талант книжный, – записал Мордовцев в домашний альбом своего коллеги по «историческому цеху» Г. П. Данилевского, – с того взыщется больше»⁴⁹⁹.

Проведенное исследование позволило определить принципы, по которым следует, на наш взгляд, рассматривать художественное своеобразие романа «Великий раскол», более последовательно определить идейные, композиционные и стилистические особенности этого произведения. Стали более понятны «семейная» и «малороссийская» темы произведения, выявлена роль анималистической образности, прояснено значение авторских лирических отступлений в связи с осмыслением особенностей его творческих установок. Кроме этого, раскрыты принципы построения фигур главных героев романа – протопопа Аввакума, патриарха Никона, боярыни Морозовой и царевны Софьи, их идейная взаимосвязь и художественное значение.

§ 2.2 История создания романа «Великий раскол» и его современное звучание

Роман «Великий раскол» был написан осенью 1879 года и впервые опубликован в журнале «Русская мысль» в 1880 году.

В цикле произведений Мордовцева на тему раскола русской церкви этот роман занимает центральное место. К моменту начала работы над ним писателем уже был опубликован роман «Идеалисты и реалисты» (1878), после завершения

---

⁴⁹⁹ Мордовцев Д. Л. «Лепта вдовицы». Запись в альбоме Данилевского Г. П. от 11 декабря 1886 г. // ОР РНБ. Ф. 236 (Данилевский Г. П.). № 174. Л. 99.

работы над «Великим расколом» писатель приступил к повести «Соловецкое сидение», а осенью 1880-го появился и замысел произведения «Дворянин-старовер» о пострадавшем за свою приверженность древлеправославной вере Евдокиме Михайловиче Кравкове⁵⁰⁰.

В процессе создания своих произведений Мордовцев не раз советовался с коллегами относительно выбранного им направления. Так, в период работы над повестью «Наносная беда» (1879) литератор неоднократно показывал ее А. С. Суворину, Г. П. Данилевскому, Н. И. Костомарову, о чем свидетельствует архив писателя. «Очень рад, что “Наносная беда” вам нравится, – писал Мордовцев Суворину. – Я и с других сторон слышу ободряющие меня аханья. Данилевскому (Г. П.) так рыжий солдатик с красными бровями спать не дает. Костомаров вперед лает, боясь, что я такую “талантливую прелесть” к концу испорчу. Врет, старый, – не испорчу!»⁵⁰¹ Одновременно с повестью о событиях московского чумного бунта Мордовцев работал и над романом, посвященном украинскому гетману И. С. Мазепе, и, судя по всему, без особенного вдохновения. Даже право выбора названия литератор предоставил издателю, считая себя «не мастером на них в романах»⁵⁰². Вместе с этим, о персонажах он говорил с близким, почти родственным чувством, словно о хороших знакомых. «Мазепу я даже не очень жалею, а его Мотреньку⁵⁰³ – люблю немножко. Зато кого люблю – это Палия⁵⁰⁴, народного любимца»⁵⁰⁵.

Прислушиваясь к советам редакторов Суворина и Шубинского относительно конъюнктуры исторической беллетристики, Мордовцев стремился снизить проявление собственных украинофильских пристрастий, заставлявших его порой злоупотреблять малороссийскими сценами в исторических

---

⁵⁰⁰ Мордовцев Д.Л. Письмо Шубинскому С. Н. 18 ноября 1880. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С.Н.). Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 196.

⁵⁰¹ Мордовцев Д.Л. Письмо Суворину А. С. 1 фев[раля] [18]79. Л. 45.

⁵⁰² Мордовцев Д.Л. Письмо Суворину А. С. 3 февр[аля] [18]79. Л. 47.

⁵⁰³ Кочубей Матрена Васильевна (1688-1736) – крестница гетмана Мазепы, прототип образа Марии в поэме А. С. Пушкина «Полтава».

⁵⁰⁴ Палий (Гурко) Семен Филиппович (1640-е – 1710) – казаческий полковник, предводитель восстания украинского народа против польского правительства в конце XVII в.

⁵⁰⁵ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 3 февр[аля] [18]79. Л. 47.

произведениях. «Сынку золотой! Ваше замечание относительно украинской речи я признаю совершенно верным и сам, признаюсь, давно понял это, оттого после тех глав, как у вас теперь, где много хохлячины – уже оной хохлячины почти не увидел совсем, а так – кое-где, для колориту»⁵⁰⁶.

Для Мордовцева вообще было свойственно искать творческой поддержки уважаемых им коллег, что говорило, на наш взгляд, скорее о недостатке уверенности в собственных силах. Любая похвала действовала на него ободряюще и придавала целеустремленности. Но и у него была определенная граница представлений о творческой самостоятельности, за которую он не пускал никого, решительно отстаивая собственное понимание важности тех или иных художественных или исторических деталей. «Сергей Николаевич [Шубинский] – милейший человек и прекрасный лисичий стрелок! Но судьбою в человеческом писании он может быть только по недоразумению, – убеждал литератор Суворина. – Будьте попрозорливее, слушайте скорее того, кого читают 95% читающих»⁵⁰⁷.

1879 год оказался для Мордовцева достаточно плодотворным. Зимой закончена «Наносная беда», весной – роман о Мазепе «Царь и гетман». К концу апреля решилась судьба романа «Названный Димитрий», который был сначала одобрен цензурой, а затем отвергнут по причине политически невыгодного названия. В итоге решено было дать произведению более привычное имя того, кого Мордовцев считал «задумавшим так многое неразгаданным “змием”»⁵⁰⁸. Вместе с созданными ранее «Идеалистами и реалистами» этими художественными работами был обозначен достаточно четкий круг тем, волновавших Мордовцева и сформировавших общее направление его исторической беллетристики.

Несмотря на то, что эти темы носили характер общелитературных – к проблемам личности в истории, движениям народных масс, образам выдающихся

⁵⁰⁶ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 3 марта [18]79. Л. 49.

⁵⁰⁷ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 18 апреля [18]79. Л. 51.

⁵⁰⁸ Мордовцев Д. Л. Лжедимитрий. С. 257.

исторических деятелей так или иначе обращались и писатели-классики, и беллетристы, – Мордовцеву удалось найти собственную специфику изображения исторического прошлого, придать этим темам новое и зачастую уникальное звучание.

Проблему исторической личности писатель стремился осмыслить через образы трагически непонятого реформатора («Названный Димитрий»), воина-отступника («Царь и Гетман»), одержимого безумной идеей чистосердечного одиночки («Идеалисты и реалисты»). Движения народных масс виделись Мордовцеву как мощнейшие потоки человеческой энергии, по прихоти предводителей направляемые для достижения разнообразных целей. «Народ, – писал Мордовцев, – это морские волны, в момент захлестнут и разобьют все, на что бы их ни направили»⁵⁰⁹. Но и у этой концепции была одна важнейшая оговорка: способны приносить положительные результаты только такие личные цели, которые совпадают с историческим прогрессом, – в противном случае прихоть лидера и его корысть неминуемо приводят к погромам и бунтам, а в длительной исторической перспективе – к общественным нестроениям и расколам. «Благодушное царствование благодушнейшего и "тишайшего" государя, – считал Мордовцев, – оказалось самым бурным, роковым для России, государственно и духовно расколовшим ее надвое, на две половинки, которые доселе, через два столетия, не могут спаяться воедино»⁵¹⁰.

И в теме «раскола», ставшей для Мордовцева центральной как в отношении исторических исследований, так и художественных опытов, литератору удалось найти нечто особенное, что оказалось связующим звеном между историософией и поиском культурных оснований для восстановления утраченного национального единства.

Взгляд на «раскол» как на исторически развивающийся внутренний конфликт русского общества позволил Мордовцеву поставить ряд вопросов о практической реализации культурных потребностей внутри каждой из

---

⁵⁰⁹ Там же, с. 250.

⁵¹⁰ Мордовцев Д.Л. Сидение раскольников в Соловках. С. 26.

«разделенных» сторон. В целом ряде своих произведений он именно так и именуется эти значительные общественные группы – «правая» и «левая» стороны, стремясь к беспристрастности и не боясь обвинений в односторонности⁵¹¹, при этом обе считая «чисто русским» типом⁵¹².

Обоюдное проникновение литературы и фольклора, взаимоотношение между историей народа и частной историей его военно-политических лидеров, проблема человека как уникальной личности и части социальной группы, – подобные вопросы Мордовцев стремился решать на протяжении всей своей активной художественной практики, начиная с первого опыта «Малороссийского сборника» и заканчивая поздними произведениями на темы мировой истории 1890-х гг. Из письма к Н. И. Костомарову, цензурная выписка из которого сохранилась в архивах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, видно, что в начале своей литературной деятельности Мордовцев стремился осмыслить «новую программу» для человечества, в которой удалось бы совместить искусство и науку с общественной жизнью⁵¹³. «Я не согласен с вами, Николай Иванович, что теперь надо работать, забывая все общественные вопросы, – рассуждал Мордовцев о сопряжении исторических исследований и запросов современности. – Напротив, не должно быть другой работы, кроме той, которая не касается этих вопросов»⁵¹⁴.

Сам же «русский раскол» для Мордовцева был лишь частным случаем общеисторического, с его точки зрения, конфликта между «естественным» и «насильственным» ходом человеческой истории. «Жизнь и развитие, как всего человечества, так и отдельных личностей, – нисколько не сомневался Мордовцев, – подчиняются своим неизменным законам, и жестоко карают всех нарушителей этих законов, карают до тех пор, пока не восстановится нарушенное

⁵¹¹ Мордовцев Д.Л. Русское крестьянство накануне воли // Дело. 1872. № 7. С. 165.

⁵¹² Мордовцев Д.Л. Великий раскол. С. 500.

⁵¹³ Выписка из письма Мордовцева Д. из Саратова к Костомарову Н. И. в Петербург о необходимости новой программы для человечества и совмещения науки и искусства с общественной жизнью 5 августа 1860 г. // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826-1880 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 1722. 3 л.

⁵¹⁴ Там же, л. 3.

равновесие»⁵¹⁵. Кроме уверенности в существовании «исторических законов», Мордовцеву было присущ и вполне характерный для своего времени взгляд на развитие человеческого общества с естественнонаучных позиций. «В физической природе существует наследственность и преемственность видов, форм, качеств, как хороших, так и порочных, передаваемых видовыми родичами своим видовым детям и дальнейшему потомству»⁵¹⁶, – убежденность в прямой аналогии между развитием природы и человеческого общества предоставляла Мордовцеву убедительные, с его точки зрения, основания для художественной реконструкции бытия «исторических предков». И чем сильнее было ощущение внешнего давления современности, чем ярче и трагичнее выделялись литератору общественные противоречия дня сегодняшнего, тем глубже уходил Мордовцев в поиск исторических корней текущих конфликтов, что, в свою очередь, позволяло создавать исторические произведения художественно более сложными и многоплановыми.

Вторая половина 1870–х годов стала одним из самых драматичных периодов внутренней политической жизни Российской империи. Балканская кампания русской армии 1877–1878 гг., решавшая задачу доминирования в юго-восточной Европе, своей цели не достигла. «Престиж самодержавной власти был серьезно подорван, особенно после заключения Берлинского трактата, – справедливо указал историк А. А. Алафаев. – Царское правительство просчиталось: война обострила больные вопросы русской жизни»⁵¹⁷. Народническое движение, направленное на пропаганду идей социализма представителями революционно настроенной интеллигенции, подверглось репрессиям. Ключевыми событиями для общества стали четыре важнейших политических процесса 1877–1878 гг.: процесс демонстрантов на Казанской площади (январь 1877 г.), «процесс 50–и» (февраль 1877 г.), «процесс 193–х»

---

⁵¹⁵ Мордовцев Д. Л. Екатерининские деятели и пугачевцы // Политические движения русского народа. Т. 1. СПб., 1871. С. 6.

⁵¹⁶ Там же

⁵¹⁷ Алафаев А. А. Реформа или революция? (Русский либерализм и народничество на рубеже 1870–1880 гг.). М., 1998. С. 5.

(«Дело о пропаганде в империи»)⁵¹⁸ и дело Веры Засулич⁵¹⁹ (апрель 1878). «Лето было в 1879 год холодное, дождливое, а на сердце было радостно по случаю новых веяний, – вспоминал сенсационное для многих оправдание Засулич литератор А. М. Скабичевский, – как только бывает радостно при первом дуновении ранней весны»⁵²⁰.

Эти судебные разбирательства затронули и самого Мордовцева. «Теперь здесь, как ты, конечно, знаешь из газет, – писал литератор дочери, Вере Даниловне, – идет огромный политический процесс о 193 пропагандистах. Эти мальчишки и девчонки и мое имя внесли-таки в этот процесс»⁵²¹. Речь шла о многочисленных использованиях народниками в своей пропагандистской деятельности исторических монографий Мордовцева, посвященных политическим движениям русского народа. Писатель не только с сочувствием относился к народническому движению, но и был готов сам предоставлять свои произведения в распоряжение его активистов: «Если Вы не потеряли намерение издавать Ваш следующий сборник, то я, пожалуй, дам и туда что-нибудь подходящее», – писал Мордовцев в декабре 1866 г. Ф. В. Волховскому (1846-1914), впоследствии известному революционному деятелю и активному участнику «хождения в народ», приговоренному в ходе процесса «193-х» к сибирской ссылке.

Есть все основания утверждать, что в период 1860-1870-х гг. под негласным надзором находился и сам Мордовцев. К такому выводу позволяет прийти ознакомление с материалами агентурных донесений III отделения, содержащие не только целый ряд выписок из личной корреспонденции писателя, но и конкретные указания на характер его литературной деятельности, в которой корреспондентами усматривалось высмеивание «существующего порядка», а так же проповедь «идеи социализма». Относительно романа «Знаменья времени»

⁵¹⁸ Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 296.

⁵¹⁹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. С. 96–97.

⁵²⁰ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 377.

⁵²¹ Мордовцев Д. Л. Письмо дочери, Мордовцевой В. Д. 26 октября [18]77 // РГАЛИ. Ф. 2567 (Оксман Ю. Г.). Оп. 2. Ед. хр. 356. Л. 5 об.

существует достаточно выразительное, на наш взгляд, донесение от 15 января 1873 г., содержащее сведения о «заучивании наизусть» студенческой молодежью отрывков, связанных с «зашифрованной» казнью Каракозова, а также признанием общественного влияния произведения с «такой же известностью, каким пользовался в свое время роман Чернышевского “Что делать?”»⁵²². Любопытна и приписка самого агента о необходимости приобретения «Знамений времени» – «прошу купить мне этот роман»⁵²³.

При сопоставлении векторов общественной напряженности русского общества пореформенного периода 1860–70-х гг. с тематикой и идейностью романа «Великий раскол» обращает на себя внимание отражение многих общественно-важных тем своего времени. Наиболее полно, на наш взгляд, в романе обозначены следующие аспекты «раскола», обладавшие острым современным звучанием на момент создания произведения: 1) Отношение к Малороссии в контексте балканской кампании 1877–1878 гг. и идей панславизма в целом; 2) Проблема религиозного и политического инакомыслия; 3) Проблематика «мысли семейной» и эмансипация женщины; 4) Дискуссия вокруг личности Петра I и вопрос правомочности насилия в период государственных преобразований; 5) Вопросы реформирования системы народного образования; 6) Проблема исторической преемственности для представителей различных сословий в масштабе национального единства.

Круг всех этих проблем ясно прослеживается в романе «Великий раскол» в качестве авторских оценок того или иного явления с точки зрения русской истории конца XVII века. Пытаясь осмыслить вызовы современности, определить происхождение проблем и явлений русской жизни, Мордовцев включал современную ему повседневность в цикл исторического развития, а в самой истории искал ответы на вопросы сегодняшнего дня. Выстраиваемая им историческая перспектива несла на себе социальную нагрузку, а все культурные

---

⁵²² [Донесение о романе Д. Л. Мордовцева «Знамения времени»] 15 января 1873 г. // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826-1880 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 2133. Л. 3.

⁵²³ Там же

рефлексы так или иначе работали на выражение этой социальной специфики. Таким образом, произведение, относящееся к жанру исторического романа, по своим идейным составляющим и прямым отсылкам к современности создавалось Мордовцевым как произведение с ярко выраженной современной полемичностью.

Если рубеж 1860-1870-х гг. стал для России периодом предварительных итогов Великих реформ⁵²⁴, то к середине 1870-х зримое противоречие между различными взглядами на ход преобразований стало затрагивать все слои общества. «Разлад между теорией и жизнью чувствовался все более и более»⁵²⁵, – описывал внутреннее состояние народнической среды В. Я. Богучарский (1860–1915). «Между публицистами различных направлений шла ожесточенная полемика по коренным вопросам русской жизни и освободительного движения»⁵²⁶, – указал в своей работе А. А. Алафаев. Даже само революционно-демократическое движение, которому в 1869 году Мордовцев посвятил роман «Знамения времени», переживало период внутреннего расщепления и радикализации, что было обусловлено невозможностью легальной деятельности: «движение разветвилось на два течения: одно из них все еще пламенело к красивой грезе; другое <...> перешло на путь политической борьбы»⁵²⁷. Сам же 1880 год стал тем временем, когда, по словам революционера–народовольца Н. С. Русанова (1859-1939), «в России многие не знали, где же находится настоящее правительство – в Зимнем ли дворце или в конспиративной квартире Исполнительного комитета»⁵²⁸.

Раскол в романе Мордовцева как центральный образ всего произведения подвергнут глубокому и всестороннему художественному анализу. Не останавливаясь исключительно на религиозной стороне конфликта, Мордовцев стремился изобразить раскол как всеобъемлющее явление русской жизни второй половины XVII века. Вместе с этим автору удалось указать на

⁵²⁴ Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.) М., 2002. С. 241.

⁵²⁵ Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. С. 311.

⁵²⁶ Алафаев А. А. Реформа или революция? С. 4.

⁵²⁷ Носков Н. Д. Народничество. Спб., 1906. С. 23.

⁵²⁸ Бельчиков Н. Ф. Народовольчество в литературе и критике. М., 1934. С. 13.

концентрированность раскола, сосредоточив внимание читателя на частном конфликте семьи царя Алексея Михайловича и его ближайших приближенных. Оставляя народ в роли зрителя, Мордовцев показал постепенное вовлечение «низов» в «раскол» таким образом, что распространение последствий этого явления могло представляться читателю неизбежным и полномасштабным.

Особенное звучание в романе приобрела «украинская» тема. А. Ю. Сорочан в книге «“Квазиисторический роман” в русской литературе XIX века: Д. Л. Мордовцев», предположил, что некоторые главы романа являются «лишними»⁵²⁹. Для описания только лишь церковного раскола как эпизода русской истории XVII века, «малороссийские» главы, действительно, мало участвуют в общем развитии сюжета. Но с точки зрения изображения раскола как трансформации общерусского образа и сопутствующих этому явлений – распада семейственности, обострения противоречий в понимании исторической роли Московского царства как носителя самодержавного типа общественно–политического устройства, подавлявшего собой все иные «русские» типы, в первую очередь, народно–демократические, – в таком контексте присутствие «малороссийского» сюжета является существенным. Аллюзии на стремление русского правительства на юг Европы, на Балканы, обусловленное попытками «освободить» братские славянские народы от турецкого ига, и вместе с этим – снизить градус социально–политической активности внутри самой империи, – позволяли Мордовцеву обозначить один из главных вопросов своего романа: способна ли «Москва» предложить славянскому миру объединительную идею, готова ли она возглавить это единство, если в самом русском обществе сохраняется разделение на «никониан» и «раскольников»? На каких принципах может строиться такая гармония в будущем, если в недавнем прошлом старообрядцы – исконно русские люди – жестоко преследовались, а в настоящем лишены своих основных гражданских прав?

---

⁵²⁹ Сорочан А. Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев. С. 51.

По сюжету романа, подруга Морозовой Алена Дмитриевна Долгорукова выходит замуж за украинского атамана Ивана Брюховецкого (1623–1668). Родившегося сына воспитывают в местных малороссийских традициях. Ребенок, как губка, впитывает в себя новую для него культуру. И вот он заявляет матери, поющей ему колыбельную «У кота–кота–кота / Колыбелька золота...»: – Не хочу, мамо, московської... не треба... <...> – Спивай нашої, мамо, про котика... про нашого, а не про московського котика...⁵³⁰. Мордовцев в уста ребенка вложил сигнал о распаде общности, о четкой различимости «своего» котика и «чужого» – «московского».

С образом Брюховецкой–Долгоруковой, москвички по рождению, Мордовцев связывает и тему эмансипации. Для ее новой малороссийской семьи Москва представляется суровой «чужбиной»: «особенно когда они от нее же узнали, каковы московские порядки и каково там невеселое житье для женщины – ни выйти из дому не смей, ни на мужчину не моги засматриваться, неволя, чистая турецкая неволя эта жизнь в Московщине»⁵³¹.

Возникают справедливые вопросы: способны ли славяне увидеть после происходящих в Москве репрессий идеал славянского мира? Московская реформа обрядовости мало занимает простого человека вне российского государства. Ему непонятны как решительность и жестокость власти, так и упорство приверженцев старой веры. Роман заканчивается неутешительной для московского самомнения репликой: «Петрусь продолжает усердно мазать чоботы дегтем и женихаться со своею Явдохой. Когда он узнал, что москали дегтем не мажут сапог и "вси переказились" из–за того, как креститься, двумя или тремя пальцами, он только рукой махнул: "От дурни москали!.."»⁵³².

Говоря об участниках конфликта, Мордовцев разделил их на две стороны – «правую», старообрядческую, и «левую», сторону власти. Важен состав «левой» части, в которую включены руководители репрессивных органов конца XVII–

---

⁵³⁰ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 520.

⁵³¹ Там же, с. 472.

⁵³² Там же, с. 589.

середины XVIII вв.: глава Преображенского приказа Федор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640–1717), глава Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков (1672–1747), глава Канцелярии тайных и розыскных дел Степан Иванович Шешковский (1727–1794). Тем самым Мордовцеву удалось не только вывести действие своего романа далеко за пределы повествования, но и указать на трагизм и катастрофичность дальнейшего развития конфликта.

И контроль за политическими тюрьмами, и преследование старообрядцев осуществлялись в 60–70-е годы XIX века одним и тем же отделением российской тайной полиции – II-й экспедицией III-го отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии⁵³³. При этом, как и движение старообрядцев в XVII веке, народническое движение периода «хождения в народ» было мирным, «пропагандистско–просветительским движением», к которому крестьяне относились, по мнению историка С. С. Татищева, для самодержавия неопасно, зачастую выдавая властям наиболее рьяных пропагандистов⁵³⁴. Репрессии же в качестве основного метода борьбы с инакомыслием были установлены еще во времена Алексея Михайловича, – иллюстрировал Мордовцев современные ему процессы против народников. «Прикажи, великий государь, сруб поставить на Болоте, <...> затепли свечу пред господом, свеча эта будет Морозова... <...> И свеча та спасет православный народ, – настаивал Павел <митрополит Крутицкий>»⁵³⁵.

На неспособность репрессий остановить развитие «раскола» указал автор в заключительной главе, посвященной протопопу Аввакуму, вложив в его уста слова, ставшие народной легендой: «Аввакум был прав, говоря о сожигаемых: "Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, изростут миллионы верующих..." Так и вышло...»⁵³⁶. пытки и жестокое содержание Морозовой в тюрьме вполне могут быть соотнесены с участью обвиняемых на процессе 193-х:

⁵³³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. С. 13.

⁵³⁴ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911. С. 8.

⁵³⁵ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 530–531.

⁵³⁶ Там же. С. 585.

к началу суда 43 из них скончались, 12 – покончили с собой и 38 – сошли с ума⁵³⁷. «Образцом величайших гражданских добродетелей» назвал подсудимых Н. С. Русанов. Противоречие между уголовным преследованием и нравственными идеалами «народного просвещения» со всей очевидностью восходило к событиям «раскола», что отмечалось даже в самой народнической среде. Известная революционерка Вера Николаевна Фигнер (1852-1942) писала в своих воспоминаниях о схожести лидеров народнического движения с вождями старообрядцев – протопопом Аввакумом и боярыней Морозовой⁵³⁸. Вряд ли этот вывод был случайным или скоропалительным. «Структура души остается та же, – проводил параллели между потрясениями русской истории XVII и XIX веков философ Н. А. Бердяев, – русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века»⁵³⁹.

«Чем дальше, тем в большее ослепление впадали московские власти, – писал Мордовцев в романе «Великий раскол» о событиях конца XVII века, – видя бессилие своих жестоких мер, теряясь во мраке своего собственного безумия, приходили в ярость»⁵⁴⁰. «Правительство усиливает «меры строгости», доводя их до крайнего предела бесчеловечности», – так охарактеризованы события 1878 г. публицистом Н. Д. Носковым в монографии «Народничество» (1906). Жестокое обращение с подсудимыми, в том числе и с женщинами, всколыхнуло российское общество. Следует отметить и особый социальный статус женщин–революционерок: «В большинстве случаев это были молодые девушки из обеспеченных семейств, порвавшие со своей средой, отказавшиеся от безбедной и спокойной жизни»⁵⁴¹. В этом описании легко заметить сходство с фигурой боярыни Феодосии Морозовой – одной из главных героинь романа, знатной женщины, ставшей на борьбу за старую веру, преданной за упорство поруганию и пыткам, а затем погибшей в заточении от голодной смерти.

⁵³⁷ Революционное народничество 70–х годов XIX в. Т. 1. М., 1964. С. 46.

⁵³⁸ Фигнер В. Н. ПСС. Т. 5. М., 1929. С. 260.

⁵³⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.

⁵⁴⁰ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 552.

⁵⁴¹ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов и революционное народничество. М., 1962. С. 22.

Роман «Великий раскол» был закончен к началу зимы 1879 года. Из переписки с Сувориным следует, что на первую публикацию произведения изначально претендовали А. А. Гатцук как издатель газеты своего имени и С. А. Юрьев, участвовавший в формировании нового московского журнала, призванного составить достойную конкуренцию петербургским «Отечественным запискам» и «Вестнику Европы»⁵⁴². Выбор был сделан в пользу «Русской мысли», редакции которой удалось собрать в первый год своей деятельности целую плеяду известных историков и публицистов своего времени – Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, П. А. Ровинского, О. Ф. Миллера.

Для Мордовцева при выборе места публикации было определяющим не просто сочувствие к собственным воззрениям, но и уверенность в единомыслии, что могло гарантировать благоприятное для автора отношение со стороны редакции. Из письма Мордовцева к Юрьеву от 8 ноября 1879 года следует, что решение передать роман для публикации в «Русской мысли» было принято уже после написания самого произведения. Важную роль сыграл в этом и еще один представитель редакции – О. Ф. Миллер, который, собственно, и задал Мордовцеву вопрос о готовности писателя предложить что-либо для издания⁵⁴³.

В архиве Юрьева хранится и еще одно письмо от Мордовцева, написанное в сентябре 1871 года. «Не имея удовольствия знать лично», тем не менее, полностью разделяя направление и цели журнала «Беседа», который в те годы редактировался Юрьевым, Мордовцев предложил историческую драму собственного сочинения – «Гавличек» – «этиюд из жизни тех общественных движений, которые пока еще были столь редки в жизни славянских народов»⁵⁴⁴. Кроме этого, Мордовцевым была высказана убежденность в том, что появление произведения в печати могло бы стать особенно актуальным «именно в настоящее время, когда чехи, кажется, празднуют одну из своих исторических побед». Речь

---

⁵⁴² Гиляровский В. А. Москва газетная // Гиляровский В. А. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 3. С. 178.

⁵⁴³ Мордовцев Д. Л. Письмо Юрьеву С. А. СПб., 8 ноября [18]79. // РГАЛИ. Ф. 636 (Юрьев С. А.). Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 3.

⁵⁴⁴ Мордовцев Д. Л. Письмо Юрьеву С. А. Саратов, 27 сентября [18]71. Л. 1.

шла о манифесте 12 сентября 1871 года, в котором австро-венгерским императором Францем-Иосифом I (1830-1916) было признано историческое чешское право. Мордовцев не просто приспособливал исторические произведения «на злобу дня», он стремился откликнуться на самые животрепещущие события, угадывая в них проявления важнейших исторических процессов.

Драму «Гавличек» Мордовцев показывал Н. А. Некрасову, советовался с ним по поводу ее идейного направления и художественных достоинств. «После Вашего письма я несколько переделал ее, – писал он знаменитому поэту. – Я не готовил ее для сцены <...> пусть так, но я свое дело сделал, высказал в работе хоть частицу того, что давно занимает и мучает меня»⁵⁴⁵. Очевидно, что Мордовцев вполне сознательно мог пренебрегать эстетической ценностью произведения в пользу возможности «разбудить хоть нескольких субъектов»⁵⁴⁶. В этом он следовал по пути самого Некрасова, историческое значение творчества которого видел во «всемирной исповеди» поэта, которая заставляла полюбить «с чувством горечи и раскаяния самый мрачный исторический угол русской земли, угол, которого все боялись или от которого все отворачивались»⁵⁴⁷.

К таким «темным углам» русской жизни в своем творчестве обращался и сам Мордовцев – к истории старообрядчества, положению крестьян до и после реформы, культурному развитию Украины.

Историческое направление «Русской мысли» первых лет издания отличалось славянской ориентацией, существовал даже специальный раздел – «Славянские народы», в котором кроме очерков публиковались и художественные произведения – стихотворения Я. П. Полонского «Suum cuique» (1880, № 2), «Песнь весны» П. А. Козлова (1880, №5), «Город и лес» Л. И. Пальмина (1880, №6). На «славянскую» и «украинскую» темы писали историки О. Ф. Миллер – «Основы учения первоначальных славянофилов» (1880,

---

⁵⁴⁵ Мордовцев Д. Л. Письмо Некрасову Н. А. Саратов, 3 июля, [18] 68. // ОР ИРЛИ. Ф. 202 (Некрасов Н. А.). Оп. 2. №. 146. Л. 4.

⁵⁴⁶ Там же

⁵⁴⁷ Мордовцев Д. Л. Об историческом значении Некрасова как поэта // Древняя и новая Россия. 1878. № 4. С. 139, 143.

№№ 1-5), Н. И. Костомаров – «История казачества в памятниках южно-русского песенного творчества» (1880, №№ 1,2, 5-8), славист и историк Н. А. Попов «Вторичное правление Милоша Обреновича» (1880, № 4), сербский публицист М. Протич – «Свято-Андреевская скупщина» (1880, №№ 1,2). Крестьянский вопрос в современном и историческом развитии был затронут в публикациях Ф. А. Щербины «Земельная община в Днепровском уезде» (1880, № 4), «Русская земельная община» (1880, № 12), А. Никольского «Подробности аграрного вопроса в черноземной России» (1880, № 12), В. И. Семевского «Очерки крепостного права в Великороссии во второй половине XVIII века» (1880, №9), Н. П. Колюпанова «Уездные крестьянские присутствия» (1880, № 12).

Противоречивому переплетению важнейших вопросов русской культуры – национального и народного, русского и славянского, патриотического и гражданского – посвятил свою статью «Пушкинский вопрос» О. Ф. Миллер (1880, № 12). Высоко оценивая⁵⁴⁸ знаменитую речь Ф. М. Достоевского на открытии памятника А. С. Пушкина, публицист стремился выделить в ней главное, что виделось самой сутью выступления – поиску и «исповеданию в русском – всечеловека»⁵⁴⁹. Ратуя за то, чтобы пушкинская тема «не оказалась только порывом», каким было некогда «наше увлечение славянским вопросом»⁵⁵⁰, О. Ф. Миллер указал на необходимость не только дать свободу тому движению, из которого должна беспрепятственно развиваться «дальнейшая широкая и свободная земская жизнь», но и сплочению всех общественных сил, проникнутых «уважением к себе – к родному народу и родной истории»⁵⁵¹.

В таком публицистическом окружении «украинский» акцент романа «Великий раскол» звучал вполне органично, равно как и заметная ориентация на события дня сегодняшнего вполне соответствовала взглядам редакции журнала и ожиданиям его аудитории. Поэтому так ценен был для писателя отклик

---

⁵⁴⁸ Окишева К. А. Ф. М. Достоевский и О. Ф. Миллер: история взаимоотношений // Вестник ЧелГУ. 2009. № 5. С. 83

⁵⁴⁹ Миллер О. Ф. Пушкинский вопрос // Русская мысль. 1880. № 12. С. 20.

⁵⁵⁰ Там же, с. 38.

⁵⁵¹ Там же, с. 40.

профессора инженерного и строительного искусства Императорского Московского технического училища П. П. Панаева (1834-1911), на суждения которого Мордовцев опирался в статье «К слову об историческом романе и его критике» и личность которого была раскрыта писателем в обращении к редактору С. Н. Шубинскому. Для Мордовцева являлось чрезвычайно важным то, что неизвестный ему лично читатель посчитал исключительно актуальным переплетение темы старообрядчества с темой славянофильской: «Панаев затрагивает вопрос (помимо раскола) современный – об отношении к Польше»⁵⁵².

Кроме романа Мордовцева, в «Русской мысли» первого года издания был опубликован роман Е. А. Салиаса из истории Екатерины Великой «Петербургское действие» (№№ 4, 5, 9 - 12). В первом номере за 1881 год вышел исторический рассказ Г. П. Данилевского – «Каменка»⁵⁵³, посвященный видному участнику декабристского движения – С. М. Муравьеву-Апостолу⁵⁵⁴. По-своему переживая остроту политической ситуации, литератор писал С. А. Юрьеву: «Заранее я никого из властей о нем не предупредил, – авось так сойдет. Все в нем строго историческое. Разве придерутся из-за Ваших студ[енческих] волнений?»⁵⁵⁵ В этом же послании литератор просил назвать рассказ «этюдом», подразумевая право автора продолжить начатую тему, «если все сложится благополучно». Но после мартовских событий 1881 года развитие декабристской темы, очевидно, автор посчитал не вполне уместным.

Другое произведение Г. П. Данилевского, роман «Мирович», на страницах «Русской мысли» получило достаточно высокую оценку П. П. Сокальского – известного композитора и публициста, автора ряда опер на «украинскую» тему – «Мазепа», «Тарас Бульба», «Майская ночь»⁵⁵⁶. В числе положительных качеств

---

⁵⁵² Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 8 октября [18]81. Л. 244 / ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Оп. I. № 16. Письма к нему.

⁵⁵³ Данилевский Г. П. Каменка // Русская мысль. 1881. № 1. С. 391-437.

⁵⁵⁴ Муравьев-Апостол, С. И. (1796-1826) – Один из основателей Союза спасения, руководитель восстания Черниговского полка (1825-1826).

⁵⁵⁵ Данилевский Г. П. Письмо Юрьеву С. А. 9 декабря 1880. // РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 2об.

⁵⁵⁶ Соловьев Н. С. Сокальский (Петр Петрович, 1830-1887) // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. XXX^A. Ст. 720.

романиста критиком было указано на отсутствие «тенденциозности», а также «большую наблюдательность, изучение и любовь к описываемым им лицам и природе»⁵⁵⁷. Была отмечена Сокальским и важнейшая, с его точки зрения, задача современного исторического романа – стремление к разъяснению многих сторон настоящей общественной жизни. «В прошлом – все зародыши настоящего», – подвел итог собственным рассуждениям об особенностях современной исторической романистики критик⁵⁵⁸.

Первое отдельное издание произведения было отпечатано Мордовцевым за собственный счет в Типографии Министерства Путей сообщения. После этого тираж был передан в полном объеме на реализацию в магазин А. С. Суворина «на прежних условиях»⁵⁵⁹, что составило, вероятно, общий гонорар Мордовцева порядка 2 000 рублей. Это позволяло писателю продолжить свою плодотворную деятельность историка и беллетриста, проживая по старому и хорошо известному всем друзьям и коллегам адресу – Санкт-Петербург, Столярный переулок, дом 6. В этих апартаментах Мордовцевым и был создан роман «Великий раскол». Учитывая его острую современную направленность, представляется глубоко символичным, что на доме напротив, номере 5 по Столярному переулку, расположена пристенная композиция со следующей надписью Д. С. Лихачева и Д. А. Гранина: «Дом Раскольниковова. Трагические судьбы людей этой местности Петербурга послужили Достоевскому основой его страстной проповеди добра для всего человечества»⁵⁶⁰.

Сама фамилия главного героя Достоевского изначально относит воображение читателя к такому колоссальному событию русской истории, как Раскол русской церкви XVII века, а в построении его образа исследователи

---

⁵⁵⁷ Сокальский П. П. «Мирович» Исторический роман в 3-х частях Г. П. Данилевского 1880 г. Изд. Тип. М. Стасюлевича, в Спб // Русская мысль. 1880. № 11. С. 14.

⁵⁵⁸ Там же, с. 10.

⁵⁵⁹ Мордовцев Д. Л. Письмо Суворину А. С. 23 янв[аря] [18]81 г. Л. 71.

⁵⁶⁰ Золотоносов М. Н., Калиновский Ю. Ю., Овчаров О. И. Бронзовый век: Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда–Петербурга, 1985–2003 гг. СПб., 2010. С. 485.

усматривают и ряд «раскольничьих» двойников⁵⁶¹. Пронизанный многочисленными аллюзиями на различные исторические реалии, роман Достоевского «Преступление и наказание» так же был устремлен к теме Раскола, вокруг которой великому русскому писателю удалось сформировать все философские и социальные идеи своего произведения⁵⁶². Совершенно не претендуя на реализацию подобного по масштабу замысла, Мордовцев, тем не менее, создал произведение, в котором, как в зеркальном отражении романа Достоевского, тематика Раскола оказалась раскрытой в тесном соприкосновении с острейшими вопросами современности.

§ 2.3. Русское старообрядчество в романе Мордовцева

Старообрядчество первых лет раскола русской церкви представлено в романе целым рядом исторических фигур, среди которых на первом плане – протопоп Аввакум, боярыня Морозова и княгиня Урусова. Их сопровождают сподвижники, также принимавшие непосредственное участие в трагических событиях последней трети XVII века – юродивый Федор⁵⁶³ и инокиня Мелания (Александра)⁵⁶⁴. Структуре персонажей романа в нашем исследовании посвящен специальный раздел. В данном же параграфе мы рассмотрим идейные и художественные особенности изображения Мордовцевым старообрядчества как восходящего к традициям Древней Руси духовного и социального движения.

Личный жизненный опыт и кропотливые архивные разыскания помогли Мордовцеву сформировать свой собственный взгляд как на исторические события

---

⁵⁶¹ Подосокорский Н. Н. Наполеоновская тема в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Диалог культур: Россия - Запад - Восток: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» 12-14 мая 2009 года. М., Ярославль, 2009. С. 210-212.

⁵⁶² Агашина Е. Н. Раскольники и «Наполеоновы» (К теме Раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 4. С. 101.

⁵⁶³ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2010. С. 295-296

⁵⁶⁴ Там же, с. 482.

русского Раскола, так и на представителей старообрядчества. «Первым защитником людей древнего благочестия» считал литератора один из его биографов П. В. Быков⁵⁶⁵. Мордовцева иногда сравнивали с П. И. Мельниковым, который в своем творчестве также уделил немалое место староверам. Роман «В лесах» печатался в «Русском вестнике» с 1871 по 1874 годы, а роман «На горах» – там же с 1875 по 1881⁵⁶⁶.

В своих научных разысканиях, посвященных современному состоянию старообрядчества, Мордовцев двигался вслед за Мельниковым. В период с 1847 по 1850 г. тот выполнял особые поручения при нижегородском губернаторе М. А. Урусове, в числе которых было проведения следствий по «раскольничьим» делам, а также описание старообрядческих скитов Нижегородской губернии. «Сколько духовного мрака целые столетия укрывали собою эти дремучие леса, сколько неоцененного историей трагизма видели эти скиты»⁵⁶⁷, – восклицал Мордовцев, вспоминая свое путешествие по Волге, когда довелось проплывать ему мимо знаменитой «старообрядческой» реки Керженец. Истории ликвидации монастырей Верхнего и Среднего Поволжья Мордовцев посвятил отдельные монографии – «Последние годы иргизских раскольничьих общин»⁵⁶⁸, «Борьба с расколом в Поволжье», в которых сопоставил борьбу с русским старообрядчеством с борьбой «всех в совокупности христианских наций» против «нравственного преобладания семитов»⁵⁶⁹. Кроме этого, в «Отечественных записках» за 1871 г. Мордовцевым под псевдонимом Д. Дионисиев была опубликована статья «Движения в расколе»⁵⁷⁰.

---

⁵⁶⁵ Быков П. В. Д. Л. Мордовцев. Критико-биографический очерк // ПСИР. С. XX.

⁵⁶⁶ Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. С. 227.

⁵⁶⁷ Мордовцев Д. Л. Из летних скитаний // ПСИР. С. 182.

⁵⁶⁸ Мордовцев Д. Л. Последние годы иргизских раскольничьих общин // Дело. 1872. №№ 1, 2, 4.

⁵⁶⁹ Мордовцев Д. Л. Борьба с расколом в Поволжье. Спб., 1901. С. 1.

⁵⁷⁰ Мордовцев Д. Л. [Д. Дионисиев]. Движения в расколе // Отечественные записки. 1874. № 11. С. 69-119.

Считая поборников старообрядчества сторонниками «капитального исторического заблуждения»⁵⁷¹, признавая их деятельность зачастую шедшей «не в пользу существовавших государственных порядков»⁵⁷², тем не менее, Мордовцев полагал, что это «заблуждение» действиями властей лишь укреплялось, поскольку старообрядчество, как и, по его мнению, «иудейское мессианство», черпали силы в самой борьбе, тогда как будучи частью функций исторических, «следовательно, преходящих», не должны были бы существовать так долго⁵⁷³.

И все же в старообрядце-«раскольнике» Мордовцев видел в первую очередь истинно русского человека, а порой противоречивые духовные искания считал неотъемлемой частью русской «внутренней истории»⁵⁷⁴, стремлению увековечить которую Мордовцев посвятил все свое творчество и отдал все силы и талант историка и литератора-беллетриста. «Раскольник – это вполне русский человек, страстно любящий или степное раздолье <...> или лес дремучий»⁵⁷⁵, – так поэтически, в свойственной ему художественной манере описывал Мордовцев представлявшийся ему образ современного старообрядца, о котором он, как саратовский житель, конечно, знал отнюдь не понаслышке. Старообрядчество для Мордовцева было, вероятно, той служащей ареной для всякого воздействия «страдательной средой», о которой писал Салтыков-Щедрин в очерках «Господа ташкентцы»⁵⁷⁶.

С последствиями церковного раскола XVII века, разделившими русский народ на представителей официальной церкви и «раскольников», писатель столкнулся уже в ранней юности. Саратовский край – едва ли не самый «раскольничий» в европейской части России. Здесь когда-то «гуляли» ватаги пугачевских бунтовщиков, о которых Мордовцев с мечтательной тревогой

---

⁵⁷¹ Мордовцев Д. Л. Борьба с расколом в Поволжье. С. 33.

⁵⁷² Мордовцев Д. Л. Движения в расколе. С. 69-70.

⁵⁷³ Мордовцев Д. Л. Борьба с расколом в Поволжье. С. 1.

⁵⁷⁴ Мордовцев Д. Л. Русское крестьянство накануне воли // Дело. 1872. № 7. С. 163.

⁵⁷⁵ Мордовцев Д. Л. Борьба с расколом в Поволжье. С. 5.

⁵⁷⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Господа ташкентцы // Собрание сочинений. Т. 10. М., 1970. С. 35.

вспоминал в письме В. И. Ламанскому, глядя из окна своего дома вдаль, на волжские берега: «А за Волгой, в ровной степи, мне виделось белое знамя Пугачева, с раскольничьим на нем крестом, как видели его тогда в степи саратовцы»⁵⁷⁷.

В конце 1850-х гг., когда в преддверии давно назревших реформ со стремительной силой нарастало крестьянское движение⁵⁷⁸, Мордовцев занимал должность помощника секретаря губернского статистического комитета в Саратове. «Ну, Ламанский, зашевелилось Поволжье, – с возбуждением писал Мордовцев своему товарищу по Санкт-Петербургскому университету 26 июня 1859. – Народ перешептывается чего-то очень нехорошо. Хотят начинать с того места, где Пугачев выгнал гарнизон когда-то»⁵⁷⁹. Неудовлетворительные действия властей, с точки зрения литератора, во многом способствовали накалу раздражения в простом народе. «Здесь боятся, что Ростовцев⁵⁸⁰ вынудит крестьян на резню», – передавал он тремя днями ранее настроения саратовских горожан⁵⁸¹. «В Волжске на днях запечатали староверческую церковь и всю обобрали – утварь, книги <...>. В Саратове народ встречал обоз очень шумно, хоть и хотели провести тайно. Бог знает, зачем это делают», – недоумевал Мордовцев, напрямую связывая народные волнения и вмешательство правительства в религиозно-бытовое устройство жизни простых саратовских крестьян⁵⁸².

Ожидание на русской саратовской земле чего-то страшного – погромов и кровавой резни – для Мордовцева проходило под сильным впечатлением от рассказов чеха Свободы, который по рекомендации профессора казанского

---

⁵⁷⁷ ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 71. Арк. 1. Мордовец, Д. Л. Лист до В. И. Ламанского 11. IV.1860. Фотокопия автографа. 3 арк.

⁵⁷⁸ Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг. М., 1963. С. 13

⁵⁷⁹ ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 66. Арк. 1. Мордовец, Д. Л. Лист до В. И. Ламанского 26. VI.1859. Фотокопия автографа. 1 арк.

⁵⁸⁰ Ростовцев Я. И. (1803-1860) – генерал-адъютант, член «Главного комитета», разработавшего основные положения крестьянской реформы 1861 г., автор «Общего положения об освобождении крестьян».

⁵⁸¹ ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 65. Арк. 3. Мордовец, Д. Л. Лист до В. И. Ламанского 23. VI.1859. Фотокопия автографа. 6 арк.

⁵⁸² ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 66. Арк. 1. Мордовец, Д. Л. Лист до В. И. Ламанского 26. VI.1859. Фотокопия автографа. 1 арк.

университета В. И. Григоровича посещал Мордовцевых 22 июня того же года, будучи проездом из Казани в Астрахань. «В революцию [18] 46 он был еще так юн, но живо помнит многое: знает прокламации Бакунина, видел резню на улице»⁵⁸³. Большое впечатление произвел на литератора рассказ Свободы о девушке, которая сражалась на баррикадах и, убив до 20 австрийских офицеров, «умерла в национальном революционном костюме»⁵⁸⁴.

Славянское и русское, национально-освободительное и духовно-оппозиционное, «официальное» и «раскольническое» – целый ряд драматических вопросов русской общественной жизни конца 1850 – начала 1860-х гг. оказывался для Мордовцева тесно и неразрывно связанным. Непонимание правительством особенностей духовной жизни, стремление к полномасштабному контролю за любым проявлением самостоятельности, очевидная несправедливость социально-политического устройства – все эти противоречивые реалии Российской империи середины XIX века не только приводили Мордовцева к горькому признанию – «Я возненавидел все власти и всех чиновников с их рапортами и докладами»⁵⁸⁵, – но и способствовали определению задачи всей жизни: если же «история, в будущем, замнет, затрет и это народное дело официальными реляциями, как было до сей поры»⁵⁸⁶, то, стало быть, надо приложить все силы, чтобы дать народу его собственную историю, сохранить не только в фольклоре, но и в литературной и научной памяти это неуспокойное стремление к духовной и гражданской свободе – «живые памятники его страданий, борьбы с непобедимой силой исторической необходимости и бессильных порывов сбросить с себя наложенные на него исторической неправдою тяжелые путы»⁵⁸⁷.

Поэтому так неразрывно связаны в романе «Великий раскол» авторские представления о народном мировоззрении с переходящим в фанатизм протестным

---

⁵⁸³ ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 65. Арк. 4. Мордовцев, Д. Л. Лист до В. И. Ламаньского 23.VI.1859. Фотокопия автографа. 6 арк.

⁵⁸⁴ Там же

⁵⁸⁵ ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 64. Арк. 4. Мордовцев, Д. Л. Лист до В. И. Ламаньского 14.V.1859. Фотокопия автографа. 4 арк.

⁵⁸⁶ ИЛ. Ф. 24. Од. зб. 66. Арк. 1. Мордовцев, Д. Л. Лист до В. И. Ламаньского 26.VI.1859. Фотокопия автографа. 1 арк.

⁵⁸⁷ Мордовцев Д. Л. Русское крестьянство накануне воли. С. 163.

упорствованием. А сам роман по прихоти автора оказался неброско окрашенным мелодизмом фольклора и духовных стихов, верований, примет и суеверий. «Стой, останови сани! <...> Заяц перебежал дорогу... Лукав бес – ненавидит добро... Поди, Иванушко, осени крестом дорогу»⁵⁸⁸, – так автор рисовал поведение патриарха Никона перед лицом непознанного. И это, конечно, в большей степени вольность самого Мордовцева, раскрывающая представление человека нерелигиозного о суеверном характере исторически тупикового мировоззрения, если судить о том с точки зрения современных литератору естественнонаучных достижений. «Голос чтеца гулко отдавался под сводами храма, как бы силясь вырваться на морозный воздух из этой душной, пропитанной восковым чадом атмосферы»⁵⁸⁹, – самой внутренней обстановкой московской церкви 1664 года автор обращает внимание читателя на необходимость и даже ожидание перемен в русском обществе второй половины XVII века. Это вполне соответствовало взглядам своего времени. Следствием крайнего невежества в среде «бесчисленных запрещений, отречений и анафем» считал Раскол историк И. Е. Забелин.

В целом, для современников Мордовцева взгляд на представителей старообрядчества первой эпохи Раскола сильно зависел от политических убеждений. Вслед за профессором истории А. П. Щаповым, в ряде своих историко-социологических монографий утвердившим взгляд на Раскол как на проявление исторического конфликта между различными социально-политическими укладами – земским и государственно-централизованным,⁵⁹⁰ эта теория получила дальнейшее развитие в работах придерживавшихся народнических взглядов публицистов. «Раскол в своем историческом развитии борется не за старину, а против способа введения новых порядков без спроса земства», – категорично высказался в своем очерке «Раскол и его значение в

---

⁵⁸⁸ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 2.

⁵⁸⁹ Там же, с. 4.

⁵⁹⁰ Щапов А. П. 1) Русский раскол старообрядства. Казань, 1859; 2) Земство и раскол. Вып. 1. СПб., 1862.

русской народной жизни» В. В. Андреев.⁵⁹¹ «Диссидентами» называл староверов в серии очерков о современном состоянии «раскола» И. И. Каблиц, указав при этом, что в старообрядчестве проявились «умственные и нравственные особенности нашего народа», а народное просвещение тех лет не препятствовало, а наоборот, только увеличивало распространение староверия.

Нисколько не оспаривая представления современников о «мраке» Древней Руси как основной питательной среды для описываемых в произведении социальных потрясений, Мордовцев, тем не менее, распространял «донаучную» ограниченность не только на ревнителй старой веры, но и на представителей властей, на которых ответственность за Раскол лежала, по мнению автора, ничуть не меньшая. Результаты репрессий Мордовцев видел как раз в распространении «отживающих» убеждений, роль которых вполне могла снизиться и не оказывать на общество тех влияний, которые они оказывали и до сих пор, вплоть до середины XIX века. «Деморализующими университетами страны»⁵⁹² назвал Мордовцев публичные казни, а их устроителям, «государственным людям», точно так же вменил следование «повальному невежеству»⁵⁹³, как и сторонникам старообрядчества приписывал «фанатизм». «Строгая, фанатичная до изуверства, – писал он об одной из своих героинь, матери Мелании, – руководившая всеми, помыкавшая даже такими личностями, как Аввакум, она <...> как полководец посылала их в огонь, на виселицы, на костры»⁵⁹⁴.

Не остались без внимания Мордовцева и народные элементы религиозной культуры, которая, как отмечается исследователями⁵⁹⁵, уже в первой половине XVIII века разделилась на три части – православную, старообрядческую и сектантскую, но в эпоху описываемых событий представляла, все-таки, более органичное целое. При этом литератором проводились сопоставления с современной ему научной точкой зрения: «Что в наше время приписали бы

---

⁵⁹¹ Андреев В. В. Раскол и его значение в русской народной жизни. СПб. 1870. С. V.

⁵⁹² Мордовцев Д.Л. Великий раскол. С. 183.

⁵⁹³ Там же, с. 182.

⁵⁹⁴ Там же, с. 107.

⁵⁹⁵ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700-1740. М., 2000. С. 40

меланхолии, тоске по родине или просто нервам, то в доброе старое время исключительно относили к бесу: то бе искони враг роду человеческому, старый завистник, подстрекатель и соблазнитель»⁵⁹⁶. Для данного фрагмента характерна и одна из стилистических особенностей: начинается фраза в современном лексическом ключе, а заканчивается в древнерусском – «Увидал в тонце сне бабу леповидну либо плясавицу, это уж верно, что бес фармагей хочет пакость велию сотворити». Бес Фармагей – один из образов средневековой демонологии, искаженное имя демона Фармадея (Адрамелеха). О его существовании Мордовцев, вероятно, знал из украинских рукописных повестей о св. Василии или других народных источников: «В тот час послав Фармадей по Евладія 4 слуги свои дьяволи и привели Евладия пред Фармадея царя діяволскаго»^{597,598}.

Как народное суеверие описывал Мордовцев коллективный молебен – «заклинание нечистой силы в "заломе", найденном бабами на одной полосе ржи»⁵⁹⁹. Вина в том заломе в сознании крестьян падала не только на «аспида», но и «никониан, што щепотью крестятся»⁶⁰⁰. При этом Мордовцеву удавалось избежать высокомерной иронии, наоборот, о верованиях и привычках людей старого времени он писал скорее с нежностью и сочувствием, нежели с обличением невежества: «Это была детская, невинная, но жаркая молитва, голодный, болезненный стон»⁶⁰¹.

«Живучесть» старообрядческого движения Мордовцев связывал с особенностями личного характера «первых учителей раскола»⁶⁰² – мужеством, стойкостью, героизмом. Простой народ изображался Мордовцевым в качестве зрителя, перед которым власти устраивают различные зрелища. В главе «Аввакум

---

⁵⁹⁶ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 194.

⁵⁹⁷ Слово святителя Василия Великого архієпископа Кесаріи Каппадокійскія, како отнял Евладия от діявола // Франко І. Зібрання творів у 50-ти томах. Т. 29. Київ, 1981. С. 393.

⁵⁹⁸ Романова О. Симбіоз протонародної та книжної культури в повсякденних практиках жителів Гетьманщини XVIII ст. // Повсякдення ранньомодерної України. іст. студії. Т. 2. Київ, 2013. С. 251.

⁵⁹⁹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 351.

⁶⁰⁰ Там же

⁶⁰¹ Там же, с. 352.

⁶⁰² Там же, с. 138.

перед вселенскими патриархами» автор недвусмысленно давал понять: праздная толпа, как и во времена Древнего Рима, требует исключительно зрелищ и даров: «Москва встречала гетмана Брюховецкого, глазела на невиданных хохлатых черкас... <...> А там встречали вселенских патриархов... <...> привезли Никона... <...> А тут новые зрелища: “двуперстников” да “сугубоаллилуйщиков” стали возить в Чудов монастырь <...> Есть на что поглядеть!»⁶⁰³. И, тем не менее, Древняя Русь, в каком бы духовно-нравственном «мраке» она не находилась накануне Раскола, оказалась в состоянии дать новые, свежие силы для дальнейшего развития. И эти силы были связаны не только с прогрессивным движением петровских преобразований, но и с духовным консерватизмом старообрядчества: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, изростут миллионы верующих».⁶⁰⁴

Рисую взволнованную толпу, Мордовцев угадывал пробуждение в ней мысли, отмечал сострадательное движение народной души к мученикам за веру. «Бражники оставляли кружала»⁶⁰⁵, чтобы присоединиться к поезду Морозовой, в каждом возгласе одобрения слышался порыв ветра, «обрывающий листья со старого дуба, отрывал у Алексея Михайловича народную любовь и доверие»⁶⁰⁶. Уверенность же в правоте преследуемых, по Мордовцеву, умножалась усердием «никонианских волков»⁶⁰⁷ – и это также ясно давало понять, кому принадлежат моральные симпатии автора.

Будучи ограниченным в возможности прямо высказать собственную симпатию в адрес представителей старообрядчества первых лет Раскола, Мордовцев стремился использовать ряд художественных приемов, усложняя тем самым перед читателем проблему старообрядчества, показывая культурную и социальную неоднозначность этого исторического явления.

---

⁶⁰³ Там же, с. 126-127.

⁶⁰⁴ Там же, с. 391.

⁶⁰⁵ Там же, с. 266.

⁶⁰⁶ Там же, с. 261.

⁶⁰⁷ Там же, с. 243.

Если в своих авторских отступлениях Мордовцев называл староверов «фанатиками», а породившую старообрядчество среду – «мраком невежества», то в изображении ряда сцен ему удалось добиться результата прямо противоположного. Арест Морозовой напрямую связан с библейской традицией изображения ареста Христа. Боярыня, предчувствуя появление властей, читает Евангелие⁶⁰⁸. Сестра Евдокия убеждает ее, что «не отвергнется» от нее, как апостол Петр.⁶⁰⁹ Шум деревьев, пение петуха, глухой стук в большие ворота – все это создавало особую атмосферу последней ночи Морозовой на свободе. Пришедшие с церковниками стрельцы проникаются состраданием к мятежной боярыне: «Эка службушка! Собачья, полунощная... А боярынька-ту, пышечка лежит, ишь, лазоревый твяточек, цыпочка какая!»⁶¹⁰ Симпатии народа и на стороне Аввакума – «великого учителя веры»⁶¹¹. Как автор Мордовцев мог допустить в адрес протопопа откровенно негативные характеристики: «неровно выстриженная борода делала это странное лицо еще более изуверским»⁶¹², «все более и более раздражавшийся фанатик»⁶¹³ и т.п. Давая же слово народу, Мордовцев изменял тон характеристики на восторженно-одобрительный: «Осрамит их Аввакумушко-свет, осрамит всех!»⁶¹⁴. Такими же евангельскими ассоциациями, как и арест Морозовой, Мордовцев сопровождал казнь Аввакума: «Кругом, казалось, все засумрачилось, потемнело, словно бы на землю разом опустились сумерки»⁶¹⁵.

Не удалось избежать Мордовцеву и откровенно неудачных, на наш взгляд, художественных решений. Литератором было допущено стилистическое снижение в отношении к священному для старообрядцев жесту – двуперстному знаменю. Использование оборота «сорочий хвост»⁶¹⁶ являлось, с одной стороны,

---

⁶⁰⁸ Там же, с. 248.

⁶⁰⁹ Там же

⁶¹⁰ Там же, с. 254.

⁶¹¹ Там же, с. 127.

⁶¹² Там же, с. 128.

⁶¹³ Там же, с. 134.

⁶¹⁴ Там же, с. 127.

⁶¹⁵ Там же, с. 391.

⁶¹⁶ Там же, с. 30, 176.

попыткой принизить сакральный конфликт проблемы перстосложения, одного из краеугольных вопросов церковной реформы, а с другой – с помощью анималистического тропа создать эффект «культурного раздвоения», перенеся религиозные практики старообрядчества в сферу «народной веры». Тем не менее, эта своеобразная вольность Мордовцева позволяет отвергнуть оскорбительный для писателя упрек в желании «полиберальничать со всей развязностью во имя свободы совести, уважения к религиозному культу», высказанный в его адрес Н. И. Субботиным⁶¹⁷.

В своей художественной попытке изобразить пробуждение русского народа в период Раскола русской церкви Мордовцев был близок А. П. Щапову, считавшему, что «раскол будил, вызывал своеобразную народную мыслительность»⁶¹⁸. И вместе с этим он был далек от официальных представлений о «расколе» как явлении отживающем, опиравшимся именно на невежество «низов»: «Люди простые, необразованные, едва грамотные, – писал церковный историк епископ Макарий в 1855 году, – каковы были у нас тогда не только миряне, но и почти все священнослужители, не могли понять ни нужды, ни сущности исправлений Никоновых»⁶¹⁹.

Вполне согласовывалось идейное направление романа с точкой зрения В. В. Андреева, в своих тезисах к исследованию «Раскол и его значение в русской народной истории» указывавшего на оппозиционный характер старообрядчества, а также подчеркнувшего отрицательную роль слияния Малороссии с остальной Россией и придание «расколу» великорусского характера «малороссийскими уроженцами, стоявшими во главе господствующей церкви»⁶²⁰. Изображение же протопопа Аввакума как человека страстного и даже фанатичного вполне вписывалось в представление о своеобразии религиозного деятеля вообще.

---

⁶¹⁷ Субботин Н. И. Историк-беллетрист. С. 150.

⁶¹⁸ Щапов А. П. Земство и раскол. С. 155.

⁶¹⁹ Макарий, еп. (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. М., 1855. С. 166.

⁶²⁰ Андреев В. В. Раскол и его значение в русской народной истории. С. VII.

«Религиозные движения несовместны с холодностью к религии», – писал Н. И. Костомаров в своей работе «История раскола у раскольников»⁶²¹.

Помимо моральной оценки событий последней трети XVII века, Мордовцев дал и социально-историческую оценку описываемым им процессам разделения России на два противоборствующих лагеря. Согласно его представлению о причинах, породивших Раскол, «клином, расколовшим русскую землю и русскую мысль надвое, был просто типографский станок»⁶²². И эта мысль сейчас представляется исключительно верной, поскольку указывает не только на глобальную смену системы коммуникаций и распространения информации, но и на вступление России в историю современного мира. Стоит отметить, что о «клине Просвещения» писал также А. И. Герцен – применительно к личности императора Петра I⁶²³. Мордовцев же подчеркивал – Раскол стал следствием не деятельности отдельных лиц – Никона и Аввакума, пусть даже и ярких участников исторического конфликта, но явился результатом глобальной культурной трансформации. Мордовцеву удалось изобразить Раскол и как пролог эпохи петровских реформ, дискуссия об историческом значении которых не умолкает до сих пор: «западники-универсалисты и славянофилы-самобытники в своих нескончаемых спорах, – справедливо, на наш взгляд, считают А. А. Кара-Мурза и Л. В. Поляков, – в своих нескончаемых спорах вновь и вновь упираются в Петра как в действительно краеугольный камень – не то созидания, не то разрушения России»⁶²⁴.

В то же время среди современников Мордовцева был распространен взгляд на реформы Петра как своеобразный разрыв с прошлым и даже «революцию» – об этом писал, например, А. И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России», называя первого русского императора «первой свободной

---

⁶²¹ Костомаров Н. И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. № 4. С. 471.

⁶²² Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 32.

⁶²³ Герцен А. И. Лишние люди и желчевики // Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 14. М., 1956. С. 318.

⁶²⁴ Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Россия и Петр // Петр Великий: pro et contra. СПб., 2003. С. 827.

личностью в России» и «коронованным революционером»⁶²⁵. Тогда как Мордовцев в своем романе указал на глубокие исторические корни этого явления, именуемого «расколом», изобразив его всепроникающим и всеобъемлющим: вместе с героями своего произведения писателю удалось заглянуть и в мужичью избу, и в боярские палаты, в монастырь и в царский терем⁶²⁶.

Раскол Мордовцев считал не только культурным, но и идейным движением, своеобразие которого не было до конца понято ни одной из сторон исторического конфликта: «И самосожжение, и самоистязание, и из-за чего? Из-за идеи, не осознанной ни той, ни другой стороной»⁶²⁷. Мордовцев писал о Расколе с позиций современного ему научного знания, находившегося под сильным влиянием достижений естествознания. Как литератор в первую очередь историко-политический, Мордовцев придавал особое значение любым проявлениям идейности. Идейность же старообрядческая, формирование которой можно было наблюдать с помощью картин «Великого раскола», изначально писателю виделась исторически вторичной, поскольку основана была на религиозном мироощущении, которое, с его точки зрения, неминуемо должно было в будущем уступить место мировоззрению научному. «Надо просыпаться, и люди работающие должны всеми силами помогать этому пробуждению», – писал Мордовцев Н. А. Некрасову летом 1868 года⁶²⁸. «Теперь Христа не надо, не надо Пророка, – страстно восклицал он, обращаясь к своему старшему другу и наставнику Н. И. Костомарову, – человечество подготовлено к возрождению, да по привычке держится отживших форм»⁶²⁹. Под таким «возрождением» Мордовцев подразумевал характерную для своего времени идею гуманизма, подчиненного идеалам добра и социальной справедливости.

---

⁶²⁵ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России (перевод) // Собрание сочинений. Т. 7. М., 1956. С. 170.

⁶²⁶ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. с. 243.

⁶²⁷ Мордовцев Д. Л. Из летних скитаний. С. 182.

⁶²⁸ Мордовцев Д. Л. Письмо Н. А. Некрасову. Саратов, 3 июля [18]68. Л. 3.

⁶²⁹ Выписка из письма Мордовцева Д. из Саратова к Костомарову Н. И. в Петербург о необходимости новой программы для человечества и совмещения науки и искусства с общественной жизнью. Л. 3.

В людях, остававшихся во второй половине XVII века верными старому православному обряду, Мордовцев видел непосредственных потомков тех простых людей, среди которых вырос сам и чьи воззрения на природу и место человека в мире знал непосредственно из личного опыта. Ему не было необходимости подстраиваться под читателя, изображая всеведущего знатока. Другое дело, что религиозность ему была совсем не присуща. Откровенным противником религии он не являлся, но, как и многие современники, имевшие возможность соприкоснуться с достижениями естественных наук, от церковности Мордовцев постепенно отдалялся. Но и сделаться закоренелым атеистом ему не позволяли природное добродушие и чистосердечие.

Тем не менее, Мордовцев писал о старообрядчестве пусть и с недостатком понимания, но с уважительной теплотой и искренностью, так же как он писал обо всем, что любил и что считал важнейшей частью российской «внутренней» истории. Важно, что это было отмечено и самими старообрядцами, которые прислали ему в ответ на публикацию повести «Соловецкое сидение» торжественную благодарность, при этом оформив послание «прекрасным полууставом и киноварными заглавными буквами»⁶³⁰.

И все-таки представители старообрядчества считали, что Мордовцеву не вполне верно удалось понять суть причин, подтолкнувших Россию к Расколу. Интересно, что старообрядческий публицист Правдин в 1908 году также апеллировал к «науке», как когда-то апеллировал к ней сам Мордовцев. С научных позиций своего времени последней трети XIX века Правдин так охарактеризовал отношение Мордовцева к Расколу русской церкви XVII века: «этот поверхностный взгляд давно уже опровергнут наукой, оперирующей с несомненными историческими данными». Потомки тех, кого Мордовцев называл фанатиками и «мономанами»⁶³¹, а действия которых считал результатом отживающего свой век невежества, смогли увидеть в художественных

---

⁶³⁰ Правдин. Старообрядчество в произведениях Мордовцева // Церковь. 1908. № 49. С. 1508.

⁶³¹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 104.

произведениях писателя о Расколе главное – глубокое знание истории и непредвзятый взгляд гуманиста с большим и искренне любящим сердцем.

Заключение 2 главы

Проведенное исследование художественного мира Д. Л. Мордовцева позволило определить ряд элементов поэтики, являющихся наиболее общими для всего литературного творчества писателя и с помощью которых могут быть охарактеризованы стилистические особенности исторической прозы литератора.

Таковыми элементами, на наш взгляд, являются: *именование, разнообразие персонажей, игровая стилизация, художественная деталь, анимализмы, образы мировой культуры, перспективная историчность.*

Для исторической прозы Мордовцева характерно также использование целого комплекса фольклорных, документальных и научных элементов, что помогало придать художественному произведению о далеком прошлом новое, актуальное и современное звучание. Определенную роль в этом играли и политические характеристики ряда персонажей, такие как «реалисты», «идеалисты», и даже «социалисты»; для своих исторических реконструкций Мордовцев стремился использовать фольклорные источники, извлекая из них не орнамент и не фрагменты стиля, но пытаясь отыскать проявления «народного мировоззрения». Писатель всеми силами пытался разомкнуть узкий круг установок исторической литературы своего времени на воспроизведение событий героического прошлого, – свою задачей он видел в необходимости «впустить русский народ» в современную историю, которая, с его точки зрения, изобиловала исключительно образами «царей, цариц, царевен, князей и всяких высоких особ»⁶³².

Искренний лиризм, ненавязчивый юмор и общая литературность позволяли Мордовцеву без труда находить путь к сердцу читателя, а глубочайшие знания

---

⁶³² Мордовцев Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 8 декабря, [18]76. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.) Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 113.

русской и мировой истории способствовали как легкости обращения с историческим материалом, так и помогали украсить произведение малоизвестными подробностями, придавая им значение художественных символов. То, что в глазах современников могло казаться злоупотреблением излишней художественностью, в действительности, на наш взгляд, было настойчивым поиском собственного места в литературе, порой неудачным, но всегда основанным на трудолюбивом стремлении изменить окружающий мир, помочь читателю увидеть новые возможности для поступательного движения в будущее.

Разделяя идеи западноевропейского позитивизма второй половины XIX века, Мордовцев, тем не менее, стремился изобразить историческое прошлое России как часть общемировой истории. Это прошлое являлось для Мордовцева не чуланом с вышедшими из обихода сокровищами и не кладбищем мертвых идей, но источником нравственно здоровых альтернатив, которые можно и нужно было рассматривать для анализа и объяснения событий современности.

Среди таких исторических альтернатив российской внутренней истории писатель наиболее важное значение придавал старообрядческому движению, научному исследованию и художественному изображению которого Мордовцев посвятил важнейшую часть своей историко-литературной карьеры.

В описании событий первых лет Раскола русской церкви Мордовцеву удалось отойти от сложившейся традиции изображать в отечественном историческом романе эпоху смут и государственных потрясений как результат заговоров, дворцовых переворотов и кровавых распрей, вызванных преимущественно причинами внешними и связанными с действием враждебно настроенных политических групп. Раскол для Мордовцева – колоссальный по масштабу своего проявления закономерный исторический процесс, связанный с переходом России из времен Средневековья к Современности, от религиозно-мифологического мировоззрения к мировоззрению научно-позитивистскому. Его идея о «расколовшем Русь типографском станке», на наш взгляд, выражала мысль

о драматичности социальных процессов, связанных с трансформацией механизмов воспроизводства, копирования и распространения информации.

Вместе с этим, Мордовцеву удалось изобразить Раскол как всестороннее и всеохватывающее историческое явление, с которым был связан в первую очередь слом привычных социальных связей. Мордовцев показал Раскол на примере трагедии отдельной семьи (ближний круг царя Алексея Михайловича), трагедии отдельной личности (протопоп Аввакум и боярыня Морозова), трагедии государственного деятеля (патриарх Никон).

В следующей главе нами будет рассмотрено художественное своеобразие романа в его композиционном и стилистическом решении, а также проведено сопоставление центральных персонажей произведения.

ГЛАВА 3. ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ РОМАНА «ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»

§ 3.1 Художественное своеобразие романа «Великий раскол»

В русской литературе XIX века есть немало произведений, не только жанровая, но и родовая природа которых не может быть оценена однозначно. Примерами тому являются роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина «поэма в прозе» «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Есть примеры жанрово-видового смешения и в литературе исторического направления. О подобной неопределенности мы говорили выше на примере пушкинской драмы «Борис Годунов» и исторического труда Н. М. Карамзина «История государства Российского».

Не может быть охарактеризовано в рамках сложившихся представлений о русском классическом романе 1860-1880-х гг. и исследуемое нами произведение Мордовцева. Традиционная форма романа, в основе которого расположения семейные или индивидуально-личностные коллизии, не могла быть применена Мордовцевым для создания противоречивых портретов людей прошлого, готовых к самопожертвованию ради сопротивления переменам общегосударственного масштаба. «Великий раскол» примыкает к той форме «общественного романа», которую утверждал в своих критических работах М. Е. Салтыков-Щедрин: «Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте, и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом»⁶³³. Обладая значительным по объему документальным материалом, идейный «нерв» которого Мордовцев переживал достаточно болезненно, литератору и невозможно было нарисовать «обычную» историю людей, чьи судьбы оказались вписаны в потрясения исторического масштаба. Подобно Ф. М. Решетникову, по меткому выражению Н. В. Шелгунова, собиравшему по частичкам «русскую

---

⁶³³ Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Ташкентцы. С. 33.

душу»⁶³⁴, Мордовцев в своих литературно-исторических разысканиях стремился дать заслоненную от взора современника панораму лиц и характеров допетровской Руси.

В своих лучших образцах роман 1860-1870-х гг. был в большей степени картиной жизни, отражавшей действительность благодаря своей реалистичности, как справедливо считал теоретик литературы Б. А. Грифцов, – на уровне документального свидетельства⁶³⁵. Обилие же в «Великом расколе» условностей, искусственной литературности и вместе с этим – масштабность в описании исторических сцен, стремление к детальной и достоверной иллюстративности, – все это делает произведение необычным в сравнении с авантюрно-историческим романом с его ярко выраженной ставкой на развлекательность. И это было, на наш взгляд, именно тем «новым содержанием», которое, по мысли В. М. Жирмунского, всегда проявляется в литературном произведении с помощью формы⁶³⁶.

Е. В. Никольский считал, что для раскрытия собственных историософских идей возможности художественной многомерности использовал и другой исторический романист – Вс. С. Соловьев, стремившийся соединить в своих произведениях особенности авантюрного романа и исторического нравописания⁶³⁷, продолжая, тем самым, субжанровые особенности вальтерскоттовского романа⁶³⁸.

Анализ особенностей композиции и построения глав «Великого раскола» показывает, что это, скорее, набор отдельных сцен, объединенных общей фабулой достаточно условно. Отметим, что роман «Великий раскол» создавался в период кризиса романа в русской литературе, когда на первый план выдвигались малые формы – разнородные рассказы, повести, очерки, «сказания», «легенды»,

---

⁶³⁴ Шелгунов Н. В. Народный реализм в литературе // Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974. С. 294.

⁶³⁵ Грифцов Б. А. Теория романа. М., 2012. С. 17.

⁶³⁶ Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 17.

⁶³⁷ Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции. С. 217.

⁶³⁸ Там же, с. 517.

«апокрифы»⁶³⁹. Современному читателю, к которому обращался в своем творении автор, вероятно, была известна хотя бы в общих чертах канва событий, приведших к Расколу русской церкви XVII века. На это элементарное знание опирался и сам Мордовцев, не раз указывавший в комментариях к тексту подлинность сообщаемых им сведений. Это способствовало укреплению доверия у интересующейся историей аудитории, чем литератор, безусловно, крайне дорожил.

Таким образом, читателю с самого начала была известна предрешенность финала развития линий, связанных с судьбами героев. Логично предположить, что целью Мордовцева была не выстроенная по всем правилам классического романа трагическая развязка, но нечто иное, связанное с идейной характеристикой описываемых в произведении событий, с донесением до читателя мысли о невозможности рождения гармонического мироустройства на руинах недостроенного общественного здания.

Следовательно, основные художественные акценты в произведении расставлены не на самих действиях, но на их внутренних смыслах, прояснение которых не только помогает раскрытию многослойной идейности произведения, но и позволяет определить авторский замысел в целом. Поэтому так важны, на наш взгляд, те идейно-символические ряды, которые сопровождают героев произведения и которые позволили нам очертить два основных направления развития условного действия – восходящие линии Аввакума и Морозовой и нисходящие – Никона и царевны Софьи.

Обуреваемый жаждой власти Никон скончался, так и не познав счастья вернуть себе былое величие, а царевна Софья из милой и восприимчивой девочки, чья страстная и живая душа была полна чуткости и милосердия, превратилась в обычную придворную барышню, которую ничто, кроме возлюбленного – Василия Голицына, уже больше не интересует. Другая пара персонажей, представляющих старообрядчество, одержала моральную победу как над своими противниками,

---

⁶³⁹ Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века. Неклассические формы. М., 2011. С. 122.

так и над самими собой. Важно и то, что Аввакум первенствовал и над историей – именно так, на наш взгляд, следует читать слова Мордовцева о миллионах верующих.

Отметим, что эта идейная характеристика персонажей была дана Мордовцевым исключительно при помощи художественных средств – сопоставительного параллелизма при развитии сюжетных линий, использования различных тропов, включая сравнения и метафоры. Активно применял Мордовцев и прием отсылки к документальному источнику, подлинность сведений которого должна была способствовать укреплению значимости художественных элементов произведения. Неоднократно называя Аввакума «фанатиком» и даже «изувером», Мордовцев только подталкивал читателя к самоопределению при оценке личных симпатий к «правым» и «левым» сторонам русского Раскола, сохраняя видимость авторской непредвзятости.

Исходя из сказанного, можно сделать предположение, что наиболее значимыми элементами поэтики, сформировавшими идейно-символическое содержание произведения, являются композиция, образно-символическая система, а также такой важный для художественно-исторической литературы прием, как использование документального источника.

Обращает на себя внимание и частое использование Мордовцевым элемента поэтики, характерного в большей степени для драмы, чем для эпического повествования: построенные на диалогах сцены, оформленные как условное театральное представление. Сама генеральная художественная задача – изобразить «раскол» в масштабах личности, семьи, народа, – способствовала обращению Мордовцева к искусству драматургии, основным отличием которой от других видов искусств, по мнению Б. О. Костелянца, является невозможность представления в качестве художественного объекта обособленной личности⁶⁴⁰. Это помогало Мордовцеву не только выстроить «парность» своих главных героев, но и предоставить им самим – как историческим лицам – сыграть свою собственную роль в воссоздаваемой им «исторической драме» Раскола.

---

⁶⁴⁰ Костелянец Б. О. Драма и действие. Лекции по теории драмы. М., 2007. С. 29.

Отметим, что интерес Мордовцева к поэтике драмы был отнюдь не случайным. Его перу принадлежат несколько произведений, которые он сам называл «Славянские драмы». «Я решил написать драму после того, как увидел в “Вестнике Европы” “Василису Мелентьеву” Островского⁶⁴¹, – делился своими творческими планами с Н. И. Костомаровым. «Я был уверен, что моя драма – не слаба. Я верил и верю в ее художественные достоинства, потому что в ней я не отступил ни от исторической правды, ни от художественной. Мой стих не хуже стиха Островского, как мне кажется»⁶⁴², – без излишних условностей признавался он в собственной высокой оценке ее художественных достоинств. Но именно эта смелость и позволяет говорить о внутренней свободе писателя, о готовности его идти на эксперимент и применять новые для себя художественные приемы. И. А. Овчининой и Е. Ю. Фарковой отмечен пример игнорирования театральной критикой в лице А. С. Суворина и В. П. Буренина новаторства и самого Островского, стремившегося к соединению в исторических пьесах эпического начала с драматургическим⁶⁴³, развивая тем самым тенденцию, близкую художественному поиску самого Мордовцева.

Значительную роль играет в романе и речевая характеристика, раскрывающая культурно-исторические особенности внутреннего мира персонажей, в первую очередь, – своеобразие их мышления и мировоззрения, религиозные представления и взгляд на сущность происходящих в России изменений.

Драматический элемент в произведении Мордовцева настолько существенен, что жанровая природа «Великого раскола» тяготеет к «эпопее в сценах» или «трагедии в прозе». Каждая из глав, как правило, представляет собой или одну сцену, или набор сцен, сходных в особенностях композиции и

---

⁶⁴¹ Островский А. Н. Василиса Мелентьевна. Драма в пяти действиях // Вестник Европы. 1868. № 2. С. 431-521.

⁶⁴² Мордовцев Д. Л. Письмо Костомарову Н. И. Б/д. // IP НБУВ. Ф. XXII (Архив Костомарова Н. И.). № 222. 4 об.

⁶⁴³ Овчинина И. А., Фаркова Е. Ю. Драматургия А. Н. Островского в контексте русской журналистики 1840-1880-х гг. // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU . 2011. № 70. С. 799.

взаимоотношении между описанием, действием и диалогами персонажей. Действие сцены предваряется развернутым историко-культурным описанием, дающим характеристику общего места и обстоятельств, при которых это действие будет раскрываться. При этом картины разворачиваются перед читателем, как в самом настоящем спектакле.

Показательно в этом смысле композиционное построение первой главы первой части. Ночь. Звездное небо, на котором сияет суровый горевестник – хвостатая звезда. На сцене появляются сани, а в санях – человек с бледным лицом, сжимающий крест. Рядом с ним – человек с сияющими на черном клобуке, как звезды на небосводе, драгоценными камнями. Человек с крестом дрожит и боится, человек со звездами на клобуке – решителен и спокоен. Он не боится этой звезды, он легко читает ее смысл и этот смысл ему понятен. Но он пугается зайца, перебежавшего дорогу тревожному поезду. Повинуясь воле человека со звездами на клобуке, процессия останавливается, а под санями взвизгивает снег, словно от боли, жалуясь на холод.

Иначе, как символической, эту сцену охарактеризовать сложно. Все художественные детали, получая дополнительную идейную нагрузку, возвышаются до уровня символов. Звезды, драгоценности, звезда, заяц на пути, крест в руках, снег и жалостный скрип – все это и есть предварение перед читателем проблематики русского раскола с помощью последовательно выстроенных символических рядов. Такое описание обстановки необходимо Мордовцеву не только для создания соответствующего настроения, не только для демонстрации полноты мироздания, но для разговора с читателем сразу на трех языках – языке исторического повествования, языке авторских комментариев и особом художественном языке аллюзий и символов.

Неумолимость и высочайшая значимость всех событий, которые читателю не столько предстоит узнать, сколько увидеть в нужном для автора ракурсе и с нужной интонацией, подчеркивается безбрежной величием небосвода. Дрожащий крест напоминает о сотрясении религиозных устоев. Художественно значимо осыпанное драгоценностями одеяние величественного путника, который

в следующей главе-сцене будет назван «страшный гость». И в этом случае не столько сами действующие лица произведения выходят на первый план, столько то, что они переживают, что чувствуют, что раскрывает их мировоззрение и что определяет их жизненную мотивацию. То есть на первый план произведения автор намеренно ставит не частных людей, но типически обобщенных до представителей сословий, религиозных групп, государственных структур, различных национальностей.

Еще одним примером драматической композиции является глава «Смерть Морозовой». Она включает целый ряд сцен, описывающих уход из жизни боярыни-мученицы. Вот она лежит на соломе, в крошечной тьме подземелья, где рядом с ней молится Акинфеюшка. Следует диалог между героинями, плавно переходящий в монолог Морозовой, исполненный глубоким и трогательным лиризмом. Затем узницы вместе вспоминают встречи с Аввакумом – снова с помощью диалога Мордовцев раскрывает роль протопопа в духовном становлении своей героини. Сменяется тема диалога – теперь женщины говорят о Вечности, о близости смерти, о надежде на будущую встречу: «Не плачь, думай лучше о том, как т а м встретимся»,⁶⁴⁴ – с помощью разряженного шрифта Мордовцев дополнительно интонирует реплики своих героинь.

Затем диалог опять плавно переходит на разговор Морозовой со стрельцом, где она произносит трогательную и страшную фразу «Так будь милосерд, возьми мою сорочку, голубчик, вымой ее в реке». Обращает на себя внимание не только речь Морозовой, но и стрельца, из слов которого становится понятной вся та пропасть, которая разверзлась между ним и умирающей боярыней. Если для нее евангельское предание является смыслом живых исторических событий, частью которых она стремится стать, то для стрельца церковная история находится на уровне «знамо, слышали» или «такова, кажись, не слыхивали». То есть Морозова погибает, следуя идеалам своего христианского спасения, для стрельца же все эти истории – просто часть малопонятного церковного действия. Вся его вера в

---

⁶⁴⁴ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 384.

посещении службы и ношении креста. «На мне, чаю, крест, как не бывать?»⁶⁴⁵ – с недоумением отвечает стрелец на вопрос Морозовой, бывал ли он в церкви. Это и есть Раскол, и никакой гуманизм со стороны отдельно взятого стрельца уже не способен не только преодолеть эту бездну, у стрельца нет даже попытки спасти ту, которая умирает за веру на его глазах. Будучи человеком отнюдь не религиозного сознания, тем не менее, Мордовцев смог исключительно точно передать эту внутреннюю разобщенность, которая разорвала русское общество в момент Раскола. И показано это только с помощью диалога, никаких авторских комментариев Мордовцев в этот момент не допускает, предоставив возможность самим свидетелям изображаемых событий высказаться за себя так, как это ему, историческому романисту, представлялось наиболее убедительным. Он не противоречит и исторической правде, следуя тексту «Жития боярыни Морозовой», не противоречит и правде идейно-философской. Это его художественное исследование помогает лучше понять читателю, что такое Раскол.

Глава заканчивается внутренним монологом Морозовой – «счету не будет годам моим, наживусь». А затем Акинфеюшка исполняет завет боярыни – до последнего сжимая ее правую руку со «сложенными истово двумя перстами»⁶⁴⁶.

Еще одной важной особенностью романа является сочетание символической образности с использованием натуралистических приемов, – то своеобразие художественного мира, которое Б. Г. Реизов относил к эстетике натурализма⁶⁴⁷. Это нарочитая вульгарность языка героев, широкий показ жизни в ее технических, бытовых и профессиональных деталях, тонкий психологизм, исследующий глубины тайников женского сердца. Все это можно найти в романе «Великий раскол». Вульгарность языка вполне соотносится с обилием исторических элементов просторечия в языке многих персонажей произведения. «А это разве не твое письмо, где ты пишешь, что не возвратишься на

---

⁶⁴⁵ Там же

⁶⁴⁶ Там же, с. 385.

⁶⁴⁷ Реизов Б. Г. История и теория литературы. Л., 1986. С. 245.

патриаршество, как пес на свою блевотину?» – попрекают Никона прошлыми грехами посланцы царя Алексея Михайловича⁶⁴⁸, «рубашку с себя сдернул да голый, в чем мать родила, портками прикрывшись, ту рубашку в алтарь в глаза Никону бросил», – смущает своими речами боярынь ближнего круга царицы Марии Ильиничны протопоп Аввакум⁶⁴⁹, «Ишь, полунощница... в одной рубашонке бродит простоволоса.... Срамница», – бранит Морозову ее няня.

Детализация профессионального быта с безжалостной суровостью изображена Мордовцевым в сценах, связанных с насилием, особенно при описании пыток боярынь Морозовой и Урусовой. «Подняли на дыбу и Морозову... В это время Акинфеюшку, вытянутую из "хомута", положили вниз лицом на "кобылу", нечто вроде наклонно поставленного длинного стола с круглою прорезью в верхней части "кобылы" для головы, чтобы во время истязания кнутом или плетью пытаемого по спине кнут не попадал в голову, и с кольцами по сторонам для привязывания к ним истязаемой жертвы: руки и ноги несчастной прикрутили ремнями к кольцам, и два палача попеременно стегали ее ременными кручеными плетью по голой спине... Белая, нежная спина пытаемой скоро покрылась багровыми поперечными полосами, а вслед за тем из багровых полос стала струиться темно-алая кровь»⁶⁵⁰. Жуткое описание пыток и казней вполне характерно для исторической романистики тех лет. «Кобылы» упоминал в своем романе Е. П. Карнович, с поистине эпическим размахом показывая стрелецкую казнь в октябре 1698 года⁶⁵¹. Немаловажную роль «садоэротической составляющей» в поэтике исторических романов Е. А. Салиаса отметил А. Ю. Сорочан⁶⁵². Достаточно откровенно описана казнь Мировича в одноименном произведении Г. П. Данилевского⁶⁵³. Сценами жестокости изобилдовал и первый исторический роман самого Мордовцева – «Идеалисты и реалисты».

⁶⁴⁸ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 19.

⁶⁴⁹ Там же, с. 23.

⁶⁵⁰ Там же, с. 315.

⁶⁵¹ Карнович Е. П. На высоте и на доле. СПб., 1897. С. 337.

⁶⁵² Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX в. С. 204.

⁶⁵³ Данилевский Г. П. Мирович. С. 353.

Истязание Морозовой описано и в романе Карновича. Сравнение этой сцены с аналогичным эпизодом «Великого раскола» показывает, что если Карнович стремился принизить образ мятежной боярыни, рисуя ее нарочито грубой и даже демонической – она «неистово ревела»⁶⁵⁴, была исполнена «решимостью опозорить патриарши седины»⁶⁵⁵, то у Мордовцева эта сцена также, как и открывающий роман эпизод со въездом Никона в Москву, содержит несколько последовательных символических рядов, основным из которых, с нашей точки зрения, является мотив преобразования Морозовой «человек-птица-ангел». Морозова дерзка с начальниками истязания и подчеркнута кротка с непосредственными его исполнителями, своей душевностью и мужеством привлекая их на свою сторону. Один из них даже попытался заступиться за женщин, но тут же был схвачен и уведен⁶⁵⁶. Ее взгляд в момент истязания – «кроток», и вместе с этим она исполнена необычайной силой. Только вдвоем ее и смогли подтащить к свободному «хомуту»⁶⁵⁷. Поднятая на дыбу, она сопереживает своей соузнице Акинфеюшке, истязаемой в этот момент на «кобыле»⁶⁵⁸.

Под конец пытки, когда Морозову вынули из «хомута», то «вывихнутые из суставов и еще не вправленные руки ее с широкими рукавами белой сорочки представляли подобие распростертых и запрокинутых назад крыльев»⁶⁵⁹. Это соединение человеческого искаленного тела с прекрасным одеянием вызывают у Акинфеюшки и Урусовой мысль об ангельской сущности Феодосии. «Но палачи поспешили превратить крылатого ангела в плачущую женщину», – с суровой и безжалостной иронией завершает сцену Мордовцев, подводя итог еще одному символическому ряду, связанному с мотивом отречения гонителей-новообрядцев. В ходе пытки мучители несколько раз иронически отказываются от своей

---

⁶⁵⁴ Карнович Е. П. На высоте и на доле. С. 55.

⁶⁵⁵ Там же, с. 56.

⁶⁵⁶ Мордовцев. Великий раскол. С. 313.

⁶⁵⁷ Там же, с. 315.

⁶⁵⁸ Там же

⁶⁵⁹ Там же, с. 316.

христианской сущности: «Делай свое дело»⁶⁶⁰ – прикрикнул на палачей распорядитель пытки князь Воротынский, что является прямой аллюзией на мотив ареста Христа в Гефсиманском саду, «Равняй себя с Христом-де [а не с нами]»⁶⁶¹ – отрекались от христианского единства между собой и истязаемыми палачи, игнорируя древлеправославное «Христос посреди нас», «Мы не Христы, где нам с суконными рылами»,⁶⁶² – смеялись они в лицо женщинам, при этом игнорируя при этом и собственную национальную принадлежность. Ведь «взбунтовавшиеся бабы», как писал Мордовцев, считали, что Христос мужиком был, а значит, не гнушался и своей простонародности⁶⁶³. В этом противопоставлении заметен и еще один элемент Раскола как распад общности взглядов на существо славы и мученичества Спасителя и на путь христианина в верности этому идеалу.

Сцены пытки у Мордовцева и Карновича, имеют один и тот же документальный первоисточник: очерк Н. С. Тихонравова, представляющий из себя пересказ с комментарием текста «Жития боярыни Морозовой». Оба писателя использовали и произнесенную Морозовой фразу, ставшую одним из символов старообрядческого сопротивления – «это ли христианство, чтобы так людей учить»⁶⁶⁴ у Мордовцева, и «это ли христианство, чтобы людей так мучить» – у Карновича⁶⁶⁵. В оригинале «Жития» она звучит так: «Се ли христианство, еже сице человека умучити?»⁶⁶⁶. У Тихонравова же фраза в точности соответствует⁶⁶⁷ фразе Мордовцева, что дает возможность предположить, что именно текст очерка, а не само «Житие», было для Мордовцева основным в момент работы над «Великим расколом». Не дают должного прояснения относительно знакомства

---

⁶⁶⁰ Там же, с. 313.

⁶⁶¹ Там же, с. 314.

⁶⁶² Там же, с. 315.

⁶⁶³ Там же, с. 309.

⁶⁶⁴ Там же, с. 315.

⁶⁶⁵ Карнович Е. П. На высоте и на доле. С. 57.

⁶⁶⁶ Житие боярыни Морозовой. С. 163.

⁶⁶⁷ Тихонраов Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола // Русский вестник. 1865. Т. 59. С. 32.

Мордовцева с текстом «Жития» и «желѣза конския»⁶⁶⁸, или «конские железные пути»⁶⁶⁹ на ногах Морозовой, как писал Карнович. У Мордовцева эта деталь художественно усложнена – сама Морозова в заточении ночью привиделась одному из сторожей как страшная «лошадь», громыхающая узами⁶⁷⁰.

Отметим, что примером следования исторического романиста за текстом не исторического первоисточника, но исторического очерка, выполняющим, таким образом, роль промежуточного звена между историческим объектом и его художественной интерпретацией, служит подробность, приводимая в диссертации С. М. Ляпиной. Исследовательница отметила повторение образа «царь-девица»⁶⁷¹ в отношении царевны Софьи, сделанное Вс. С. Соловьевым в одноименном романе. Источник этого «былинного» эпитета – очерк И. Е. Забелина «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях»⁶⁷². Масштабное взаимодействие с историческими исследованиями отца писателя, историка С. М. Соловьева, отмечены и Е. В. Никольским в докторской диссертации «Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции»⁶⁷³. Как на характерную черту исторической романистики Г. П. Данилевского указывала на углубленную «бытовую детализацию» Л. Х. Кимова⁶⁷⁴.

Из всех многочисленных исторических, научных и публицистических источников, которыми пользовался Мордовцев при создании своего романа «Великий раскол», следует отметить «Житие протопопа Аввакума» как произведение, проникновение которого в авторский текст наиболее заметно. Сравнение фрагментов романа с вариантом «Жития», опубликованным Н. С. Тихонравовым в 1861 году, можно предположить, что именно к этому

⁶⁶⁸ Житие боярыни Морозовой. С. 150.

⁶⁶⁹ Карнович Е. П. На высоте и на доле. С. 50.

⁶⁷⁰ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. с. 302.

⁶⁷¹ Ляпина С. М. Роман Вс. С. Соловьева «Царь-девица» в контексте авторского и национального мирообраза. Дис. ... канд. филолог. наук. Елец, 2014. С. 77.

⁶⁷² Забелин И. Е. Домашняя жизнь русских цариц // Забелин И. Е. Домашняя жизнь русского народа. Т. 2. М., 1869. 178; VIII с.

⁶⁷³ Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции. С. 117.

⁶⁷⁴ Кимова Л. Х. Данилевский – исторический романист. Дис. ... канд. филолог. наук. М., 1981. С. 198.

изданию знаменитой «автобиографии» огнепального протопопа и обращался Мордовцев в качестве одного из основных документальных источников своего романа. Тем не менее, для настоящего исследования представляется значимым не точное установление конкретного списка «Жития», на который опирался исторический романист, но сам характер этого взаимодействия.

Следует отметить важную, на наш взгляд, стилистическую особенность «Жития протопопа Аввакума», о которой писал В. В. Виноградов и которая заключается в значительном разнообразии словесных и риторических форм⁶⁷⁵. Эта особенность также присуща и роману «Великий раскол».

Нами было выделено три главных аспекта проникновения рукописи XVII века в текст романа «Великий раскол»: информационный, документальный и символический.

Первый аспект связан с общей канвой событий, описываемых в романе Мордовцева: фактами биографии Аввакума, его отношением к различным историческим лицам, то, что к моменту написания романа являлось сведениями общеизвестного порядка благодаря «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Поэтому для рассматриваемых нами особенностей художественности «Великого романа» роль данного аспекта является малозначительной. Тогда как другие аспекты оказали достаточно серьезное влияние на внутренний «историко-культурный ландшафт» (понятие Б. В. Кондакова)⁶⁷⁶ романа.

Документализм использования «Жития» в романе непосредственно связан с прямым цитированием. Это и многочисленные реплики Аввакума на страницах исторического произведения, неоднократно «говорящего» словами собственного «Жития», это и прямые заимствования фрагментов этого рукописного памятника.

Заметно влияние «Жития» и на образный строй романа. Это проявилось в первую очередь в развитии такого характерного для творчества Мордовцева

---

⁶⁷⁵ Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. 1958. [Т.] XIV. С. 379.

⁶⁷⁶ Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. Дис. ... док. филолог. наук. Екб., 2007. С. 235.

художественного приема, как использование анимализмов и зооморфной образности. Этот элемент поэтики «Великого раскола» заслуживает более глубокого внимания, поскольку связан и с еще одним уровнем взаимодействия с тестом рукописи Аввакума – с построениями в романе символических рядов.

Всего в произведении упомянуто несколько десятков различных наименований зверей, птиц, рыб, насекомых и пресмыкающихся. В романе присутствует 25 различных млекопитающих⁶⁷⁷: *Баран* (8); *Вепрь*; *Волк, волчий, волчица, волци* (49); *Волы, воловьи [глаза], воловья [шея]* (9); *Жеребец, жеребенок* (9); *Заяц, зайчик* (5); *Зубр* (2); *Кабан* (3); *Коза, козел, козлиный, козлице* (12); *Конь, кони, конек* (8); *Корова* (11); *Кот, кошка* (7); *Крыса, крысы, крысиный* (6); *Лев, львиный* (4); *Лисицы* (1); *Лошадь* (31); *Лоси* (1); *Медведь, Медвежатина*, (12); *Мышь, мышинный* (22); *Овца, овцы, овечки* (11); *Олень* (2); *Пардус* (1); *Пес, песик, псовый, псица* (18); *Собака* (13), *Соболья [шуба]*. В романе действуют 16 реальных и мифологических птиц: *Воробей* (14); *Ворон, ворона* (20); *Голубь, голубица* (18); *Горлинки*; *Гусь, гусиный* (6); *Иволга, иволги* (4); *Курица, куры, курята, курочка* (29); *Ласточка* (18); *Лебедь* (26); *Сокол, соколик, соколиный* (9); *Соловей, соловушка* (8); *Сорока, сорочий* (10); *Стрижи* (2); *Феникс*; *Цапля* (3); *Ястреб*. В произведении упоминается 9 видов рыб: *Белуга, белужина* (3); *Голяшка* (1); *Лещ, лещик* (3); *Окунь* (4); *Осетр, осетрина* (7); *Плотица* (1); *Сазан* (2); *Щука, щучка* (7); *Язь*(1). Здесь встречается 7 наименований насекомых: *Комар* (1); *Муха, мухи, мушки* (19); *Паук, паучок, паутина* (12); *Пчелы* (3); *Саранча* (1); *Сверчки* (1); *Таракан* (4) и 2 наименования пресмыкающихся: *Змея, змей, змейка* (5); *Лягушка* (1).

В произведении представлен целый ряд зооморфных глаголов: *Жужжать, Пискнула, Проревел, Выл, взвыл, Рыкнул, рычал*. Широко используется и лексика, образованная от анималистических понятий: *Гнездо, гнездышко* (14); *Грива* (3); *Зверь, звериный* (28); *Икра* (2); *Клюв; Когти* (1); *Копыта* (3); *Крылья, крылышки, большекрылый, сизокрылый* (21); *Перо, перья* (11); *Пух* (6); *Птица, птичий* (57); *Рог, рогатый* (11); *Рыба* (9); *Рыло* (2); *Рысьи [глаза]* (4); *Скот, скотинка* (2);

⁶⁷⁷ Цифра в скобках означает количество упоминаний в тексте романа «Великий раскол».

Телята (2); Орлиный [нос] (1); Шкура (3); Щенок, щенята (4); Хвост (21); Хомут (6); Медвежатник.

В значительной мере «звериная» лексика попала в произведение из «Жития протопопа Аввакума». В частности, в главе «Аввакум в царицыных палатах» в рассказе протопопа о своем пребывании в Сибири ближнему кругу царицы Марии Ильиничны (Морозовой, Урусовой, Софье), писатель достаточно подробно воспроизвел соответствующий отрывок «Жития». В нем же и встречается достаточно большое количество животных – «А в горах тех змии великие живут. [...] И чего-то там нет! А все не так, как у нас на Руси: там и гуси, и утицы – перие красное, и вороны серые и галки черные; там и орлы невиданные, и соколы дивные, и кречеты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, многое множество, птицы разные. А зверей-то там – и числа, и имени им нету: козы дикие, и олени с оленцами малыми бегают, и зубры велие, и лоси, и кабаны – клыком зубра прошибают, и волки, и бараны дикие воочию бродят, а взять нельзя»⁶⁷⁸.

Художественной переработке подверглись и реалистические подробности «Жития», связанные с общением находившегося в заточении протопопа с животными: «Никто ко мне не приходил, токмо мыши да черные тараканы, да сверчки и день и ночь кричат», – делился своим одиночеством Аввакум-персонаж о пребывании в тюрьме⁶⁷⁹. «Вот и теперь он пишет, согнувшись в три погибели, а на оконце чирикает воробей, мышонок шуршит соломой, утаскивая к себе сухарик, Аввакумом же для него припасенный, ворона по-прежнему каркает на кресте», – так описал Мордовцев одиночество своего героя в Пустозерске, при этом образы каждого из живых существ несут на себе очевидную символическую нагрузку.

---

⁶⁷⁸ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 25. Ср.с текстом «Жития...»: «Горы высокия, дебри непроходимый, утес каменной, яко стѣна стоит, и поглядѣть — заломя голову; В горах тех обретаются зміи великіе; в них же витают гуси и утицы — періе красное, вороны черные, а галки сѣрыя; в тѣх же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иные дикія — многое множество, птицы разныя. На тех же горах гуляют звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя!» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1861. С. 31-32).

⁶⁷⁹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 22.

Мышонок – это символ сострадательности Аввакума, его готовности помочь любому, кто слабее – как подкормить божью тварь, так и заботиться об укреплении веры в духовных детях⁶⁸⁰. Воробей – символ Божьего мира, его красоты, неисповедимости Его путей, образ вечно живой природы. Ворона – предзнаменование жертвенного окончания жизненных трудов самого Аввакума⁶⁸¹. Собственная творческая ориентация на использование зооморфной образности позволила Мордовцеву органично воспринять отличающиеся динамикой и конкретикой анимализма протопопа Аввакума, а вместе с этим и продолжить развитие принципов изобразительной анималистики, характерных для древнерусской словесности. Эти принципы связаны в том числе и с построением в «Житии» двух типов животного мира – героического и идиллического, как указывал исследователь древнерусской литературы А. С. Демин в работе «Изобразительная анималистика “Сказания о мамаевом побоище”»⁶⁸². В переработке Мордовцева эти тенденции нашли новое воплощение в разветвленной структуре анималистической образности.

Лексически зооморфные образы оформлены в группу тропов, как правило, метафор и сравнений, устойчивых выражений и поговорок. «Волки идут, боярыня», – так называет дворовый человек семейства Морозовых приближающихся «следователей» по делам раскола⁶⁸³; «Молчи, собака», – обращается перед казнью к одному из своих мучителей Степан Разин⁶⁸⁴; «Юродивый, словно кошка, вскочил в окно»⁶⁸⁵. В этих эпитетах проступает моральная сторона содержания образа. Волк – олицетворение вероломного врага, собака – обращение само по себе презрительное, а юродивый же ни за что не

---

⁶⁸⁰ Ср. с трактовкой образа мыши в славянской книжности О. В. Беловой: «Обозначение человека, нетвердого в вере» (Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 182).

⁶⁸¹ Ср. «Вещунья горя» (Кожевникова Н. А. Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Выпуск 1. Птицы. М., 2000. С. 307.)

⁶⁸² Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 39.

⁶⁸³ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 179.

⁶⁸⁴ Там же, с. 168.

⁶⁸⁵ Там же, с. 176.

может скакать как собака, потому что собака в христианской традиции – животное нечистое.

«Кое-где виднеются в тени зелени бояре, стольники и другая дворская саранча»⁶⁸⁶; «Мокрый, как мышь»; «брызгал и фыркал, как купаемый конюхом жеребец»,⁶⁸⁷ – так описывает Мордовцев скопление народу в царском саду и купание приближенных Алексеем Михайловичем.

«С родимой-ту сторонки и собачка, чу родная сестрица»⁶⁸⁸ – присловье; «"Что случилось? Зачем стали?" – слышалось из прочих саней. – "Заяц передорожил»⁶⁸⁹ – примета; «Васенька-Соколик»⁶⁹⁰ – устойчивый эпитет.

Иногда образы животных использовались Мордовцевым в традиционном для средневековой бестиарности сопоставительном ключе с человеческим миром: «Ишь, голуби подрались... и у них, что у людей же, вражда... о-ох!»⁶⁹¹; «и голуби враждуют, а людям не занимать-стать вражды у голубей да у врабушков»⁶⁹²; «Тоже узнички, рыбка-то: в заточении сидят, как вот и я»⁶⁹³.

Событийно анимализмы использовалась в романе для создания ощущения параллельности, одновременности событий.

Ночь в Пустозерске: «Все спит и там... Не спит только Аввакум в своей земляной тюрьме: молится, кричит до бога, звеня цепями... А привыкшая тюремная *мышка* грызет свой сухарик»⁶⁹⁴.

В Ферапонтове ночь: «Никон не спит: стучит костылем по полу кельи, с *чертями* воюет»⁶⁹⁵.

Ночь в Москве: «Но и на Москве в эту тихую летнюю ночь не все спят. Ровно в полночь тихо закрипела калитка на подворье Печерского монастыря,

---

⁶⁸⁶ Там же, с. 293.

⁶⁸⁷ Там же, с. 298.

⁶⁸⁸ Там же, с. 282.

⁶⁸⁹ Там же, с. 2.

⁶⁹⁰ Там же, с. 325.

⁶⁹¹ Там же, с. 228.

⁶⁹² Там же, с. 229.

⁶⁹³ Там же, с. 230.

⁶⁹⁴ Там же, с. 301.

⁶⁹⁵ Там же

загремело железо, и из калитки вышла женщина, вся закутанная в черном и сопровождаемая вооруженными людьми. На ногах женщины звякали кандалы... – Ишь, лешие, лошадь выпустили! – соскочил со скамейки заспавшийся сторож подворья, которому со сна по звяканью кандалов померещилось, что это ушла с подворья стреноженная цепью лошадь. Он бросился за мнимую лошадью и в изумлении развел руками: то была не лошадь, а закутанная черною фатою женщина с кандалами на ногах»⁶⁹⁶.

Кроме эффекта параллельности, образы животных способствуют и раскрытию идейности, вкладываемой автором в каждого из своих персонажей. Кротость и смирение протопопа Аввакума, безумие и вероломство патриарха Никона, упорство и стойкость боярыни Морозовой – все это передается с помощью сопутствующих животных, символика которых восходит к средневековой культурной традиции.

Кроме включения в свой роман анимализмов, отметим еще одну особенность использования Мордовцевым «Жития протопопа Аввакума». Эта особенность связана с построением сцен, прямо указывавших на полученные из этого источника биографические сведения. При этом ему удавалось подметить важную черту стилистического своеобразия «Жития» и творчески ее развить. Эта черта – обилие исключительно выразительных и емких реально-бытовых деталей⁶⁹⁷. Следовал Мордовцев и необычайной чуткости Аввакума к окружающему миру⁶⁹⁸, что отразилось в изображении в «Великом расколе» действий и предметов, находящихся или в руках Аввакума, или под рукой, или на расстоянии вытянутой руки. А. С. Деминым было обращено внимание и на особенности «сгущения» при описании объектов окружающей реальности в «Житии», а именно составление Аввакумом «перечней» и передаче ощущения «досягаемости рукой», когда протопоп писал об окружающих его животных и предметах⁶⁹⁹.

⁶⁹⁶ Там же, с. 301-302.

⁶⁹⁷ Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. С. 61.

⁶⁹⁸ Там же, с. 71.

⁶⁹⁹ Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. С. 77-81.

Эти приемы «густоты» и «близости» были перенесены Мордовцевым на описание боровского заключения Морозовой и Урусовой. «А я лежу, младая девынька, в траве, руки под голову заложила, лежу и думаю, глядучи на небо. А по небу лентою тянутся гуси, на теплые воды летят, высоко-высоко над землею, и я слышу говор их меж собою... И сама, кажись, я лечу с ними на теплые воды, в неведомые земли, к морям синим, и подо мною грады и веси, реки и озера "вся царствия вселенныя в черте времянне"⁷⁰⁰ ... А надо мною пчелки летают-жужжат, козявочки махоньки... И слышно мне, как в отъезде поле собаки лают, это батюшка с охотою тешится»⁷⁰¹. Многообразие мира, его неповторимое звучание, лирические интонации в соприкосновении с этим миром мечтаний героини и евангельское осмысление его чудесной красоты – художественно это восходит к особенностям «Жития протопопа Аввакума».

Для исторической романистики Мордовцева вообще характерна художественная переработка текста исторического первоисточника, из которого он черпал не только документальные сведения, но и творческое вдохновение для собственных экспериментов с поэтикой. На это обратил внимание А. Ю. Сорочан в статье «Зверь Апокалипсиса и другие замечательные животные: бестиарии в русской исторической прозе XIX века», в которой исследователь отметил опыт Мордовцева как «определенный этап в переработке путевых очерков и включения их в художественные тексты»⁷⁰².

Отметим также, что с самого начала литературной деятельности Мордовцевым предпринимались попытки «раскрытия» художественности средневековых и фольклорных источников, им двигало стремление создать не стилистически отделанное «под старину» произведение, но творчески переосмыслить и развить потенции, которым, с его точки зрения, в современной ему литературной традиции не находилось достойного места. «Приемы в поэзии всех народов имеют много общего: сравнения, повторения и уподобления больше

---

⁷⁰⁰ Лк. 4: 6-7.

⁷⁰¹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 382-383.

⁷⁰² Сорочан А. Ю. Зверь Апокалипсиса и другие замечательные животные: бестиарии в русской исторической прозе XIX века. С. 28.

всего бросаются в глаза»⁷⁰³, – писал Мордовцев в предисловии к «Малорусскому литературному сборнику», в котором он опубликовал собственный опыт создания народной поэмы «Казачи и море», в поэтической форме раскрывшую авторское представление о возможностях литературного развития общеславянской фольклорной традиции. «Кто знает, не подадут ли подобные плохие книги, – с присущей скромностью оценивал Мордовцев значение собственных экспериментов, – повод заняться основательнее историей Малорусского наречия»⁷⁰⁴.

Активно использовались Мордовцевым художественные и стилистические особенности «Жития протопopa Аввакума» и в романе «Великий раскол». Повествуя о последнем дне жизни протопopa, Мордовцев обращает внимание читателя на окружающие узника предметы. Мир его «ямы» становится вещным и осязаемым. За счет этого читатель словно очевидец следует вместе с главным героем к месту казни. «Он, сидя в своем подземелье, все молился да разговаривал то с вороною, каркавшею у него на кресте землянки, то с воробьем, прилетавшим на его оконце клевать крошки, насыпаемые туда узником, то с мышонком, что погрызывал его сухарики, то, наконец, с пауком, спускавшимся с потолка на звон его цепей, говорил затем, чтоб не разучиться говорить и Бога славить, говорил, молился и писал, без конца писал, рассылая свои послания по всей русской земле с помощью уверовавших в него тюремщиков»⁷⁰⁵. Так незаметно удается перейти Мордовцеву от описания подручной тесноты к глобальному миру «всей русской земли». И только такому самоотверженному человеку, как Аввакум, и возможно было, «не разучившись говорить и славить Бога», найти собственный путь к тем, кто нуждался в нем, в его горячей проповеди. Далее эта непосредственная близость читателя и героя подчеркивается с помощью лежащей на коленях тетради его «Жития», чтение которой прерывается отдаленным звуком топоров. Нечесанные космы падают на лицо протопopa, вот он берет в руки прядь своих

⁷⁰³ Мордовцев Д. Л. Малорусский литературный сборник. С. 23.

⁷⁰⁴ Там же, с. 26.

⁷⁰⁵ Мордовцев Д.Л. Великий раскол. С. 386.

волос – «чистое серебро»⁷⁰⁶, нагибается к тетради, читает, останавливается, взвешивает тетрадь на руке⁷⁰⁷, словно Господь на Страшном суде взвесил бы его, Аввакумову, душу.

Обращение к истории Русского раскола было актуально для художественного исследования состояния современного Мордовцеву общества. Писатель пытался осмыслить тот исторический перевал, который преодолевала Россия в 1860-1870-е годы, что, как считал В. А. Недзвецкий, было характерно для всей русской литературы этого периода⁷⁰⁸. Схожесть раннехристианских аллюзий романа с аналогичными приемами в творчестве Ф. М. Достоевского позволяет говорить о том, что Мордовцев в рамках исторической прозы стремился по-своему выразить онтологические и эсхатологические проблемы своего времени.

Другой важной отличительной чертой русской литературы 1880-х годов, как считает Б. В. Кондаков, стала попытка осмысления сущности мира через культуру⁷⁰⁹. Заметная «литературность» Д. Л. Мордовцева, неоднократное использование не только образов русского фольклора и древнерусской книжности, но и общемировой истории и культуры – не только отличительные знаки его художественного стиля, но и проекция именно этой общей эстетической тенденции своего времени.

Важной особенностью этой «культурности» «Великого раскола» является включение в текст исторически обусловленной лексики. Мордовцев использовал в своем произведении то культурное своеобразие, которое, с его точки зрения, могло наиболее точно соответствовать духу изображаемой эпохи. «Разве Сибирь – не та же страшная Фиваида», «разве боярин Пашков не римский претор», «разве сибирские земляные тюрьмы – не те же языческие узилища» – задавалась вопросами Феодосья Морозова⁷¹⁰. В этих вопросах знаменитой мученицы также

---

⁷⁰⁶ Там же, с. 387.

⁷⁰⁷ Там же, с. 388.

⁷⁰⁸ Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века. Неклассические формы. С. 144.

⁷⁰⁹ Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. С. 172.

⁷¹⁰ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 42.

можно прочесть обращение Мордовцева к читателю-современнику. «Удачной находкой романиста»⁷¹¹ считали использование евангельской символики и реминисценций С. И. Панов и А. М. Ранчин, рассматривавшие особенности построения образов Морозовой, Никона и Аввакума в романе.

Особенное внимание уделил писатель и «культурному миру» при дворе Алексея Михайловича. Соприкосновение с европейской светской культурой литератором обозначено в романе штрихами, исподволь, в основном с помощью указаний на книги, по которым учится царевна Софья, а также на устраиваемые при дворе театрализованные действия. Подчеркивал Мордовцев и наивное любопытство научными знаниями, демонстрируемое рядом «просвещенных» москвичей, например, боярыней Анной Ртищевой, которая интересовалась «новшествами и “кентром” вселенной»⁷¹², или самим царем Алексеем Михайловичем, по-отечески заботившимся об учении дочери и постепенно привыкавшим к новым для него глобусу, «планидам» и «комидийным действиям»⁷¹³.

С особым размахом описал Мордовцев и въезд в Москву «хохлов» и «черкашин». Отметим, что масштаб описания вполне соответствовал духу того времени, для которого весьма характерными являлись красота и пышность ритуалов, церемоний и шествий⁷¹⁴. Сцена изобилует различными подробностями и деталями исторических костюмов и историко-этнографическими особенностями внешнего вида гостей из Украины: «кунтуш с расшитой золотом грудью и пурпуровыми отворотами», «шапки с разноцветными верхами», «иные с длинными хохлами, заткнутыми за уши». Шествие завершали «волы с рогами, перевитыми цветными лентами»⁷¹⁵. Тут же Мордовцев не преминул подчеркнуть «невиданность» прибывших – для него было важным обозначить заметное всем

---

⁷¹¹ Панов С. И., Ранчин А. М. Д. Л. Мордовцев и его историческая проза. // Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. М., 1990. С. 24.

⁷¹² Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 53.

⁷¹³ Там же, с. 57.

⁷¹⁴ Черная Л. А. Придворная культура царя Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея. // Исторический вестник. 2013. №3. С. 32.

⁷¹⁵ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 64.

культурное различие между «Москвой» и «Малороссией». В этом также проявляется одна из его идейных задач, состоявшая в оспаривании неразличимости русского и украинского и идеи органичного вхождения Украины в состав Российского государства. Представлявшееся очевидным Мордовцеву различие между двумя народами, несмотря на всю их родственную близость, романист в свойственной ему манере раскрыл в упомянутой нами выше сценке с матерью-«московкой» и дитем, родившимся в Киеве и считающем себя принадлежащим к иной культуре⁷¹⁶.

Таким образом, писатель, включая в свое произведение народно-просторечные, инокультурные и архаичные элементы, в действительности не искусственно «состаривал» и намеренно снижал стилистическую окраску своего произведения, но путем специального отбора художественных средств использовал их для создания внутренней историко-временной перспективы. Поликультурность «Великого раскола» включает в себя евангельскую мифологию и историю первых христиан, историю старообрядцев первых лет Раскола и специфику описываемой в произведении эпохи, историю дальнейшего развития России, а также современную читателю действительность. И эта историческая перспектива также должна была нести определенный идейный аспект, отражая ту проблематику, которую стремился обозначить перед читателем Мордовцев.

Для самого писателя такое достаточно вольное обращение с исторической реальностью не являлось непреодолимой проблемой. «Что толку человечеству от того, какая у Ивана Грозного палица: дубовая или осиновая, – писал Мордовцев Н. И. Костомарову. – Все равно палка, только такая, которая сразу убивала человека»⁷¹⁷.

В этой идейно-художественной установке писателя можно заметить и описанную Д. С. Лихачевым важную особенность отечественной средневековой словесности. Подобно древнерусскому книжнику, Мордовцев подчинял

---

⁷¹⁶ Там же, с. 321.

⁷¹⁷ Выписка из письма Мордовцева Д. из Саратова к Костомарову Н. И. в Петербург о необходимости новой программы для человечества и совмещения науки и искусства с общественной жизнью. 5 августа 1860. Л. 3.

внутренний мир произведения собственной идеологии и нормативному идеалу, выстраивая соответствующую этим задачам образную систему⁷¹⁸. Само по себе это было еще одним проявлением «беззакония»⁷¹⁹, отмеченного Н. К. Михайловским применительно к оценке места художественного творчества Мордовцева в русской литературе второй половины XIX века.

Важность идейной установки для исторического романа осознавалась писателем в полной мере. Признаваясь, что он уделяет особенное внимание той современной роли, которую играют его произведения, оказывая влияние на «коллективную работу общественной мысли», Мордовцев говорил и о стремлении способствовать формированию «самостоятельности и зрелости суждений»⁷²⁰ применительно к осмыслению исторического прошлого.

Отметим, что значимость идейной насыщенности образного строя признавалась далеко не всеми. Так, творчество Е. А. Салиаса отличалось «вызывающей для его времени безыдейностью», как писал исследователь В. М. Матвеев. Ценностную неоднородность исторической беллетристики отмечал и Е. В. Никольский в своей работе о Вс. С. Соловьеве⁷²¹.

Рассмотренное нами своеобразие художественности поэтики романа «Великий раскол» – обилие драматических элементов, сложная образно-символическая система, творческое восприятие и переработка текстов древнерусской литературы, говорят о стремлении к новаторству, к попыткам подобрать оптимальную с эстетической точки зрения форму для воплощения собственных идейно-политических взглядов.

Не вызывает сомнений, что роман «Великий раскол» в должной мере способствовал общелитературному процессу накопления тем, идей, мнений, принципов взаимодействия автора и читателя, которые наиболее ярко раскроются только в искусстве XX века. О значении 1880-х годов для дальнейшего развития

⁷¹⁸ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 2006. С. 150.

⁷¹⁹ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 6. СПб. 1897. С. 674.

⁷²⁰ Мордовцев Д. Л. К слову об историческом романе и его критике // Исторический вестник. 1881. № 11. С. 647.

⁷²¹ Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции. С. 4.

русской литературы убедительно высказался Б. В. Кондаков, считавший, что именно этот период способствовал развитию тех способов организации внутреннего мира произведения, которые окажутся актуальными в литературе XX века⁷²².

Следует признать, что исторический роман как жанр и в этот важный отрезок своего развития, коим являлись 1860-1880-е годы, как и на несколько десятилетий ранее, выполнил свою важнейшую функцию в качестве испытательного «полигона» для формирования литературы будущего – на этот раз, для формирования литературы рубежа XIX-XX веков. Произведения Г. П. Данилевского, Вс. С. Соловьева, Е. П. Карновича и других исторических романистов 1870-1880-х годов не только использовали достижения выдающихся произведений своего времени, но и стремились к новаторскому осмыслению места человека в пространстве культурно-исторических связей, к поиску новых способов литературной интерпретации явлений действительности, сообщая целому жанру ощущение реальности и художественную убедительность⁷²³, отвечая при этом на тревожные вопросы своих лет. И одним из важнейших этапов на этом пути был роман Д. Л. Мордовцева «Великий раскол».

§ 3.2. Образы протопopa Аввакума и патриарха Никона

Роман «Великий раскол» фактически стал первым художественным произведением русской литературы XIX века, в котором протопоп Аввакум не только был изображен в качестве главного действующего лица, но при этом еще и пользовался явной авторской симпатией. И если протопоп и его сподвижники представляли в романе «правую» сторону русской истории, то с «левой», по мысли писателя, должно было ассоциироваться государственно-реформаторское крыло, включавшее в себя патриарха Никона и представителей различных силовых структур.

---

⁷²² Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. С. 435.

⁷²³ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX в. С. 102.

Для своего времени такое противопоставление было достаточно смелым, поскольку роль Никона в отношении событий, приведших к расколу, в официальной историографии всячески оттенялась. «Умным пастырем» считал Никона историк–демократ Щапов, следуя сложившемуся церковному мнению⁷²⁴. В числе причин различных событий, приведших к опале патриарха Никона, официальный церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) указывал на «личную ненависть» со стороны «убеждённых по жалкому невежеству» Аввакума, Ивана Неронова, Павла Коломенского⁷²⁵. Сам же Никон в интерпретации митрополита представал как «истинный пастырь, ревнующий о соблюдении веры и обрядов во всей их чистоте и неповреждённости», который «имел несчастье лишиться милости своего доброго монарха»⁷²⁶. Пылкостью характера патриарха объяснил причину гонений со стороны завистливых и злобных врагов⁷²⁷ другой церковный историк – архимандрит Аполлос, чье «Начертание жизни и деяний Никона, патриарха Московского и всея России» выдержало в 1830-1850-х годах 4 издания.

Противопоставление двух исторических сил – сторонников церковной реформы и ее противников – для романа «Великий раскол» является ключевым. Образы протопопа Аввакума и патриарха Никона вобрали в себя не только характерные черты представителей конфликтующих сторон, но вместе с этим автору удалось изобразить противостояние общественных сил, по выражению самого писателя, ратующих за свободное или насильственное развитие. «Я всегда стоял и буду стоять за первый, – не скрывал своих убеждений Мордовцев. – Так, с точки зрения моих исторических романов, я относился и к Петру, и к Мазепе, и к Никону, и к Аввакуму, и к Алексею Михайловичу»⁷²⁸.

⁷²⁴ Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества. С. 48

⁷²⁵ Макарий (Булгаков). История русского раскола, известная под именем старообрядства. С. 163–164.

⁷²⁶ Там же, с. 167.

⁷²⁷ Аполлос, арх. Начертание жизни и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1859. С. 100.

⁷²⁸ Мордовцев Д. Л. К слову об историческом романе и его критике. С. 649.

Тем не менее, открыто противопоставить Аввакума и Никона Мордовцев мог только в том случае, если бы его авторская симпатия прямо указывала на пусть и опального, но все-таки представителя господствующей церкви. Для автора же важнее был поиск истины, а не искусственное придание значимости определенному историческому явлению или конкретному лицу. Мордовцев как художник не мог отойти от собственных принципов историка и ученого. Поэтому для изображения своих героев Мордовцев стремился использовать максимально полный арсенал художественных средств, включая как приемы древнерусской словесности, так и приемы современной ему литературы.

Протопоп Аввакум и патриарх Никон в своем художественном развитии на страницах произведения проделывают длинный и достаточно сложный путь. Вместе с повествованием о своих героях Мордовцеву удалось изобразить трагизм и неотвратимость трещины раскола XVII века, его социальные, культурные и духовные истоки. И если Аввакум в романе совершает символическое восхождение – от рядового протопопа к фигуре мученика за веру, святому подвижнику и даже пророку, то движение Никона нарисовано с помощью линий нисходящих.

Рассмотрение художественных приемов, связанных с формированием образов персонажей, позволило сделать вывод о том, что важнейшими элементами создания человеческого характера в романе являются внешний вид героев, их речь, сопутствующие символические ряды. При этом Мордовцеву удалось нарисовать образы своих героев в динамике, используя для их сопоставления целый ряд исторических деталей, заимствованных из литературных памятников XVII века и творчески переработанных. Следует отметить, что «Великий раскол» – произведение сугубо реалистическое, лишенное мистических мотивов и нарочитой героизации, вместе с этим наполненное драматическим напряжением, острота которого нарастает к заключительным главам за счет величественной предрешенности.

Формально роман охватывает события от лета 1658 года, когда произошел конфликт царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, до апрельских дней

1682 года, когда были сожжены в Пустозерске протоп Аввакум и его товарищи по заключению.

Само же произведение начинается появлением в Москве декабрьской ночью 1664 опального, но еще не низложенного патриарха. «Лицо вошедшего за крестом – бледное, суровое, с выражением чего–то повелительного, непреклонного, скорее жестокого и отталкивающего: глаза, которые никогда, кажется, не смотрели нежно на ребенка, губы, которые никогда, кажется, не знали поцелуя любви и ласки»⁷²⁹, – таким предстает перед читателями Никон. Его появление в Успенском соборе в ночь с 17 на 18 декабря 1664 года Мордовцев описывает в мрачных и гнетущих тонах. Читатель видит комету, раскинувшую свое грозное сияние по всему небу, наблюдает, как свидетели возвращения Никона в Москву испытывают почти мистический ужас: «Те, кто занимали середину церкви, шарахнулись в стороны, как овцы, прижимаясь к стенам и колыхая паникадилами, которые чуть не попадали – да упасть было некуда – попадали только некоторые свечи»⁷³⁰. Мордовцев называет Никона «страшным пришельцем», от одного вида которого у читавшего кафизмы «слова замерли в горле, <...> словно бы перед ним разверзлась бездна»⁷³¹. Появившись в храме, Никон, отложившийся за несколько лет до этого от исполнения своих патриарших обязанностей, властно заставляет митрополита Иону подойти под благословение. Тот повинуется, вслед за ним и все находящиеся в соборе подступают к Никону, «робко прижимаясь один к другому»⁷³². Но власть патриарха больше не распространяется на власть царскую. На силу человеческую и гордыню всегда найдутся сила и гордыня еще большие, исполненные страстью и ревностью. Перед отъездом Никона бояре требуют от Никона, чтобы он оставил посох митрополита Петра – исторический посох московских святителей⁷³³, – и гордецу не остается ничего кроме как удалиться обратно, так и не дождавшись встречи с царем Алексеем

---

⁷²⁹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 4.

⁷³⁰ Там же

⁷³¹ Там же

⁷³² Там же, с. 6

⁷³³ Там же, с. 10.

Михайловичем, «собинным другом» которого еще совсем недавно считался опальный патриарх. События этой ночи описаны в «Житии Патриарха Никона»⁷³⁴. Мордовцеву удалось создать на этой основе вполне реалистичное художественное повествование. В соответствии с древнерусской литературной традицией, автор «Великого раскола» не придумал коллизию, но творчески переработал и развил уже известный исторический сюжет, дополнив значимыми художественными деталями.

Совершенно в иных тонах изобразил Мордовцев протопопа Аввакума, представляя читателю своего героя: «Это был высокий, широкоплечий мужчина с длинною апостольской седою бородою и такими же седыми курчавыми волосами, с длинным, тонким, красиво очерченным носом, с серыми большого разреза и длинными глазами и низеньким лбом, на который красиво падали седые кудерьки, – точь–в–точь святительский лик, какие можно видеть на старинных иконах суздальского письма. Серые, с длинным разрезом и длинными ресницами глаза смотрели ласково и по временам зажигались прекрасным, каким–то согревающим светом. Это были совсем отроческие глаза под седыми бровями»⁷³⁵. В описании внешности этих персонажей можно заметить переключку: «не знавшие нежности глаза» внушавшего всем страх и недоверие Никона резко контрастируют с ласковым и исполненным праведным добродушием взором Аввакума.

В момент первой встречи с протопопом читатель видит протопопа в покоях ближних боярынь царицы Марии Ильиничны, там, куда допускались только родные, духовники, святоши да юродивые⁷³⁶. Отправная точка художественной истории Аввакума вполне понятна: он еще не духовник «ближних боярынь» Морозовой и Урусовой и пока что воспринимается ими как некто вроде «святоши да юродивого». Мордовцев устанавливает отсчет и для романического пути своих героинь: «боярыни <...> смотрели еще совсем молоденькими. Они были одеты совсем одинаково»⁷³⁷, отмечая их мягкие, симпатичные черты лица и наивно–

⁷³⁴ Житие Патриарха Никона // Шмидт В. В. Патриарх Никон. Труды. М., 2004. С. 44.

⁷³⁵ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 21.

⁷³⁶ Там же

⁷³⁷ Там же, с. 22.

детские выражения глаз. Смирение и старческое добродушие протопопа резко контрастируют с мрачной властностью Никона, а «детская» образность прямо указывает на евангельскую символику. Пройдет время, и этим молодым женщинам, как и протопопу Аввакуму, придется пройти через тяжелейшие пытки и муки за веру.

Развитие конфликта между царем и патриархом переходит в открытое противостояние с боярами, которые, как искушенные царедворцы, безусловно, уверенно представляли себе, чьей стороны следует держаться и за кем останется последнее слово в споре царя и патриарха. Тогда как конфликт Аввакума – это не результат чьих-то враждебных действий в ходе борьбы за власть, но его собственный духовный выбор как поборника истинной веры, как ревнителя благочестия, а не искателя выгод от близости с властью.

Таким образом, идейные роли Никона и Аввакума предопределены автором с первых глав романа. Образ Никона вбирает в себя бремя человеческих страстей – в первую очередь, гордыни и властолюбия. Его раскол – это крах земного могущества некогда влиятельного вельможи. Аввакуму же предначертано земное страдание и вместе с этим – духовное восхождение.

Образ огнепального протопопа в романе крайне противоречив. Духовный наставник, вероучитель, обладающий безусловным авторитетом для своих сподвижников, и в то же время – бунтарь, сумасброд и даже шут. Но даже в негативных характеристиках Мордовцев следовал за литературной автобиографией своего героя, ничуть не стеснявшегося собственного нарочитого шутовства на соборе 1666 года: «Мы уроды Христа ради; вы славни, мы же бесчестни, вы сильны, мы же немощны»⁷³⁸, что само по себе является цитатой из Послания Апостола Павла Коринфянам⁷³⁹. Следует отметить пример внимательного следования Мордовцевым за тестом «Жития», что позволяло писателю превращать самого Аввакума в соавторы «Великого раскола». «Али вы забыли Дионисия Ареопагита? У него прямо сказано, как словословят Господа

---

⁷³⁸ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. С. 86.

⁷³⁹ 1 Кор. 4:10

небесные силы: по алфавиту, глаголет, едино *аль* Отцу, другое *аль* Сыну, третье *аль* Духу Святому»⁷⁴⁰ – в этой фразе романа соединены различные части «Жития» согласно указаниям самого протопopa Аввакума: «Посрамил <...> Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале речено»⁷⁴¹. Выше – это вступительная часть «Жития», жанровое своеобразие которой определено Н. В. Понырko в качестве «духовного завещания»⁷⁴², и в которой Аввакум и привел «роспись» Дионисия «како хвалу приносят Богу»: «*аль* Отцу, *аль* Сыну, *аль* Духу Святому»⁷⁴³.

Проводя своего героя через все испытания, Мордовцев сохраняет в нем главное: стойкость характера, крепость убеждений и самозабвенное отречение от всего земного и временного. «Что особенно поражает в Аввакуме, это необыкновенная цельность характера, источником которой была такая глубина веры, что она действительно могла ворочать горами», – отметил Мордовцев в одном из своих авторских отступлений⁷⁴⁴.

Если в начале романа Аввакум назван «благообразным старцем»⁷⁴⁵, то по мере развития событий старческая эlegантность сменяется неприглядным и даже отталкивающим внешним видом. «Седые, длинные и курчавые волосы его были острижены, как у арестанта: это была уже не поповская, не иконная голова, а простая колодницкая», – так унижительно для священника выглядит Аввакум в монастырской тюрьме⁷⁴⁶. «Худым, оборванным и обезображенным стрижкой» предстает протопop перед вселенскими патриархами, таким он видится царю Алексею Михайловичу⁷⁴⁷. Но даже на суде не все являются убежденными противниками протопopa. Сочувствие окружающих Мордовцев отметил с помощью одобрительных улыбок, которыми встречают Аввакума равнодушные к нему бояре, духовные лица и даже сам царь. Напряжение всей сцены Мордовцев

⁷⁴⁰ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 135.

⁷⁴¹ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. С. 86.

⁷⁴² Понырko Н. В. Житие протопopa Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. 1985. Т. XXXIX. С. 379.

⁷⁴³ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. С. 7.

⁷⁴⁴ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 138.

⁷⁴⁵ Там же, с. 33.

⁷⁴⁶ Там же, с. 104.

⁷⁴⁷ Там же, с. 131.

подчеркнул и «взглядами», которыми обмениваются различные персонажи. Юродивый пытливо заглядывает в глаза Аввакуму, в ласковых глазах Алексея Михайловича блестит «что-то вроде слезы и жалости», бояре смотрят «ласково и жалостливо», а архиереи – «хмуро и неприветливо»⁷⁴⁸.

И если даже в такой момент Аввакум сохраняет жизнелюбивый пыл и энергичность, то у его противников Мордовцев рисует подчеркнуто «нечеловеческие» детали внешности: дьяк Алмаз Иванов нагнул «пергаменное лицо», Макарий Антиохийский не обратил внимание на Аввакума, а «перенес свои белки»⁷⁴⁹. В другом эпизоде, во время спора о двуперстии в доме Ртищева, Мордовцев лицо Симеона Полоцкого описал с помощью развернутого сравнения: «Бледное, бесцветное лицо изобличало, что его больше освещала лампада, чем солнце, и что глаза его больше глядели на пергамент, да на бумагу, чем на зелень и на весь божий мир»⁷⁵⁰. Подобные черты «нечеловечности» во внешности героя неоднократно встречаются и при создании образа патриарха Никона. У него «необыкновенное, не его лицо» в момент проповеди в Успенском соборе⁷⁵¹, «металлический» голос⁷⁵², его лицо «позеленело», когда Крутицкий митрополит объявил о необходимости вернуться в Воскресенский монастырь⁷⁵³, лицо патриарха становится из бледного «бледно-восковым»⁷⁵⁴.

Никон тяжело переживает свое отлучение от полноты власти. И пусть он – «гранитный человек», чтобы так просто сдаться, его внутренний протест уходит на гнев и негодование, Никон «как голодный тигр», «глухо рычит, забившись в дальний угол своей тюрьмы»⁷⁵⁵. В этой нечеловечности, а, точнее, «звериности», Мордовцев также старается следовать риторическим особенностям изображаемой им эпохи. «Да какая тебе честь, владыка святой, – приводил историк С. М. Соловьев адресованные патриарху Никону слова протопопа Ивана

---

⁷⁴⁸ Там же

⁷⁴⁹ Там же, с. 132.

⁷⁵⁰ Там же, с. 54-55.

⁷⁵¹ Там же, с. 14.

⁷⁵² Там же, с. 13.

⁷⁵³ Там же, с. 10.

⁷⁵⁴ Там же, с. 61.

⁷⁵⁵ Там же, с. 59.

Неронова, – что всякому ты страшен, и друг другу грозя, говорят: знаете ли, кто он, зверь ли лютый, лев, или медведь, или волк?»⁷⁵⁶

Аввакум для Мордовцева – «оратор и пропагандист по призванию»⁷⁵⁷, отличающийся «мощным умом» и «несокрушимой волей»⁷⁵⁸, он мечтает о мученическом венце, на чем неоднократно акцентирует внимание читателя Мордовцев. «Венца хочу, венец дайте!», – требует Аввакум у судящих его бояр и иереев⁷⁵⁹, «пущай их тело мое жгут, жилы вытягивают – больненько-таки, да за то венец мученический получу», – рассуждает Аввакум накануне перед посетившей его в тюрьме Морозовой⁷⁶⁰.

Подчёркивая фанатизм героя, автор постепенно переменяет не только его внешность, но и сам характер изображения. Если вначале автор использует развернутые описания, вводит в роман бытовой колорит, то с приближением трагической развязки все обыденное отступает, а образ Аввакума постепенно наполняется библейским звучанием. Страдания, борьба за веру и духовные подвиги помогают Аввакуму избавиться от всего бренного и земного. Создавая картины мученической кончины протопопа и его товарищей, внешность своего героя автор описывает все более строго и лаконично: «Седая голова его тихо качалась. Нечёсанные космы свесились на лицо»⁷⁶¹. Портрет Аввакума утрачивает пышную благообразную статичность, появляется резкая динамика: покинув свою тюрьму, Аввакум «радостно тряхнул головой», «размашисто перекрестился», «радостно всплеснул руками», «быстро нагнулся»⁷⁶². Момент смерти мученика не обозначен, смерти протопопа вообще как бы нет, автор только подчеркивает – «раздался из пламени сильный, резкий голос»⁷⁶³. Перед нами – святой, лишённый телесности, он ждёт и стремится к искупительному страданию. Все борения

---

⁷⁵⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 11. СПб., 1896. Ст. 209.

⁷⁵⁷ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 55.

⁷⁵⁸ Там же, с. 32.

⁷⁵⁹ Там же, с. 137.

⁷⁶⁰ Там же, с. 109.

⁷⁶¹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 387.

⁷⁶² Там же, с. 389, 390.

⁷⁶³ Там же, с. 390.

остались в прошлом: Аввакум восходит к Господу по Его стопам – через мученическую смерть.

Описание подготовки протопопа к казни полно красноречивых образов: *на кресте* каркает ворона, обращаясь к которой, протопоп уверенно замечает, что не ей достанется его «*мясо*», тем самым сопоставляя себя с «*агнцем*» – Христом. Он читает отрывок из своего «Жития», в котором повествуется о бесовском искушении: «Аз же, Богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по–прежнему все, ино ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помолился и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя: а они по-старому висят»⁷⁶⁴.

Перед выходом из ямы Аввакум получает записку от старицы Мелании, драматичную и вместе с этим и величественно торжественную: «Смиренная и убогая старица Мелания преподобному Аввакуму, *пророку и посланнику* Бога живого, *столпу непоколебимому православия, солнцу правды, алмазиту веры правыя*, о Христе радоватися. Приспе бо час твой. Уготована убо *огненная колесница*, на ней же ныне вознесешись ко Господу. Аминь»⁷⁶⁵. «Правое» место на исторической сцене романа теперь полностью совпадает с церковной традицией «правого пути». Приготовление Аввакума к смерти напоминает ночь Спасителя в Гефсиманском саду: «Что выражало лицо его, неизреченное ли блаженство или невыразимый ужас, когда он упал этим лицом на солому и не своим голосом выкрикнул: “Да будет воля твоя!” – это известно только тем, которые умирали за идею»⁷⁶⁶.

Мордовцев понимал, конечно, что исторический Аввакум шёл на смерть не просто «за идею», но ради спасения бессмертной души перед лицом Антихриста, утверждающего себя в этом мире. Не случайно Мордовцев широко использует текст известного ему «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». Автор допускает не только прямое цитирование, но добавляет в речь протопопа

---

⁷⁶⁴ Там же, с. 387.

⁷⁶⁵ Там же, с. 388.

⁷⁶⁶ Там же. Ср.: «Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя». – Матф. 26:42.

контекстуально необходимые, с точки зрения романиста, элементы. Этому способствует и особый лад «Жития» – «глубоко личный тон простодушно–доверчивого рассказчика»⁷⁶⁷.

Но не только Аввакум–проповедник интересует Мордовцева. Для романиста протопоп ещё и яркая личность, способная на глубокие, искренние чувства. Тонким лиризмом окрашены его послания боярыне Морозовой, на их основе строит романист взаимоотношения своих героев. «Свет моя! Еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! О светила великия, солнце и луна Руския земли, Феодосия и Евдокия... О, две зари, освещающия весь мир на поднебесный!» – обращается к своим духовным дочерям протопоп в послании к Морозовой и Урусовой⁷⁶⁸. Сцена с чтением Морозовой этого послания – на наш взгляд, одна из самых проникновенных в романе. Мордовцев с каждым новым отрывком цитируемого им письма показывает эмоциональное развитие героини, укрепление ее духа и решимости: таково было действие подвига Аввакума на его сторонников. «Глубоко любовным отношением» к своим духовным детям полны послания протопопа, отметил биограф Аввакума В. А. Мякотин⁷⁶⁹. «Так некогда первые христиане служили для язычников примером истинной любви», – указал К. Я. Кожурин на значимость проповеди протопопа для современников⁷⁷⁰.

Для раскрытия характеров своих героев Мордовцеву удалось использовать важную художественную особенность «Жития протопопа Аввакума», а именно – обилие анимализмов, что позволило Мордовцеву искусно сопоставлять свои персонажи во взаимодействии с теми или иными «божьими тварями». По отношению к животным Аввакум всегда выступает в роли защитника, их присутствие не уязвляет его, но наоборот, воодушевляет: «Он, сидя в своём подземелье, всё молился да разговаривал то с вороною, каркавшею у него на

⁷⁶⁷ Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборники статей. [Ч.] I. Пг., 1923. С. 209.

⁷⁶⁸ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 338.

⁷⁶⁹ Мякотин В. А. Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность. СПб., 1893. С. 130.

⁷⁷⁰ Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум. М., 2011. С. 320.

кресте землянки, то с воробьем, прилетавшим на его оконце клевать крошки, насыпаемые туда узником, то с мышонком, что погрызывает его сухарики, то, наконец, с пауком, спускавшимся с потолка на звон его цепей, говорил затем, чтоб не разучиться говорить и Бога славить, говорил, молился и писал, без конца писал, рассылая свои послания по всей русской земле с помощью уверовавших в него тюремщиков»⁷⁷¹.

Иначе ведёт себя Никон. Чаще всего он раздражается на животных, «божьи твари» вызывают у него неприятные ассоциации: «Выбрось его в окно, – продолжал Никон брезгливо, – это бес в образе нетопыря»⁷⁷². А одну из птиц, баклана, – Никон даже подстреливает, тоже приняв её за «беса»⁷⁷³.

Важно и то, что основной причиной конфликта, описанного в главе «Мучительная ночь», явилось непонимание Никоном речи своего прислужника – тот говорил «добро–ста», а Никону казалось «Добр Астарт». «Ноне ночью ко мне чертей в келью напустили, – жаловался Никон, – а этот меня Астартом, идолом сионским, сейчас дважды обозвал»⁷⁷⁴. Эта коллизия раскрывает ещё одно противоречие между Никоном и Аввакумом: протопоп до конца остается подлинным представителем русского народа, тогда как Никон в своем высокомерии от страны и народа отпадает. Отнюдь не случайно в романе Аввакума на суде бранят «мужиком»⁷⁷⁵, что для самого Мордовцева как представителя разночинной интеллигенции своей эпохи никак не могло быть оскорблением. Искусно имитируя искреннее простосердечие старообрядческой проповеди, Мордовцеву удалось подчеркнуть ее демократический характер: «Христос-де и царского роду был, а жил смердом, мужиком, ходил, мало без сапог, без лаптей и спал, су, под заборами»⁷⁷⁶.

Иначе, нежели старение Аввакума, рисуется старость низложенного патриарха. Она наступает внезапно, сразу после соборного осуждения: «Никон

⁷⁷¹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 386.

⁷⁷² Там же, с. 222.

⁷⁷³ Там же, с. 234-235.

⁷⁷⁴ Там же, с. 205.

⁷⁷⁵ Там же, с. 134.

⁷⁷⁶ Там же, с. 309.

ступал медленно, тяжело опираясь на посох и опустив голову. Казалось, что в несколько часов он одряхлел и осунулся»⁷⁷⁷. Сосланный в Ферапонтово, опальный патриарх влачит едва ли не жалкое существование. «Забыли, все забыли патриарха Никона – патриарха божьей милостью»⁷⁷⁸, – сетует изгнанник в жалобе царю Алексею Михайловичу на местные порядки. «Не вели, государь, кирилловскому архимандриту с братьев в мою кельишку чертей напускать»⁷⁷⁹, – это дословная цитата из 11 главы «Истории государства Российского», в которой С. М. Соловьев с использованием посланий Никона к царю Алексею Михайловичу рассказывал о «мелкой, неприличной борьбе» отложенного патриарха с монахами Кирилло-Белозерского монастыря⁷⁸⁰. И если Аввакуму в заточении всегда удавалось найти более слабого и униженного, пусть даже хоть и мышонка или воробушка, то Никон с окружающими ведет себя высокомерно, заносчиво, ссорится и грозит монахам царским «розыском»⁷⁸¹. Современное значение этого Мордовцев комментировал так: «Допрос, испытание, пытка, – это одного корня слова: кнут да жаровня чинили допрос»⁷⁸².

Рисуемая Мордовцевым кончина Никона также контрастирует с описанием смерти протопопа. Низложенный патриарх умирает во время возвращения из ссылки в окружении человеческой суеты, он слаб и нерешителен. Но даже на смертном одре его не покидают мечты о возвращении былого величия: «При звоне колоколов лицо Никона преобразилось; ему показалось, что под этот священный голос церковей он вступает в Москву со славою, благословляемый народом»⁷⁸³.

В заключительных строках романа автор рисует исполненную грусти картину опустевшего мира, в котором больше нет «богатырей» Аввакума и Никона, а остались фигуры менее значительные, почти посредственные.

⁷⁷⁷ Там же, с. 124.

⁷⁷⁸ Там же, с. 200.

⁷⁷⁹ Там же, с. 201.

⁷⁸⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 11. СПб., 1896. Ст. 280.

⁷⁸¹ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 206-207.

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ Там же, с. 394.

«Ласточкино гнездо, пощажённое Никоном, чернеет по-прежнему на переходах патриарших келий. В нём выводится уже семнадцатое поколение потомков той ласточки, которую кормил мухами Никон. Куда бы они ни улетали на зиму, а весной опять возвращались к старому гнезду, как бы вспоминая Никона»⁷⁸⁴.

Как видно, Мордовцев не абсолютизировал уничтожение Никона, напротив, даже в его надменном образе звучат нотки человечности и надежды. Нет, нет, да и покажет автор «Великого раскола» другое лицо патриарха, лицо не деспота, но желающего обновления правителя, осознающего необходимость перемен и действующего в силу собственного понимания власти. Этот другой, «человечный» Никон, потому и не разоряет ласточкино гнездо, что и в нём горячо бьётся сердце не менее страстное, чем сердце протопopa Аввакума. Обнаружение Мордовцевым этой человеческой родственности делает Раскол в его образной системе ещё более трагичным, поскольку на части разбивается живое целое единой Руси, в которой есть место Никону, Аввакуму и их последователям. Отметим, что для этой душевной родственности Мордовцев использовал художественные детали «Жития протопopa Аввакума», перенёс элементы острой чувственности, присущей протопопу, на самого патриарха. «Аввакумку протопopa в тонце сне видел: у него на двух перстах бесик, бес махонький сидел и на сопели играл», – так Никон – герой романа «переигрывает» текст «Жития» Аввакума, который также делился с читателем видениями в «тонце сне»: «блюдися от мене, да не сполна разтесан будеши»⁷⁸⁵. Но видно и трагическое отличие: там, где Аввакуму являются силы Высшего мира, Никону видятся силы мира Низшего.

Художественно автор умиротворяет горделивого и высокомерного Никона, оставляя хоть слабый, но всё-таки лучик надежды. Но вместе с этим важен и сам взгляд на события, понимание Мордовцевым глубины расколовшей Россию религиозной трещины, которое он стремился донести до своего читателя. Обращен ли этот роман к самому старообрядчеству? Безусловно, нет. Вряд ли

---

⁷⁸⁴ Там же, с. 396.

⁷⁸⁵ Аввакум. Житие протопopa Аввакума. С. 65.

хранителями старой веры может быть встречена с симпатией точка зрения Мордовцева, считавшего виновными в расколе обе «стороны». В значительной степени роман обращен к читателю, желающему не только познакомиться с событиями старины, но и понять их роль и значение для дня сегодняшнего.

Произведение позволяет выйти из тупика однозначной и упрощенной предопределенности русской истории. Роман «Великий раскол» ясно показывает: есть другой путь, есть и другие основы русской жизни, нежели те, что приводят к смутам, бунтам и государственному насилию. И если когда-то был выбран «левый» путь, это не значит, что нет больше шанса вернуться на «правую» сторону. В этом мы видим проявление исторического оптимизма автора «Великого раскола», стремившегося поделиться с читателем надеждой на воссоединение частей этой единой и вместе с тем «расколотой» России.

История для Мордовцева есть вечная борьба «идеалистов» с «реалистами». С прагматической и сюжурной точки зрения побеждают всегда вторые. Но первые, и только первые, оставляют в истории свой яркий и незабываемый след, будучи святыми, подвижниками, носителями новых и прогрессивных идей. И будущее остается за ними, они снова и снова своим неуспокойным деланием доказывают, что в мире есть место вечным ценностям и идеалам.

§ 3.3 Образы боярыни Морозовой и царевны Софьи

Еще одну важную для всего действия романа пару персонажей составляют боярыня Морозова и царевна Софья Алексеевна. Если с фигурами Аввакума и Никона связано в основном осмысление проявлений Раскола в сфере государственного и церковного устройства, то Морозова и Софья представляют собой группу двойников, в судьбах которых отражается семейно-личностное действие Раскола.

Особое место среди действующих лиц произведения занимает образ боярыни Феодосии Прокопьевны Морозовой (1632-1675) – к моменту публикации романа большинству читателей знакомой лишь по историческим сообщениям

Н. С. Тихонравова⁷⁸⁶ (1865) и И. Е. Забелина⁷⁸⁷ (1869). В романе же «Великий раскол» Морозова представлена уже как персонаж художественного произведения.

Следует отметить, что проблематика образа боярыни Морозовой в русской культуре XIX-XX веков изначально оказалась связанной с противопоставлением «света» и «тьмы», подвига и подлости, веры и лицемерия, поскольку во многом она была связана с историческим религиозным конфликтом. С точки зрения автора «Жития боярыни Морозовой», старообрядца, Феодосия Морозова – «блаженная и великая»,⁷⁸⁸ проявившая непреклонное мужество в своем духовном поединке с царем в борьбе за старую веру.⁷⁸⁹ Для синодальной церкви боярыня представлялась «расколоучительницей», распространявшей «лжеучение Аввакума в высшем московском обществе».⁷⁹⁰ Соответственно, двойственностью характеризуется и формирование в русской культуре «мифа» Морозовой, чей образ в национальном сознании, по словам академика А. М. Панченко, превратился «в символ того народного движения, которое известно под не совсем точным названием раскола».⁷⁹¹ В современном старообрядчестве Морозова до сих пор почитается как подвижница и мученица за веру, отдавшая свою жизнь «ради высших идеалов и высших ценностей».⁷⁹²

Этой двойственностью отличались и созданные на основе «Жития» первые статьи об истории жизни Морозовой. Представление Н. С. Тихонравовым героев

---

⁷⁸⁶Тихонравов Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола // Русский вестник. 1865. Т. 59. С. 5–36.

⁷⁸⁷Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 105–148.

⁷⁸⁸Понырко Н. В. Житие боярыни Морозовой как литературный памятник и историческое свидетельство // Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова. СПб., 2010. С. 173. Ср. заглавие Жития: «Сказание отчасти о доблести и мужестве и изящном свидетельстве и терпеливострадании новоявленной преподобновеликомученицы боярыни Феодосии Прокопиевны, нареченныя во инокинях Феодоры, по тезоимениству славы Морозовы...». (Там же, с. 140).

⁷⁸⁹Понырко Н. В. Житие боярыни Морозовой как литературный памятник. С. 21.

⁷⁹⁰Макарий. История русской церкви. Т. XII. СПб., 1883. С. 608.

⁷⁹¹Панченко А. М. Боярыня Морозова – символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979. С. 4.

⁷⁹²Кожурин К. Я. Боярыня Морозова. М., 2012. С. 8.

эпохи было сделано вполне в миссионерском духе. Аввакума он назвал «попом-демократом»,⁷⁹³ дом Морозовой – «монастырской богадельней»,⁷⁹⁴ а о ней самой говорил исключительно как о «сильной душе», попавшей под влияние «служителей староверства»⁷⁹⁵ и утратившей стремление к «светлым сторонам жизни».⁷⁹⁶ «Строгий, бесстрастный аскетизм задавил <...> все те радости и надежды, которыми украшается земное поприще человека», – так охарактеризовал Тихонравов состояние Морозовой в период ее протеста церковным новшествами.⁷⁹⁷

Царевна Софья Алексеевна в романе представлена в детском и девическом возрасте. Она равнодушна и соперничает Аввакуму и Морозовой, стремится овладеть науками, ее постигает первая любовь к Василию Голицыну. Тот легкий, нежный и даже трогательный образ, который нарисовал в своем романе Мордовцев, решительно невозможно представить в качестве изображенной на картине И. Е. Репина обрюзгшей женщины, в глазах которой читаются и безумие, и разочарование, и жажда мести. Со страхом из глубины комнаты глядит на репинскую Софью девочка в черном – юная монашка или послушница. Скорее, это она, нежели центральная фигура картины, похожа на ту милую девочку, которую изобразил Мордовцев.

В течение года накануне создания романа «Великий раскол» свет увидели два исторических произведения, в которых царевна Софья Алексеевна являлась одной из главных героинь: «Царь-девица» Вс. С. Соловьева (1878) и «На высоте и на доле» Е. П. Карновича (1879). Если у Соловьева образ Софьи окружен мифологической идеализацией, и даже ее природная полнота соотносится скорее со сказочной тяжеловесностью, отражающей не неуклюжесть, по мнению С. М. Ляпиной, но мощь и силу⁷⁹⁸, то у Карновича Софья, скорее, более похожа на

---

⁷⁹³ Тихонравов Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола. С. 8.

⁷⁹⁴ Там же, с. 11.

⁷⁹⁵ Там же, с. 13-14.

⁷⁹⁶ Там же, с. 20.

⁷⁹⁷ Там же

⁷⁹⁸ Ляпина С. М. Специфика фольклорно-мифологических мотивов в романе Вс. С. Соловьева «Царь-Девица» // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4.

героиню Репина. Запечатлен в романе и тот изображенный на картине момент, когда царевна в заточении испытывает страшный гнев, ярость и одновременно – ужас при виде повешенных у окон ее кельи стрельцов⁷⁹⁹.

Присутствовали в романе Карновича и боярыня Морозова, и протопоп Аввакум, правда, достаточно фрагментарно. Описанная в произведении судьба Морозовой больше походит на пересказ известного очерка Тихонравова, а те самостоятельные вставки, сделанные автором, не позволяют говорить о какой-то особенной художественности в интерпретации образов этих исторических фигур. В этом смысле показателен диалог между Морозовой и Аввакумом, который, на наш взгляд, является показательным для всего романа: «Вот бы ее от никонианства отвратить да преклонить бы на нашу сторону! Царевна ведь! – перебила [Аввакума] Морозова. – Велика важность, что царевна! – с презрением отозвался протопоп. – Пожалуй, и ты Бог весть что о себе думаешь?»⁸⁰⁰

Сама же Софья с ранних лет, по Карновичу, таила в себе некие замыслы государственных масштабов. Ее симпатии к протопопу Аввакуму автор изобразил цинично-прагматичными: «Давно слышала о нем царевна София и наметила в числе людей, которые должны были служить орудием ее замыслов»⁸⁰¹. Аввакум, Морозова, а вслед за ними и Софья – заговорщики, стремившиеся к реализации собственных коварных планов. Царь Петр – решительный и мудрый правитель, ради всеобщего блага ведущий страну к переменам и сильной рукой подавляющий подлые мятежи и заговоры против его власти. Но и в сердце такого человека в изображении Карновича, жило милосердие и сострадание к ближнему. Особенно горевал Петр относительно собственной сестры, в которой до последнего не хотел признавать изменницу. «Долго он не решался увидеть и допросить виновную сестру. – Ну, как дрогнет мое сердце, когда я увижу ее?»⁸⁰²

Близко по духу другому историческому полотну – картине В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881) – описание в романе расправы над восставшими

⁷⁹⁹ Карнович Е. П. На высоте и на доле. С. 338-339.

⁸⁰⁰ Там же, с. 41.

⁸⁰¹ Там же, с. 39.

⁸⁰² Там же, с. 334.

стрельцами: «С суровым равнодушием разъезжал на коне царь между плахами, виселицами и кобылками, на которых лежали притянутые ремнями стрельцы⁸⁰³».

Роман Мордовцева совершенно далек и от заговорщицких мотивов в изображении представителей старообрядчества, и от нарочито упрощенного следования сложившемуся представлению об исторической роли царевны Софьи. «Все мы с детства читали в учебниках, что эта женщина наделена была блестящими дарованиями, – писал в 1871 году историк Аристов, – но их затмевало непомерное властолюбие»⁸⁰⁴. В своем обзоре источников о жизни и деятельности царевны исследователь пришел к выводу, что при изучении правления Софии нельзя доверять прежним «прежним многочисленным и враждебным царевне сочинениям»⁸⁰⁵.

К этому пути, обозначенному Аристовым, склонялся и сам Мордовцев, для которого исторический источник всегда был интересен прежде всего возможностью увидеть человеческую личность, ее страсть и биение горячего сердца. Свое основное внимание он уделил более раннему, нежели у Соловьева и Карновича, возрасту царевны. Если основное действие «Царь-девицы» начиналось с момента смерти царя Алексея Михайловича (1676), то и в романе Карновича до кончины его сына Федора Алексеевича (1682) сюжет развивался скорее фрагментарно и отрывочно – основное место автор уделил различным сценам, раскрывавших, по его мнению, дух и нравы того времени.

Мордовцев же представил Софью в более раннем возрасте, используя, вероятно, ставшие уже привычными для читателя элементы создания характера этой исторической героини. Всеми тремя литераторами было отмечено следующее: милый или даже красивый внешний вид царевны, сложность привыкания к особенной роли в «женском тереме», учение царевны под руководством Симеона Полоцкого, ее влюбленность в князя Василия Голицына. Но основное действие романа «Великий раскол», связанное с царевной Софьей,

---

⁸⁰³ Там же, с. 337.

⁸⁰⁴ Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава. 1871. С. I.

⁸⁰⁵ Там же, с. 56.

пришлось на период до 1675 года, то есть до боровской ссылки боярыни Морозовой. После этого она появляется лишь в заключительных сценах – оплакивающей смерть своего учителя Симеона Полоцкого, то есть после 1680-го г.

Важное сходство принципов сюжетостроения у Мордовцева и Карновича было отмечено Е. В. Никульшиной, указавшей на присутствие на первом плане произведений исторических персонажей, что позволяло авторам выстраивать действие не вокруг любовной интриги, но описывая столкновение исторической личности с внешними обстоятельствами⁸⁰⁶.

С образом царевны Софьи в романе «Великий раскол» связаны две важнейшие темы в раскрытии Раскола как всестороннего явления, проявившегося во всех сферах жизни людей того времени: тема семейная и тема образования. Обучение Софьи представлено как заучивание наизусть научных положений, облеченных в стихотворную форму. Мордовцев вкладывает в уста Софьи цитату из обращения к ученику «Арифметики» Магницкого, что исторически не точно: первое издание Арифметики было осуществлено в 1703 году, тогда как само действие относится к лету либо 1671, либо 1672 гг.

Так, диалог учителя с учеником полон малопонятных слов для Софьи. При этом автор показывает, что практически в каждой реплике Полоцкого для Софьи содержится что-то чужое: «А что есть «оптима»? – удивленно спросила царевна. – “Оптиме” есть великая похвала римская, сиречь «презрительнейшее» <...> – А что есть «верты», учителю? – снова спросила любознательная ученица»⁸⁰⁷.

В другой сцене, посвященной уроку географии, рассказ дочери отцу о своих познаниях полон историзмов и заимствований: «зона торрида – пояс горячий, <...> зона фригиды – пояс холодный»⁸⁰⁸. Внутренне царевна Софья словно раздваивается: ей хочется и перед батюшкой «не ударить в грязь лицом»⁸⁰⁹, и

---

⁸⁰⁶ Никульшина Е. В. К вопросу об исторической беллетристике 1820-1880-х гг. как метатекстовом явлении // Известия ВПГУ. 2010. № 10. С. 106.

⁸⁰⁷ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 294.

⁸⁰⁸ Там же, с. 331.

⁸⁰⁹ Там же, с. 326.

мысли о любимом «Васеньке» занимают ее девичий ум⁸¹⁰. Для нее обучение – это разновидность игры, она не вполне понимает значения этого действия. Сам процесс заучивания сложен и лишен какого-либо творчества: «Ангул-ангул – угол, аркус – дуга, аксис – ось, экватор – уравниватель... Экватор, экватор, экватор, какой трудный!»⁸¹¹. Ее душа рвется к своим любимым лебедям, плавающим в пруду под окном: «Увидали ее, свою любимицу царевну, и от радости начали крыльями махать... Царевна вся порозовела от этого лебединого привета... Надо их, лебедушек, покормить... да и учиться надо...»⁸¹².

Алексей Михайлович подходит к глобусу и пытается найти на нем Ферапонтово (где содержится в ссылке Никон) и Пустозерск (место заточения протопопа Аввакума)⁸¹³. Но нет на этом глобусе ни Пустозерска, ни Ферапонтова. Мордовцев ясно дает понять читателю: в попытке обрести целый мир Русь теряет саму себя, насаждение «европейства» неизбежно приведет к утрате собственной идентичности.

Сцена завершается появлением князей Воротынского, Одоевского и Волынского. Царь догадывается, зачем они пришли: «Этой ночью они пытали Морозову и Урусову»⁸¹⁴. Тем самым автор недвусмысленно указывает на сомнительность такого «просвещения»: какова цена этим «новым» идеалам, если они насаждаются пытками?

Жестокое преследование ревнителей древнего благочестия едва не вызывает «женский теремный бунт»: «Первая взбунтовалась пятнадцатилетняя царевна Софьюшка, бросила учиться, закинула куда-то и "арифметику", и "премудрости цветы", и всякие "верты", и географию с ее "перинками" и "антиками" и задумала идти в монастырь, постригаться... Одно только ее смущало: как же с лебедями быть, которые без нее соскучатся?»⁸¹⁵. Этот протест – культурный, юная Софья словно раздваивается между новым «европейским»

---

⁸¹⁰ Там же, с. 301.

⁸¹¹ Там же, с. 326.

⁸¹² Там же, с. 327.

⁸¹³ Там же, с. 330.

⁸¹⁴ Там же, с. 332.

⁸¹⁵ Там же, с. 343.

рационалистическим мировоззрением и жизненным укладом старым «русским», духовным, который также является для нее органичным.

Этот идейный разлад Мордовцев сопоставляет с процессами всей мировой истории, тем самым не развивая изоляционизм «особого пути» России, но показывая, что насильственное насаждение «новых порядков» вызывает в традиционном обществе ответную негативную реакцию: «Историческая жизнь человечества представляет, если можно так выразиться, последовательный ряд нравственных эпидемий, сменяющих одна другую и часто осложняемых другими, более или менее сильными, более или менее повальными продолжительными эпидемиями духа общества. <...> Так было и в эпоху, к которой относится наше повествование. Страданием думали устрашить других и, напротив, заражали незараженных, увлекали искать страданий. За Аввакумом шла Морозова, за Морозовою Урусова, Акинфеюшка, Иванушка, Анна Амосовна»⁸¹⁶.

Женские мотивы романа тесно связаны с «домашней» темой Раскола. Значительная часть исторических лиц, изображенных в числе фигур первого плана – состоят друг с другом или в близком родстве, или объединены тесными социальными связями. Нет ничего удивительного в том, что они постоянно думают друг о друге, переживают, их переполняют воспоминания, связанные с самыми трогательными моментами жизни. Лирическое мастерство Мордовцева в изображении таких сцен позволило изобразить трагедию Раскола очень близкой и понятной всем, кто когда-либо испытывал переживания о судьбе своих близких. «Горький вид мой, сие уничижение до зела елеем спасения падут и на их душу, – так проникновенно воссоздавал внутренний диалог боярыни Морозовой накануне поругания. – Увидят меня в сем уничижении и царь, и молодая царица, и Софьюшка-царевна... Бедная Софьюшка! Воистину ей будет жаль меня, и помолится она о душе своей тети Федосьюшки... Только уж пастилки ей коломенской двухсоюзной не даст тетя Федосьюшка... И Васенька Голицын увидит меня, и Урусов Петр»⁸¹⁷. Видно, что Морозова поминает всех близких и

---

⁸¹⁶ Там же

⁸¹⁷ Там же, с. 269.

дорогих ей людей по-родственному тепло и по-женски трогательно. Ее муки – это муки не только страдания подвижницы за веру, но и переживания за близких ей людей, которые не видят и не понимают единственно возможного для него выбора о спасении собственной души.

Впервые боярыня Морозова появляется в третьей главе первой части романа – «Аввакум в царицыных палатах». Она встречается со знаменитым протопопом вместе с другими женщинами из круга царицы Марии Ильиничны.⁸¹⁸ Мордовцев строит главу таким образом, что в центре повествования оказывается рассказ Аввакума о пребывании в Сибири, почти дословно повторяющий соответствующие места из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». Женщины занимаются домашней работой – вышивкой бисером и жемчугами – и внимательно слушают рассказ священника: «Маленькая царевна Софьюшка также вся превратилась в слух».⁸¹⁹ При этом Мордовцев словно уравнивает их друг перед другом, определяя своеобразную точку отсчета для тех перемен, с которыми придется столкнуться его героиням – как в индивидуальном плане, так и общеисторическом. Вариативность этих изменений, воплощавших в себе пути развития России, Мордовцев связывает с боярыней Морозовой и царевной Софьей. Морозова сразу признает в Аввакуме будущего духовного учителя, принимая его как «мученика Христова».⁸²⁰ Софья же хоть и сопереживала тяжелым подробностям сибирского путешествия протопопа и его семьи, а в один момент даже от страха расплакалась: «Курочку жалко!»,⁸²¹ но ей был предназначен иной учитель – Симеон Ситнянович Полоцкий.

Разговор с Аввакумом становится для Морозовой толчком для духовного и идейного развития. «Богатые духовные силы ее требовали духовной работы; горячее молодое сердце <...> искало борьбы, самопожертвований, идеалов»,⁸²² – такое представление автором готовности Морозовой включиться в борьбу за

---

⁸¹⁸ Там же, с. 21.

⁸¹⁹ Там же, с. 26.

⁸²⁰ Там же, с. 28.

⁸²¹ Там же, с. 30.

⁸²² Там же, с. 40.

«старую веру» напрямую указывает на идейное родство созданного им образа с женщинами активного народничества 60-70-х годов XIX века. «Слащавый романтизм и сентиментальность исчезли. Она осознала, что настоящая личностная автономия требует психологической независимости», – так охарактеризовал исследователь русской эмансипации XIX-XX веков Ричард Стайтс перемены в женщине-«нигилистке» в сравнении с предыдущими поколениями⁸²³. Мордовцев описывает, как после смерти мужа, Глеба Ивановича Морозова (1593?-1662), Феодосия Прокопьевна, еще совсем молодая женщина, чтобы «залить пустоту, в которой чахло ее теплое, отзывчивое сердце», окружила себя роскошью, кинувшись в «наслаждение своим богатством».⁸²⁴ Не этого искала ее душа, но духовного и человеческого идеала: «И вдруг судьба столкнула ее с Аввакумом. <...> Ей казалось, что она очутилась лицом к лицу с апостолом, мучеником, с тем первообразом и идеалом истинного человека, которого она в своей пылкой фантазии видела в фиваидских пещерниках, в столпниках, в обличителях нечестивых римских царей».⁸²⁵

Насколько близким по духу стал для Морозовой Аввакум, настолько же и чужд ей Никон, в котором она после личного общения увидела только лишь «сухого эгоиста и самолюбивого, властолюбивого и мстительного черствца»⁸²⁶. Таким образом, с помощью своей героини Мордовцев изначально разделил главных действующих лиц романа, указывая на противоречия между ними не только сугубо религиозные, но и морально-этические.

Рассказывая о Морозовой, писатель стремился если не ликвидировать, то максимально сократить дистанцию между описываемой исторической эпохой и современным ему читателем. «Морозова проснулась поздно, но пробуждение это было какое-то радостное, светлое, точно в эту самую ночь она нашла, наконец, то,

---

⁸²³ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930. М., 2004. С. 155.

⁸²⁴ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 40.

⁸²⁵ Там же, с. 42.

⁸²⁶ Там же, с. 41.

что так долго и напрасно искала».⁸²⁷ Высокий религиозный пафос, присущий первым старообрядцам, Мордовцев облачил в простые, домашние формы, рисуя духовное восхождение своих героев как становление характеров. С трудом преодолевая стереотипы своего времени, Мордовцев часто в своих оценках и характеристиках повторяет распространенные суждения о «темноте» допетровских времен, а также недостатке просвещения в настоящем: «Мрачная эпоха и породила мрак, который и доселе не может быть побежден светом – слишком мало этого света».⁸²⁸ Для выражения собственной авторской симпатии Мордовцев использовал излюбленный прием – «голос народа», когда с помощью случайных зрителей той или иной сцены автору удавалось создать полноту восприятия происходящего, предложить читателю вид изнутри событий. Когда Морозову везут по Москве, вокруг самой процессии писатель в присущем ему стиле изобразил толпу в качестве своеобразного фона: «Многие испуганно крестились, женщины плакали. Стрельцы, сопровождавшие поезд, шли с потупленными головами: им стыдно было глядеть по сторонам, такое унижительное распоряжение выполняли они!».⁸²⁹ Эта толпа в проявлении своих эмоций крайне неоднородна. Москвичи ждали проезда Морозовой «толкаясь, шумя, ликуя и ругаясь».⁸³⁰ Среди зрителей – «подвыпившие церковники», которые «изумились» перекрестившей их боярыне, «богословы обжорного ряда» и сам «бледный и гневный» царь Алексей Михайлович с дочерью – царевной Софьей, которая при виде Морозовой «с плачем бросилась к отцу».^{831,832}

---

⁸²⁷ Там же, с. 49.

⁸²⁸ Там же, с. 48.

⁸²⁹ Там же, с. 267.

⁸³⁰ Там же, с. 271.

⁸³¹ Там же, с. 272.

⁸³² Вероятно, эмоциональная пестрота, противоречивость в отношении горожан к Морозовой, и стали тем источником вдохновения для В. И. Сурикова, построившего композицию своей знаменитой картины на противопоставлении Морозовой и окружающей ее толпы. «Розвальни врезаются в густую человеческую массу, – писал о картине другой художник, Максимилиан Волошин, – и оставляют за собой, как быстро идущая ладья, две вспененные борозды, превращая равнодушное любопытство и глумливый смех, встречающие шествие, в волны потрясенного чувства». Самого же Сурикова Волошин считал «единственным мастером», достойно разрешившим задачу изображения в живописи психологии «русской толпы». (Волошин М. А. Суриков. Л., 1985. С. 87.).

Описывая распространение сопротивления церковным «новинам», автор прямо указывает на масштаб влияния своей героини на русское общество: «прядь волос из прекрасной косы Морозовой стала для “верующих” святынею, и золотистые волосы ее раздавались достойным на “вечное поминовение”, носились на груди с крестами, зашивались в ладанки, словно святые реликвии».⁸³³ «Прекрасная коса» боярыни резко контрастирует с тем образом, к которому, вероятно, привык современный читатель, зрительно связывая Морозову исключительно с картиной Сурикова. Но для Мордовцева она – символ обаяния и красоты русской женщины, которую эта истовость совершенно не портит, а наоборот, делает еще прекраснее.

С помощью мастерски используемых художественных деталей Мордовцеву удалось построить в произведении несколько символических рядов, сопутствующих целому ряду женских персонажей. Кроме уже упомянутой нами «черной фаты» как страшного символа пытки «невесты Христовой», стоит отметить образ лебедя. Мордовцев использует его не как декоративный, но как связующий элемент произведения, соединивший основных героинь произведения – Феодосию Морозову, Евдокию Урусову, Алену Долгорукую-Брюховецкую и царевну Софью, в единое эстетическое целое. Царевна любит бывать на царском пруду, где ее поджидают эти прекрасные птицы. При этом Мордовцев переносит «взгляд» читателя от человека на птиц, указывая, что не только царевна обожает лебедей, но и они отдают ей свою симпатию: «Увидев свою любимицу, лебеди подняли необыкновенный гвалт, махали крыльями, спеша к берегу. Выйдя из воды, они тотчас же напали на царевну и, вытягивая свои длинные шеи, бесцеремонно запускали свои головы ей в карманы и за пазуху».⁸³⁴ Перед арестом Морозова у себя в палатах вспоминает прошедшую жизнь, и в ее воображении также появляется образ лебедя: «Морозова лежала с открытыми глазами, перебирая четки, и, по непонятному ей сцеплению мыслей, вдруг вся перенеслась в прошедшее, в свое девичество, когда в своей вотчине, стоя у тенистого пруда,

---

⁸³³ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 355-356.

⁸³⁴ Там же, с. 327.

она кормила лебедей, а из-за лесу неслись звуки охотничьей трубы».⁸³⁵ «Небо... все небо кругом... зелень... лебеди кричат... меня ждут...», – присутствует лебедь и в видениях Морозовой перед самой смертью.⁸³⁶ Таким образом, Мордовцеву удастся показать историческое и культурное родство своих героинь – боярыни и царевны, но вместе с этим различие их судеб напрямую связать с Расколом, который потому и «великий», что затронул все стороны жизни Руси, поразив ее символическое сердце – царскую семью и близкий к ней круг. Только заступничество князя Долгорукого, на свадьбе дочери которого Морозова была посаженной матерью, по сюжету романа предотвратило сожжение мятежной боярыни: «Морозова и его бедная погибшая дочь живыми стояли перед ним... одна горела, другая так таяла».⁸³⁷ Мордовцев неоднократно указывает на «печаль» царя Алексея Михайловича в отношении упорства Морозовой, но делает это так, что читатель вполне способен упрекнуть царя в лицемерии и неискренности: «Царь ласково посмотрел на Долгорукого: ему самому тяжелы были эти пытки да казни».⁸³⁸ Сомнительно само сопоставление тяжести отправлять на пытку и тяжести эту пытку выносить.

Сложен и неоднозначен путь Морозовой, изображенный автором в романе «Великий раскол». Мордовцев прямо указывает на определенные страсти, связанные с жадой мученичества, на восторг, с которым Морозова принимала сначала свое поругание и унижение в глазах москвичей. «Этот-то самый позор, это глумление над ее породой, над богатством, знатностью и женской стыдливостью, это безжалостное стегание по сердцу и всему, что могло быть дорого обыкновенной человеческой душе, это-то и наполняло восторгом и умилением страстную душу Морозовой».⁸³⁹ Но пройдя через пытки и унижения, героиня «Великого раскола» расстаётся с этим страстным желанием показного страдания. С ней остаются только лишь вера и убежденность в своей правоте,

---

⁸³⁵ Там же, с. 251.

⁸³⁶ Там же, с. 385.

⁸³⁷ Там же, с. 333.

⁸³⁸ Там же

⁸³⁹ Там же, с. 269.

только самые искренние чувства, которые невозможно сфальсифицировать никакими искусными жестами. «У них отобраны были и четки, и лестовки, а как без них уставы исполнять, делать положенное число метаний, поклонов и славословий! И несчастные должны были пооборвать подола сорочек, чтобы на этих тряпицах завязать по десяти – двадцати узелков и по ним считать поклоны».⁸⁴⁰ Подобно Аввакуму, кормившему в своей темнице мышонка,⁸⁴¹ сестры также стремятся разделить хоть с какой живой душой свое одиночество. «Хоть бы крысы бегали, как в той тюрьме, – сожалела Урусова, – а тут и крыс нет!».⁸⁴² Это и есть та полнота Божьего мира, о которой говорил в самом начале романа Аввакум: на вопрос царевны Софьи, что мол, неужели и шапка, и шуба были по промыслу Божию получены, протопоп ласково ответил: «У Бога все возможно».⁸⁴³ Жизнь во всех ее проявлениях – вот та радость и источник сил, который близок «старообрядцам» и, напротив, далек их противникам. Не они изображены Мордовцевым приверженцами «мертвой книжности», но учитель царевны Софьи Симеон Полоцкий: «Бледное, бесцветное лицо изобличало, что его больше освещала лампада, чем солнце, и что глаза его больше глядели на пергамент, да на бумагу, чем на зелень и на весь божий мир».⁸⁴⁴

Из «типичного характера своего времени»,⁸⁴⁵ из женщины, движимой религиозным исступлением, Мордовцев глава за главой вылепливает женщину современную, близкую и понятную читателю, тем самым показывая, как Раскол формировал не только «никонианство», но и то «старообрядчество», которое к 70-м годам XIX века уже признавалось выдающимся движением русского народа. Как писал Н. И. Костомаров (1817-1885), в истории России «раскол был едва ли

---

⁸⁴⁰ Там же, с. 367.

⁸⁴¹ Там же, с. 386.

⁸⁴² Там же, с. 367.

⁸⁴³ Там же, с. 24.

⁸⁴⁴ Там же, с. 54-55.

⁸⁴⁵ «Разновидные типические черты, в каких обозначилась женская личность допетровской Руси, сплетаются в один идеальный образ <...> к таким именно личностям принадлежит, например, известная постница боярыня Морозова». Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 2. С. 104-105.

не единственным явлением, когда русский народ, – не в отдельных личностях, а в целых массах, – без руководства и побуждения со стороны власти или лиц, стоящих на степени высшей по образованию, показал своеобразную деятельность в области мысли и убеждения».⁸⁴⁶

В самом развитии образа своей героини Мордовцев стремился отразить глубокую внутреннюю работу боярыни, воспитание в самой себе крепкой веры, мужества и стойкости. Описание последних дней подвижницы полно основанных на знакомых по историческим источникам подробностях. Последними словами Морозовой автор делает набор видений, возносящий ее образ к воплощению женского начала всей древнерусской культуры, впитавшей в себя и духовную мощь христианства, и поэтику славянской мифологии: «Небо... все небо кругом... зелень... лебеди кричат... меня ждут... Да, сестрица, не забудь... как отходить стану... сложи персты мои... так сложи... истово... Иволга свистит... а вон кукушка закуковала... куку-куку... сколько мне лет жить... много, много лет... наживусь... счету нет ее кукованию... счету не будет годам моим... все кукует, все кукует... В ночь с 1 на 2 ноября 1675 года и сама она откуковала».⁸⁴⁷

Как литературный характер героиня Мордовцева обладает чертами, роднящими ее с целым рядом выдающихся женских типов, отраженных в русской классической литературе XIX века. Она близка народной среде, непосредственна и впечатлительна, как пушкинская Татьяна Ларина, «без подделок и примесей»;⁸⁴⁸ подобно героиням поэм Некрасова о женщинах-декабристках Морозова самоотверженно отвергла все преимущества высокого сословного положения⁸⁴⁹; как тургеневская Елена Стахова готова следовать по пути своей мечты, вдохновленная воплощенным в мужчине идеалом.⁸⁵⁰ Вместе с этим, она обладает

---

⁸⁴⁶ Костомаров Н. И. История раскола у раскольников. // Вестник Европы. 1871. № 4. С. 469.

⁸⁴⁷ Там же, с. 385.

⁸⁴⁸ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. // Белинский В. Г. ПСС. Т. 7. М., 1955. С. 482.

⁸⁴⁹ Евгеньев-Максимов В. Е. К вопросу об источниках поэзии Некрасова. Как создавались «Русские женщины» // Некрасов в русской критике. ОГИЗ. 1944. С. 115.

⁸⁵⁰ Григорьев А. А. Искусство и нравственность // Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 417.

рядом уникальных черт. Это в первую очередь ее личностная целостность, сочетающая в себе и образованность, и высокие человеческие качества. Она не «раздвоена», не совершает сомнительных поступков, не живет иллюзиями. И вместе с этим она не идеализирована автором в сухую схему «ходульного» характера. Принадлежность к знати не противопоставляет ее народу, но в ней самой Мордовцеву удастся воплотить лучшие народные черты – подвижничество, стойкость, милосердие. В этом образ Морозовой схож с героинями «декабристских» поэм Н. А. Некрасова – княгинями Трубецкой и Волконской. Как и Морозовой, им присущ напряженный духовный поиск, а личные судьбы тесно связаны с судьбами всего народа.⁸⁵¹ Проходя через страдания и унижения, героиням Мордовцева и Некрасова удастся сохранить «святость своей чудной души».⁸⁵²

Религиозный пафос образа Морозовой сближает ее с главными героинями романа Гончарова «Обрыв» – бабушкой, Татьяной Марковной Бережковой, и Верой. Важно и то, что сам православный идеал в романе Гончарова преподнесен в поэтике старообрядческой традиции.⁸⁵³

Пробуждающимся изображен в романе «Великий раскол» весь женский мир. «Русская баба, самое безответное, самое покорное в мире животное, немая раба мужа и попа, и та в первый раз заговорила при Алексее Михайловиче, пошла на казнь и увлекла за собою пол-русской земли».⁸⁵⁴ Мордовцев показал мир женщины не как затхлое пространство покорности, а как источник высоких стремлений и надежд на преобразования, основанных на нравственной и религиозной чистоте. «Бабы взбесились, все таки до единой перебесились и бабы, и девки. Забрали себе в голову – шутка сказать! – идти за Христом, да так и прут и на все фыркают: боярыни фыркают на боярство, княгини и княжны на княжество,

⁸⁵¹ Груздев А. И. Декабристский цикл поэм Н. А. Некрасова. Курс лекций. Л., 1976. С. 60.

⁸⁵² Окулов Н. Н. Русская женщина в поэзии Н. А. Некрасова. Публичная лекция. Харьков, 1903. С. 14.

⁸⁵³ Алексеев П. П. Цивилизационный феномен романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посв. 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск. 2003. С. 144.

⁸⁵⁴ Мордовцев Д. Л. Великий раскол. С. 183.

стрельчихи на стрелецкую честь. На-поди! Говорят, что Христос-де и царского роду был, а жил смердом, мужиком, ходил, мало без сапог, без лаптей и спал под заборами».⁸⁵⁵

После завершения работы над романом «Великий раскол» литератору еще раз удалось встретиться со своими героями – царем Алексеем Михайловичем, патриархом Никоном, царевной Софьей, Степаном Разиным – на этот раз в новелле «Тишайший у меня в гостях». С трудом подбирая жанровое определение своему творению, Мордовцев остановился на «историческом нечто». Предназначавшееся для январского номера журнала «Исторический вестник»⁸⁵⁶, произведение так и не увидело свет, оставшись в считанном количестве оттисков, напечатанных для издания, но так и не пропущенных цензурой.

Главный мотив «Тишайшего» – мечта о возможности преодоления русского Раскола. Причины остановки публикации «исторического нечто» предугадать не сложно. Мордовцев построил сюжет вокруг личности царя Алексея Михайловича, сначала подошедшего под благословение и к патриарху Никону, и к протопопу «раскольнику» Аввакуму, а затем простившего и раскаявшегося разбойника Степана Разина. Само по себе присутствие в произведении подобных обстоятельств было политически двусмысленным, указывавшим на ответственность власти перед необходимостью преодоления Раскола.

Другим важным моментом всей новеллы является появление протопопа Аввакума непосредственно сразу после звучания «Лунной сонаты» Бетховена⁸⁵⁷. Этот, вероятно, не вполне заметный для читателя жест был крайне важен и естественен для самого литератора. Русская история и русское старообрядчество никогда не виделись ему произвольно замкнутыми и оторванными от европейской и мировой истории. Наоборот, именно всю сложность движения человечества от Средневековья к Современности Мордовцеву и удавалось

---

⁸⁵⁵ Там же, с. 309.

⁸⁵⁶ Мордовцев Д. Л. «Тишайший» у меня в гостях (историческое нечто). Статья [1888]. Оттиск с авторскими поправками, карандашом. Статья предназначалась для «Исторического вестника», 1889, янв. Т. XXXV. Запрещена цензурой. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Оп. 2. № 298. 7 л.

⁸⁵⁷ Мордовцев Д. Л. «Тишайший» у меня в гостях. С. 108.

показать на примере старообрядчества и его выдающихся деятелей – как знаменитых Морозовой, Аввакума, так и забытых широкой публикой Левина и Кравкова.

В новелле о чудесной встрече главных действующих лиц романа «Великий раскол» появилось несколько новых художественных элементов, для исторических романов Мордовцева периода конца 1870-х годов не свойственных. Это – мотив магического переноса героев из прошлого в современную автору реальность, совершенно новый мотив «звучащей тишины», а также обратная историческая перспектива, связанная с оценкой героями старого времени деятельности своих потомков – современников Мордовцева. В этом можно усмотреть не только еще одну «беззаконность» литератора, но и новую попытку выйти за пределы хорошо знакомых и известных жанров исторического романа, повести, рассказа. И вместе с этим обратиться к старой теме с помощью совершенно новых для себя художественных средств.

Очень важную, хотя и малоизвестную роль для всей русской культуры роман «Великий раскол» сыграл в качестве литературной основы картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова»: героиня полотна предстала перед зрителем уже не той одиозной фигурой, как было принято изображать староверов до романа Мордовцева. Но эта роль весьма существенна, о чем можно судить по упоминанию в каталоге Третьяковской галереи за 1898 год: «Картина написана на основании исторического романа Д. Л. Мордовцева “Великий раскол”». ⁸⁵⁸ На свидетельство самого художника о влиянии романа на свою картину со ссылкой на В. Н. Строева указывал и В. С. Кеменов, автор книги об исторической живописи Сурикова. ⁸⁵⁹

На историческом полотне один из первых его зрителей, писатель В. М. Гаршин, увидел знакомое по всей исторической романистике XIX века противопоставление «тьмы» и «света» как борьбы «кромешной древности» с

---

⁸⁵⁸ Цитирую по: Кеменов В. С. Историческая живопись Сурикова. 1870-1880-е годы. М., 1963. С. 491.

⁸⁵⁹ Там же

«лучами просвещения». Для критика созданный художником образ боярыни стал прямым символом мракобесного прошлого России: «два перста, “Исус”, были святыней души ее вместе со старым складом жизни по идеалам домостроя, душным, темным, в который в ту эпоху едва лишь начал проникать свет настоящей человеческой жизни».⁸⁶⁰ Феодосия Морозова в представлении известного писателя «столько же ненавидела вражий мир, сколько любила свои призраки»,⁸⁶¹ а ее тюремное заключение Гаршин оправдал тем, что тем самым якобы были предотвращены гонения на невинных: «дайте этой Морозовой, дайте вдохновляющему ее, отсутствующему здесь, Аввакуму власть – повсюду зажглись бы костры, воздвиглись виселицы и плахи, рекой полилась бы кровь».⁸⁶²

Развернувшаяся вокруг картины ожесточенная полемика, выявившая различие в понимании задач в области исторического творчества, не только затрагивала вопросы развития живописи, но и обозначала узлы общественных противоречий⁸⁶³. Как важнейшее достижение всей русской исторической живописи воспринял картину В. В. Стасов, особо отметив поразительную «силу историчности» произведения Сурикова.⁸⁶⁴

Но главное из того, что, на наш взгляд, бескомпромиссно декларировал Гаршин, это полная уверенность в невозможности преодоления Раскола, представление «другой» стороны как стороны абсолютно изуверской, которой в принципе не место в русской истории. Гаршин не оставил места для надежды на примирение, надежды на иной исход этого исторического конфликта, кроме как распространение доводящей до братоубийственной войны эскалации ненависти.

Историческая романистика Мордовцева – роман «Великий раскол» в первую очередь, – и есть тот противоположный Гаршину взгляд на возможность примирения, на необходимость поиска общих оснований для преодоления социальной и конфессиональной разобщенности. «Народ» для Мордовцева был

---

⁸⁶⁰ Гаршин В. М. Заметки о художественных выставках // В. М. Гаршин. Сочинения. Л., 1938. С. 370.

⁸⁶¹ Там же. С. 371.

⁸⁶² Там же. С. 375.

⁸⁶³ Кеменов В. С. Историческая живопись Сурикова. С. 333.

⁸⁶⁴ Там же. С. 335.

тем единственным участником исторического процесса, за кем всегда остается главное и решающее слово. Народ или принимает предлагаемые ему перемены, или всеми силами, вплоть до самоуничтожения, готов отстаивать собственную культурную и религиозную уникальность. Если народ, по Пушкину, «безмолвствует», то для Мордовцева он неутомимо ищет возможности быть услышанным: непрестанно глаголет, вякает, орет, шепчет, смеется, ропщет, изумляется, стонет. Молчащий народ для Мордовцева – недопустимая художественная неискренность.

Содержание романа «Великий раскол» не в разговоре о какой-то одной из представленных на его страницах «сторонах» русской истории. Он о двух, о едином, но расколотом «народе», исконно русские типы которого до сих пор не в состоянии сойтись, смириться друг с другом. Это роман не только о великой роли царственных особ в устройстве государственной жизни, но и о великой способности самых малых из этих подданных стать вровень с вершителями судеб, стать великими в своем жертвенном – во имя всего народа – подвиге.

Заключение 3 главы

Следуя развитию исторической литературы своего времени и во многом способствуя расширению ее тематического разнообразия, Мордовцеву удалось творчески осмыслить общехудожественную тенденцию 1860-1880-х гг., связанную с изображением «исторического человека» – персонажа, созданного на основании документально подтвержденных биографических сведений.

Следуя другой тенденции, связанной с художественным осмыслением образов представителей узких социальных групп, Мордовцев обратился к старообрядчеству первых лет Раскола русской церкви XVII века. Сложность создания литературных портретов ведущих персонажей романа «Великий раскол», в первую очередь, протопопа Аввакума и боярыни Морозовой, была обусловлена негативным общественным отношением к ним как отринутым официальной церковью «коноводам раскола». Одной из важных задач, стоявших

перед писателем, была задача преодоления сложившейся в русской литературе первой половины XIX века традиции изображения старообрядчества как маргинальной группы представителей тупикового пути исторического развития.

Мордовцев не только впервые поднял «старообрядческий» вопрос на высокий уровень современной ему художественной литературы, но ему удалось в целом ряде произведений создать особый литературный тип, самим писателем определенный как тип «идеалиста». Наиболее ярко этот тип проявлен в образах Василия Левина («Идеалисты и реалисты»), боярыни Морозовой и протопопа Аввакума («Великий раскол»), Евдокима Кравкова («Социалист прошлого века»).

При создании литературных характеров Мордовцевым была использована следующая фабульная схема: личная предыстория персонажа, индивидуальный выбор в пользу старообрядчества, жизненные испытания, мученическая смерть. Этому типу присущи такие характерные черты, как самоотверженность в отстаивании идей, готовность самопожертвования, бескомпромиссность. Проявляется характер «идеалиста» в столкновении свободной личности с преследующей духовное инакомыслие государственной машиной. До этого столкновения «идеалист», как правило, демонстрирует самые рядовые черты характера, ничем особенным из окружения не выделяясь. Кроме личной стойкости, представителям этого типа свойственны душевность, чуткость к близким, умение заботиться о слабых, отсутствие эгоизма. Все они являются представителями русской культуры, каждый из них по-своему близок народу, в каждом из них писатель воплотил определенные общенациональные черты.

Так, образ боярыни Морозовой наполнен глубоким лиризмом, изображение этой исторической женщины для Мордовцева тесно связано с выражением духовной мощи русского православия и эстетического своеобразия славянской культуры. Искусная и стилистически выдержанная прорисовка Мордовцевым образа боярыни Морозовой позволяет говорить о ней как об особом типе героини русской литературы, отличном от женских характеров в творчестве М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Вместе с этим, эта

героиня обладает рядом специфических черт, сближающих ее с героинями А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова.

Принципиальным отличием этого типа героев Мордовцева от других типажей в русской литературе XIX века являются духовная цельность, отсутствие внутренней «расколотости», преодоление сословной ограниченности, осознание собственного выбора. Этим героям не свойственна мучительная и самоуничтожающая рефлексия героев Достоевского, они полны жизни, смысл которой для них открывается не в результате исканий мятежной души, но на пути следования за собственным предназначением, суть которого раскрывается в религиозной чистоте и верности нравственному долгу.

На долю этих героев выпадают тяжелейшие испытания: оставшись один на один с властью, они не падают духом, не унывают, не пытаются приспособиться. Наоборот, в условиях тюремного заключения и даже пыток они служат примером стойкости, что не остается незамеченным окружающими. Эти герои – носители той «закваски» характера, которая особенно привлекала Мордовцева своей неиспорченностью и нравственной чистотой.

Вместе с этим, этих людей от представителей революционно настроенной молодежи 1860-1880-х годов отличало отсутствие стремления к радикальному переустройству социального мира. Они не несут на себе заряд негативной трансформации, им не присущ свойственный «передовой» молодежи тех лет «нигилизм», они не заставляют других подстраиваться под себя и следовать в русле собственных идейных доктрин. Тем не менее, за счет своих выдающихся человеческих качеств они близки «народнической» молодежи, которой импонировали нравственный ригоризм, самоотречение и даже жертвенность.

Неординарность личностей главных героев, трагизм и историческое значение описываемых событий, тематическая новизна и идейное новаторство во многом предопределили выбор Мордовцевым формы своего произведения, оказали влияние на отбор художественных средств и литературных приемов. В результате исследования было установлено, что своеобразие художественности романа «Великий раскол» состоит в обилии драматических элементов, в

пронизывающей ткань повествования сложной образно-символической системе, в творческой переработке текстов древнерусской литературы. Что, в свою очередь, позволяет судить о стремлении Мордовцева к новаторству, к попыткам подобрать оптимальную с эстетической точки зрения форму для воплощения собственных взглядов на ход русской истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тематика и мотивы Раскола русской церкви стали центральным стержнем всего литературного творчества Даниила Лукича Мордовцева. Проведённое исследование художественно-исторического контекста романа «Великий раскол» позволило установить ряд особенностей интерпретации социальных идей писателя, выявить несколько принципов типизации героев в русском историческом романе XIX века, определить сущность воссозданной Мордовцевым исторической перспективы – связи событий Раскола с событиями конца 1870-х годов и последующими перипетиями отечественной истории. Само же произведение помогло раскрыть особенности творческих установок писателя, своеобразие его стиля, увидеть разнообразные аспекты изображения Мордовцевым художественных образов, определить типологическую уникальность целого ряда персонажей его исторических романов и повестей.

Исследованные в диссертации особенности типизации героев исторического романа XIX века позволили сделать вывод об их важном общелитературном значении, об их влиянии на русский литературный процесс. «Обычный человек» исторического романа 1830-1840-х гг. помог отечественной литературе сделать важный шаг в сторону актуализации тематики, связанной с образом «маленького человека». Отнюдь не случайно, что наиболее значимые персонажи исторических романов Загоскина, Булгарина, Пушкина, Лажечникова представляют не верхи общества, но его середину: это мелкопоместные дворяне, офицеры низших чинов, купцы средней руки.

«Исторический человек» в исторических романах 1860-1880-х гг. выражал в перипетиях личной судьбы судьбоносный конфликт своего времени. Нередко он выступал в роли собирательного образа политически «отверженных» социальных групп – «раскольников», «декабристов», «нигилистов», «каторжников». Этот художественный тип, характерный для прозы 1860-1880-х годов, во многом предопределил дальнейший поиск исторической подлинности в русской литературе.

Мы выяснили, что художественные детали, вводимые в текст на основании документальных подробностей, играют в романе Мордовцева роль символов, выстраивают продуманную и стройную систему сопоставления главных героев. Эти детали-символы (животные, книги, предметы личного обихода) ещё не живут своей собственной жизнью, ещё не создают особого «потустороннего плана», что свойственно, например, мифологическим образам и ситуациям романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»⁸⁶⁵. Но с помощью этих символов Мордовцеву уже удаётся сплести сложный образ Раскола, раскрыть его через призму трагедий Личности, Семьи, Государства, Народа.

Символизм художественной детали был характерен не только для произведений Мордовцева. Следы этого приёма можно встретить в исторических романах 1860-1880-х гг. у Г. П. Данилевского, Е. П. Карновича, Е. А. Салиаса, у других современников и коллег Мордовцева по историческому цеху. Недостаточная изученность художественных особенностей исторической романистики связана с досадной недооценкой роли этого жанра в русском литературном процессе XIX – начала XX веков. Дальнейшее её изучение обещает ряд существенных открытий в осмыслении развития русской литературы этого периода.

Вместе с этим исследование реализуемой в исторической романистике художественной специфики могло бы позволить выявить взаимосвязь с другими родами исторического искусства – драмой, оперой, живописью.

В характерном для Мордовцева тяготении к мультикультурности проявилась и другая важная тенденция, характерная для русской литературы 1880-х годов, которую Б. В. Кондаков определил как обогащение «историко-культурного ландшафта» художественного произведения⁸⁶⁶. Исследование произведений Мордовцева о Расколе, привело нас к открытию в его творчестве уникального литературного типа «страдающего идеалиста». Все персонажи, относящиеся к

---

⁸⁶⁵ Малкова Т. Ю. Полигенетичность демонических образов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Дис. ... канд. филолог. наук. Кострома, 2012. С. 156.

⁸⁶⁶ Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. С. 235.

этому типу, оказались «списанными» с реальных исторических лиц, а в их судьбах писателю удалось увидеть не просто нечто типичное и характерное, но и выделить полноценный набор национально значимых черт. Созданные Мордовцевым образы протопopa Аввакума и боярыни Морозовой – это образы общенационального, а не узко конфессионального значения. В их судьбах писателю удалось выразить глубину и скрытую историческую мощь таких качеств русского национального характера, как свободолюбие, стойкость, готовность к самопожертвованию ради торжества духовного идеала.

Для дальнейшего изучения отечественной исторической романистики представляют интерес и раскрытые в нашей работе способы использования в историческом романе Мордовцева текста исторического источника – «Жития протопopa Аввакума». Проникновение художественности текста-посредника, по терминологии М. О. Чудаковой⁸⁶⁷, в авторский текст, может быть исследовано на примере других исторических романов, например, «Пугачевцев» Е. А. Салиаса или «Мировича» Г. П. Данилевского.

Важным художественным достижением романа «Великий раскол» является соединение драматических и прозаических элементов поэтики, аналитическое разделение основных действующих лиц с помощью символических рядов, предоставляющих читателю возможность формирования собственного отношения к персонажам. Благодаря этим художественным приёмам Мордовцев избегает риторического навязывания авторского суждения читателю. Напротив, читатель сам ставится перед необходимостью разгадывать многочисленные аллюзии, оказывается в ситуации свободного выбора относительно симпатии к одной из сторон Раскола.

Нам удалось установить, что роман «Великий раскол» стал ярким и актуальным открытием исторических корней острейших проблем нового времени. Литературная эпоха 1880-х годов, как считал Б. В. Кондаков, указала русскому обществу на важность общественного примирения и необходимость отказа от

---

⁸⁶⁷ Чудакова М. О. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Встречи с книгой. М., 1979. С. 274.

дальнейшей радикализации социально-политической сферы, высветила требование преобладания нравственного начала во всем – от семейных отношений до «большой» политики⁸⁶⁸. Это была эпоха, когда обществу был предъявлен его собственный исторический счёт в романах Г. П. Данилевского, Е. П. Карновича, Д. Л. Мордовцева, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева. И нет никакой уверенности в том, что общество на тот момент, хотя бы в лице «просвещённых» критиков и «передовых людей», смогло доказать себе, что оно готово этот опыт воспринимать. Не следует считать «взрыв» популярности исторической романистики исключительно соображениями конъюнктуры, журнального спроса, прихоти издателей, торопящихся подстроиться вслед за усреднением вкусов аудитории. Это было время Цареубийства, и тот страшный опыт Россия ни тогда, ни после не смогла в полной мере осмыслить. «Великий раскол», описанный в одноимённом романе, до сих пор не преодолён.

---

⁸⁶⁸ Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. С. 440.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ПСИР – Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов

Д. Л. Мордовцева

ПСС – Полное собрание сочинений

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации;

НИОР РГБ – Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва);

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург);

РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства;

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института Русской литературы («Пушкинский дом»);

ІЛ – Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной Академии Наук (Украина);

ІР НБУВ – Институт рукописей Национальной Библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (Украина).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сочинения Д. Л. Мордовцева

1. Мордовцев, Д. Л. Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов. / Д. Л. Мордовцев; с портр. авт. и критико-биогр. очерком, сост. П. В. Быковым. – [СПб. : П. П. Сойкин, 1914]. – [кн. 1-50].
2. Мордовцев, Д. Л. Великий раскол: исторический роман; Накануне воли: архивные силуэты. / Д. Л. Мордовцев; [послеслов. В. С. Момота]. – Ростов-на-Дону : Ростовское книжное издательство, 1987. – 624 с.
3. Мордовцев, Д. Л. За чьи грехи? : [повесть из времен восстания С. Разина]; Великий раскол : [роман] / Д. Л. Мордовцев; [вступ. ст., и коммент. С. И. Панова, А. М. Ранчина]. – М. : Правда, 1990. – 621,[1] с.
4. Мордовцев, Д. Л. Сочинения : в 2 т. / Даниил Лукич Мордовцев ; [сост., вступ. ст. и коммент. Ю. В. Лебедева]. – М. : Худож. лит., 1992. – 2 т.
5. Мордовцев, Д. Л. [Д. Дионисиев]. Движения в расколе. // Отечественные записки. – 1874. – № 11. – С. 69-119.
6. Мордовцев, Д. Л. Борьба с расколом в Поволжье. / Д. Л. Мордовцев. – Спб., 1901. – 33 с.
7. Мордовцев, Д. Л. Где искать земству помощи в деле народного образования? // Отечественные записки. – 1876. – № 4. – С. 171-190.
8. Мордовцев, Д. Л. К слову об историческом романе и его критике. // Исторический вестник. – 1881. – № 11. – С. 642-651.
9. Мордовцев, Д. Л. Кто был усмиритель Пугачевщины? // Отечественные записки. – 1869. – № 10. – С. 349-434.
10. Мордовцев, Д. Л. Люди, их слова и дела // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. XXIV. – Саратов. 1908. – С. 4-7.
11. Мордовцев, Д. Л. Малорусский литературный сборник / Д. Л. Мордовцев. – Саратов, 1859. – 376 с.
12. Мордовцев, Д. Л. Наши потери во всемирной торговле. // Отечественные записки. – 1875. – № 5. – С. 1-41.

13. Мордовцев, Д. Л. Об историческом значении Некрасова как поэта. // Древняя и новая Россия. – 1878. – № 2. – С. 139 - 143.
14. Мордовцев, Д. Л. Печать в провинции. // Дело. – 1875. – № 9-10.
15. Мордовцев, Д. Л. Политические движения русского народа: в 2 т. / Д. Л. Мордовцев. – Спб. 1871. – [4], 416 с.; 475 с.
16. Мордовцев, Д. Л. Последние годы иргизских раскольничьих общин // Дело. – 1872. – №№ 1, 2, 4.
17. Мордовцев, Д. Л. Представляет ли прошедшее русского народа какие-либо политические движения // Отечественные записки. – 1871. – № 3. – с. 113-134.
18. Мордовцев, Д. Л. Пугачевщина // Вестник Европы. – 1866. – Т. 1. – С. 301-372.
19. Мордовцев, Д. Л. Русские государственные деятели второй половины прошлого века и Пугачев. // Отечественные записки. – 1868. – №№ 9–10.
20. Мордовцев, Д. Л. Русское крестьянство накануне воли. // Дело. – 1872. – № 7. – С. 162-202.

Источники

21. [Аввакум]. Автобиография протопопа Аввакума. // Летописи русской литературы и древности. 1859-1860. – Кн. 6. – М. 1861. – С. 117-173.
22. [Аввакум]. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / [Под ред. Н. С. Тихонравова]. – СПб., 1861. – 118 с.
23. [Арндт, Э. М., пер. с нем.]. Глас истины // Сын отечества. – 1812. – Ч. 1, I. – С. 3-16.
24. [Б/п]. Минин-воин // Русский вестник. – 1819. – № 10. – С. 39-42.
25. [Б/п]. Т. И. Волосков, природный часовщик-самоучка, при Екатерине II. // Воскресный Досуг. – 1864. – № 78.
26. [Карамзин, Н. М.]. История государства Российского. Т. 1. – Изд. 2-е. – СПб., 1818.
27. [Чаадаев, П. Я.] Философические письма к г-же***. Письмо первое. // Телескоп. – 1836. – Ч. XXXIV. – № 15. – С. 275-418.

28. Humboldt A. von. Kosmos — Entwurf einer physischen Welbeschreibung. — Stuttgart; Tübingen: G. Gottaschen. — Bd 1. — 1845; Bd 2. — 1847.
29. Аксаков, С. Т. М. И. Загоскин. Биографический очерк. / С. Т. Аксаков — СПб., [1913]. — 68 с.
30. Аполлос, архим. [Алексеевский]. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России / Соч. архим. Аполлоса. — Вновь испр. и доп., с прил. переписок патриарха Никона с царем Алексием Михайловичем и важнейших грамот. — М., 1859. — 102, [2], 94, [3].
31. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, составленный Дмитр. Бантыш-Каменским и изданный Александром Ширяевым : в 5 ч. / [Предисл.: И.]. — М., 1836. — 5 т.
32. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев [Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г.] — М. : Наука, 1990. — 224 с.
33. Булгарин, Ф. В. Димитрий Самозванец: Ист. роман / Ф. В. Булгарин. — 2-е изд., испр. Ч. 1-4. — СПб., 1830. — 4 т.
34. Веймар, Ф. И. Пантеон знаменитых современников / Ф. И. Веймар — [СПБ.], 1838. — [2], 124 с.
35. Вельтман, А. Ф. Романы / А. Ф. Вельтман; [сост., вступ. ст., В. И. Калугина; послесл., коммент. А. П. Богданова]. — М. : Современник, 1985. — 524 с.
36. Вельтман, А. Ф. Странник / А. Ф. Вельтман; [изд. подгот. Ю. М. Акутин]. — М. : Наука, 1977. — 343 с.
37. Верещагин, В. Древние русские путешественники // Лучи. — 1850. — № 11, с. 744-763; — № 12, с. 811-832.
38. Воспоминания о Тарасе Шевченко / Тарас Григорьевич Шевченко; [составл. и примеч. В. С. Бородина и Н. Н. Павлюка, предисл. В. Е. Шубравского]. — К. : Днипро, 1988. — 606 с.

39. Востоков, А. Х. К Россиянам // Сын Отечества. 1812. – Ч. 1, IV. – С. 165-168.
40. Герцен, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / Александр Иванович Герцен; [редкол.: В. П. Волгин (гл. ред.) и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1954 – 1965. – 30 т.
41. Гиляровский, В. А. Собрание сочинений : в 4 т. / Владимир Алексеевич Гиляровский. – М.: Правда, 1967. – 4 т.
42. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / Николай Васильевич Гоголь; [сост. и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева]. – Москва – Киев : Изд-во Московской патриархии, 2009–2010. – 17 т.
43. Данилевский, В. В. Кузьма Минин / В. В. Данилевский. – М. : Госполитиздат, 1943. – 23 с.
44. Данилевский, Г. П. Каменка // Русская мысль. 1881. № 1. С. 391-437.
45. Данилевский, Г. П. План романа из жизни Мировича и записки о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненко) // Русский архив. – 1863. – № 2. – Ст. 160-170.
46. Данилевский, Г. П. Сожженная Москва / Г. П. Данилевский; [пред. и прим. П. Г. Рынцзюнского]. – М. : Художественная литература, 1939. – 229 с.
47. Данилевский, Г. П. Сочинения : в 8 т. / Григорий Петрович Данилевский. – Изд. 6-е, доп., – СПб., 1890. – 8 т.
48. Данилевский, Г. П. Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования. / Г. П. Данилевский. – Харьков, 1866. – 403 с.
49. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Федор Михайлович Достоевский; [редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1972-1990. – 30 т.
50. Дурова, Н. А. Записки Александрова (Дуровой). / Н. А. Дурова. – М., 1839. – 362 с.
51. Есипов, Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии : в 2 т. / Г. В. Есипов. – СПб., 1861. – 2 т.

52. Жуковский, В. А. Певец в стане Русских воинов // Вестник Европы. – 1812. – № 23, 24.
53. Жуковский, В. А. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу : изд. «Русского архива» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публ. б-ке. / Василий Андреевич Жуковский; [ред. и прим. И. А. Бычкова].– М., 1895. – 322 с.
54. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. / И. Е. Забелин. – М., 1869. – 2 т.
55. Загоскин, М. Н. Брынский лес : ист. роман из первых годов царствования Петра Великого / М. Н. Загоскин. – М., 1902. – 317 с.
56. Загоскин, М. Н. Письмо // Маяк современного просвещения и образованности. – 1840. – № 7. – С. 101-105.
57. Загоскин, М. Н. Русские в начале восемнадцатого столетия : рассказ из времен единодержавия Петра Первого / М. Н. Загоскин. – М., 1902. – 304 с.
58. Загоскин, М. Н. Сочинения : в 2 т. / Михаил Никифорович Загоскин; [сост., вступ. ст. А. Пескова]. – М. : Художественная литература, 1987. – 2 т.
59. Зотов, Р. М. Исторические очерки царствования Николая I / Р. М. Зотов. – СПб., 1859. – [2], 98 с.
60. Зотов, Р. М. Театральные воспоминания. Автобиографические записки Р. Зотова. / Р. М. Зотов. – СПб., 1859. – 120 с.
61. Кайданов, И. К. Освобождение Швеции от тиранства Христиана II, короля датского // Сын Отечества. – 1812. – Ч. 2, X. – С. 143-158.
62. Карнович, Е. П. На высоте и на доле. (Царевна Софья Алексеевна). / Е. П. Карнович. – СПб., 1897. – 344 с.
63. Костомаров, Н. И. Иван Сусанин. Историческое исследование. // Отечественные записки.– 1862. – № 2. – С. 720-738.
64. Крылов И. А. Волк на псарне // Сын отечества. – 1812. – Ч. 1.– I. – С.73-74.
65. Лажечников, И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. / Иван Иванович Лажечников; [сост., вступит. ст., прим. Н. Г. Ильинской]. – М. : Советская Россия, 1989. – 528 с.

66. Ламанский, В. И. Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер. // День. – 1862. – № 28.
67. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. / Михаил Юрьевич Лермонтов; [ред. колл.: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро, Т. П. Голованова, Л. Н. Назарова, И. С. Чистова]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979–1981. – 4 т.
68. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым : в 5 т. / Н. С. Тихонравов. – М., 1859-1863. – 5 т.
69. Масальский, К. П. Стрельцы : ист. роман. Ч. 1-4 / К. П. Масальский. – М., 1861. – 4 т.
70. Мельников, П. И. Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская // Русский вестник. – 1867. – №№ 69, 70.
71. Мельников, П. И. Предание о судьбе Таракановой. // Северная пчела. – 1860. – № 39.
72. Менцов, С. Троице-Сергиева Лавра и Кузьма Минин Сухорукий. // Чтение для солдат. – 1847. – Кн. 4. – С. 31-38.
73. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Николай Алексеевич Некрасов; [редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др.]. – Л. : Наука, 1981-2000. – 15 т.
74. Нестор. : Руския летописи на древле-славенском языке / Сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлёцером, надворным советником, доктором и профессором Гёттингскаго университета и кавалером ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4 степени ; Перевел с немецкаго Дмитрий Языков, член С. Петербургскаго общества любителей наук, словесности и художеств. Ч. 1 : [Руский времянник на древле-славенском языке. Переведенный и объясненный. Вступление в рускую историю, до пришествия Рурика в 862 году] – СПб., 1809. – [6], 8, 13-15, [1], XLI, [1], 175, [1], 475, [3] с.
75. Островский, А. Н. Василиса Мелентьевна. Драма в пяти действиях. // Вестник Европы. – 1868. – № 2. – С. 431-521.

76. Островский, А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / Александр Николаевич Островский; [под общ. ред. Г. И. Владыкина и др.; вступит. статья А. Салынского]. – М. : Искусство, 1973-1980. – 12 т.
77. Переписка А. С. Пушкина : в 2 т. / Александр Сергеевич Пушкин; [ред. колл.: В. Э. Вацуро и др.; сост. и коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, И. Б. Мушиной, М. А. Турьян]. – М. : Худож. литература, 1982. – 2 т.
78. Погодин, М. П. Суд над царевичем Алексеем. // Русская беседа. – 1860. – № 1. – С. 1-110.
79. Полевой, Кс. А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. / Кс. А. Полевой. – СПб., 1888. – [4], VIII, 588 с.
80. Полевой, Н. А. История русского народа : в 6 т. / Н. А. Полевой. – М., 1829-1833. – 6 т.
81. Полевой, Н. А. Кузьма Минич Сухорукой, избранный от всей земли русския человек. Чтение на торжественном акте Московской практической коммерческой академии, июля 10-го дня, 1833 г. / Н. А. Полевой. – М., 1833. – 29 с.
82. Полферов, Я. Я. Из воспоминаний о Д. Л. Мордовцеве. // Исторический вестник. – 1906. – № 2. – С. 608-613.
83. Пушкин, А. С. Борис Годунов : (Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве) / Александр Сергеевич Пушкин; [вступит. ст. П. О. Морозова]. – СПб., 1910. – 121 с.
84. Пушкин, А. С. Борис Годунов / Александр Сергеевич Пушкин; [предисл., подгот. текста С. А. Фомичева; коммент. Л. М. Лотман]. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. – 543 с.
85. Пушкин, А. С. Капитанская дочка / Александр Сергеевич Пушкин; [отв. ред. Г. П. Макогоненко]. – 2-е изд. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 319 с.
86. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Александр Сергеевич Пушкин; [текст проверен и прим. сост. Б. В. Томашевским]. – 4-е изд. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1977-1979. – 10 т.
87. Пыпин, А. Н. Мои заметки // Вестник Европы. – 1905. – № 2. – С. 474-475.

88. Русская историческая повесть первой половины XIX века / [Сост. В. Т. Башкирова; вступ. ст. Н. Е. Носова; ком. Н. Е. Носова, С. Н. Носова]. М. : Правда, 1986. – 768 с.
89. Салиас, Е. А. Собрание сочинений : в 2 т. / Евгений Андреевич Салиас; [вступ. ст. и комм. Ю. Беяева]. – М. : Художественная литература, 1992. – 2 т.
90. Семевский, М. И. Восстания и казни стрельцов в 1698 г. : рассказ очевидца И. Г. Корба // Отечественные записки. – 1861. – № 5. – С. 103-131.
91. Семевский, М. И. Слово и дело. Рассказы из времен Петра I. // Светоч. – 1861. – №№ 1 и 3.
92. Семевский, М. И. Странники царевича Алексея // Библиотека для чтения. – 1861. – №№ 5, 6.
93. Семевский, М. И. Царица Прасковья. Очерк из русской истории. // Время. – 1861. – №№ 2–5.
94. Соловьев, Вс. С. Собрание сочинений : в 8 т. – / Всеволод Сергеевич Соловьев. – М. : «Бастион», 1996. – 8 т.
95. Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. / Владимир Сергеевич Соловьев; [вступ. ст. В. Ф. Асмуса; сост. и подг. текста Н. В. Котрелева; прим. Н. В. Котрелева и Е. Б. Рашковского]. – М. : Правда, 1989. – 2 т.
96. Список по старшинству всех русской службы генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, с означением времени их производства, увольнения от службы и кончины. // Журнал для чтения воспит. военно-учебных заведений. – 1839. – Т. 18. № 72. – С. 505-509.
97. Струве В.Я. Поход Дария в Скифию // Сын Отечества. 1811. Ч. 1, I. С. 125-140.
98. Татищев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование : в 2 т. / С. С. Татищев. – СПб., 1911. – 2 т.
99. Тихонравов, Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола. // Русский вестник. – 1865. – Т. 59. – С. 5-36.

100. Толстой, А. К. Собрание сочинений : в 4 т. / Алексей Константинович Толстой; [вступит. ст., подг. текста и прим. И. Ямпольского]. – М. : Художественная литература, 1964. – 4 т.
101. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Лев Николаевич Толстой; [под общ. ред. В. Г. Черткова]. – М., Л. : Гос. изд-во, 1928–1964. – 90 т.
102. Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: тексты, статьи, комментарии. – СПб. : Издательство «Пушкинский дом», 2010. – 296 с.
103. Тур, Е. Семейство Шалонских : Из семейной хроники. / Е. В. Салиас-де-Турнемир. – СПб., 1880. – [8], 158, [1] с.
104. Фигнер, В. Н. Полное собрание сочинений : в 6 т. / Вера Николаевна Фигнер. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928-1930. – 6 т.
105. Фидлер, Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер; [подгот. К. Азадовский]. – М. : НЛО, 2008. – 861, [2] с.
106. Франко, І. Зібрання творів : у 50-ти томах. / Іван Якович Франко; [ред. кол.: І. І. Басс, М. Д. Бернштейн ; гол. редкол.: Є. П. Кирилук]. – Київ : Наукова думка, 1981. – 50 т.
107. Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. / Петр Яковлевич Чаадаев; [отв. ред. и автор вступ. статьи З. А. Каменский]. – М. : Наука, 1991. – 2 т.
108. Ширинский-Шихматов, С. А. Песнь россиянина на новый 1813 год // Чтения в Беседе любителей русского слова. – 1813. – Т. 11. – С. 1-17.
109. Шмидт, В. В. Патриарх Никон. Труды. / [Научн. исслед., подг. док. к изд., сост. и общ. ред. В. В. Шмидта]. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 1264 с.

Научная и критическая литература

110. [Б/п]. Наносная беда. Историческая повесть Д. Л. Мордовцева. СПб., 1879. // Дело. – 1879. – № 6. – С. 80-87.

111. [Б/п]. Несколько общих слов о новом историческом романе: «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Соч. М. Загоскина. // Отечественные записки. – 1830. – Ч. 1. – № 117. – С. 166-170.
112. [Б/п]. Соловецкое сиденье. Историческая повесть из времен начала раскола на Руси, Д. Мордовцева, М. 1880 г. – Великий раскол. Исторический роман в 2-х ч., его же. СПб., 1881. // Вестник Европы. – 1881. - № 8. – С. 887-892.
113. [Воейков А. Ф.] Историческое и критическое обозрение Российских Журналов, выходивших в свет в прошлом, 1820 году. // Сын отечества. – 1821. – № 1. – С. 1-17.
114. [Еголин А. М.] Некрасов в русской критике / [Сост. А. М. Еголин]. – [М.] : Гослитиздат, 1944. – 212 с.
115. [Мерзляков А. Ф.]. Димитрий Донской, трагедия в 5 актах, в стихах, соч. г-на Озерова. // Вестник Европы. – 1811. – № 4.
116. [Чернышевский Н. Г.]. Сочинения Пушкина. <...> Изд. П. В. Анненкова. Тома I и II. СПб. 1855. Статья вторая. // Современник. – 1855. – Т. 1. – № 3. – С. 1-34.
117. S. S. [Шашков С. С.] Историки-романисты и историки-журналисты // Дело. – 1879. – № 12. – С. 252-273.
118. А. [Авсеенко В. Г.] Художественное изучение раскола // Русский вестник. – 1874. – № 1. – С. 352-378.
119. А. П. М. [Милюков А. П.] Престол и монастырь. Исторический роман в двух частях, из русских летописей 1682-1689 гг. П. Полежаева. СПб, 1880. // Исторический вестник. – 1880. – № 3.– С. 642-644.
120. Агашина, Е. Н. Раскольники и «Наполеоновы» (К теме Раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4. – С. 98-101.
121. Алафаев, А. А. Реформа или революция? (Русский либерализм и народничество на рубеже 1870–1880 гг.) : учебное пособие для преподавателей, аспирантов и студентов / А. А. Алафаев. – М. : МПУ, 1998. – 164 с.

122. Алексеев, П. П. Цивилизационный феномен романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 124–145.
123. Альтшуллер, М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов / М. Г. Альтшуллер. – СПб.: Академический проект, 1996. – 336 с.
124. Андреев, В. В. Раскол и его значение в русской народной истории. / В. В. Андреев. – СПб., 1870. – [VIII], 416 с.
125. Аникеев, Т. Е. Д. Л. Мордовцев и Н. И. Костомаров как историки народных движений в России // Мир культуры: актуальные проблемы методологии теории и истории культуры, сб. науч. ст. [под ред. С. И. Реснянского]. – М. : МГУС, 2005. – С. 181-193.
126. Антонов, В. Ф. Революционное народничество : пособие для учителей / В. Ф. Антонов. – М. : Просвещение, 1965. – 265 с.
127. Аристов, Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны / Н. Я. Аристов. – Варшава, 1871. – [314] с.
128. Аристов, Н. Я. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855-1880) // Исторический вестник. – 1880. – Т. 1. – С. 665-680.
129. Батюшков, Ф. Д. Пушкин и Расин : («Борис Годунов» и «Athalie») / Ф. Д. Батюшков. – СПб., 1900. – [2], 34 с.
130. Бахтин, М. М. Собрание сочинений [В 7 т.] / Михаил Михайлович Бахтин. – М. : Рус. словари, 1996-2012. – 6 т.
131. Бахтина, О. Н., Заславский Г. А. Проблема историзма в русской исторической трагедии XVIII в. («Дмитрий Самозванец» А. П. Сумарокова и «Рослав» Я. Б. Княжнина) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 312. – С. 7-12.
132. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Виссарион Григорьевич Белинский; [ред. колл.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1953-1959. – 13 т.

133. Бельчиков, Н. Ф. Народничество в литературе и критике / Н. Ф. Бельчиков. – М. : Сов. литература, 1934. – 243 с.
134. Богучарский, В. Я. Активное народничество семидесятых годов / В. Я. Богучарский. – М., 1912. – 383 с.
135. Бонди, С. М. О Пушкине: Статьи и исследования / С. М. Бонди – М. : Худож. лит., 1978. – 477 с.
136. Бочаров, С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир» / С. Г. Бочаров. – М. : Худож. лит., 1987. – 158 с.
137. Боченков, В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество / В. В. Боченков. – Ржев: Маргарит, 2008. – 347 с.
138. Боченков, В. В. Творчество П. И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской литературе XIX века : дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Боченков Виктор Вячеславович. – М., 2005. – 179 с.
139. Буганов, В. И. Московские восстания конца XVII века / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1969. – 439 с.
140. Буренин, В. П. Два слова об историческом романе на отечественной почве // Новое время. – 1879. – № 1161.
141. Ванслов, В. В. Эстетика романтизма / В. В. Ванслов.– М. : Искусство, 1966. – 397 с.
142. Вацуру, В. Э. Лермонтов и Марлинский // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1964. / Отв. ред. У. Р. Фохт.– М.: Наука, 1964. – С. 341-363.
143. Введенский, А. И. Современные литературные деятели. Граф Евгений Андреевич Салиас // Исторический вестник. – 1890. – № 8. – С. 380-399.
144. Вершинина, Н. Л. Русская беллетристика 1830-1840-х годов (проблемы жанра и стиля) / Н. Л. Вершинина. – Псков, 1997. – 180 с.
145. Виноградов, В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ответственный ред. Малышев В. И. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – [Т.] XIV. – С. 371-379.

146. Виноградов, В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. – Пг. : Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. – [Ч.] I. – С. 195–293.
147. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Гос. изд-во Худож. литературы, 1959. – 656 с.
148. Вишневская, И. Л. Аплодисменты в прошлое: Сумароков и его трагедии / И. Л. Вишневская. – М. : Изд-во Литературного инст-та им. А. М. Горького, 1996. – 262 с.
149. Волошин, М. А. Суриков / М. А. Волошин. – Л. : Художник РСФСР, 1985. – 145 с.
150. Воробьева, С. А. Антропоцентризм русской философии истории XIX века // Вестник СПбГУ. Серия 6. Вып. 4. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 197-202.
151. Воронин, В. Е. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х середина 80-х гг. XIX в.) / В. Е. Воронин. – Москва : Изд-во Спутник+, 2010. – 219 с.
152. Восстание в Москве 1682 года: сборник документов / АН СССР, Ин-т истории СССР; [Сост. канд. ист. наук Н. Г. Савич; отв. ред. д. ист. н. В. И. Буганов]. – М. : Наука, 1976. – 348 с
153. Вяземский, П. А. Сочинения: в 2 т. / Петр Андреевич Вяземский; [сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. М. И. Гиллельсона]. – М. : Худож. литература, 1982. – 2 т.
154. Гаркави, А. М. Н. А. Некрасов и революционное народничество / А. М. Гаркави. – М.: Высшая школа, 1962. – 57, [2] с.
155. Гаршин, В. М. Сочинения / В. М. Гаршин; [вступ. ст., ред. и коммент. Ю. Г. Оксмана]. – Изд. 2-е. – М., Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1934. – 358, [1] с.
156. Гаршин, Е. М. Критические опыты / Е. М. Гаршин. – СПб., 1888. – 266 с.
157. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. / М. Н. Гернет. – М. : Госюриздат, 1941-1961. – 5 т.

158. Глинский, Б. Б. Литературная деятельность Д. Л. Мордовцева (По поводу ее пятидесятилетия) // Исторический вестник. – 1905. – № 2. – С. 579-608.
159. Головин, К. Ф. (Орловский). Русский роман и русское общество / К. Ф. Головин. – Изд. 2-е. – СПб., 1914. – 520 с.
160. Головин, К. Ф. Мои воспоминания: в 2 т. / К. Ф. Головин. – СПб., 1908-1910. – 2 т.
161. Грачева, А. А. А. Ф. Вельтман и В. Ф. Одоевский как писатели- "энциклопедисты" // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2. – С. 125-129.
162. Григорьев, А. А. Литературная критика / А. А. Григорьев; [сост., вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова]. – М. : Худ. лит-ра, 1967. – 631 с.
163. Грифцов, Б. А. Теория романа / Б. А. Грифцов; [вступ. ст. и комм. Т. В. Соколовой]. – М. : Совпадение, 2012. – 222, [1] с.
164. Груздев, А. И. Декабристский цикл поэм Н. А. Некрасова: курс лекций / А. И. Груздев. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. – 137, [1] с.
165. Гудзий, Н. К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк / Н. К. Гудзий – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Худож. лит., 1960. – 215 с.
166. Дельвиг, А. А. Сочинения / А. А. Дельвиг; [сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацура]. – Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1986. – 470, [1] с.
167. Демин, А. С. О художественности древнерусской литературы / А. С. Демин. – М. : Языки рус. культуры : Кошелев, 1998. – 847 с.
168. Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. / Николай Александрович Добролюбов; [под общ. ред. Б. И. Бурсова; вступ. статья В. В. Жданова]. – М., Л. : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1961-1964. – 9 т.
169. Дубенский, Д. Н. Объяснение одного места в летописи Нестора // Атеней. – 1828. – Ч. II. – № 6, – с. 142-146.
170. Елистратова, А. А. Байрон / А. А. Елистратова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 264 с.

171. Жирмунский, В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – [Вып.] 3. – С. 66-103.
172. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. / В. М. Жирмунский; [ответ. ред. Ю. Д. Левин, Д. С. Лихачев; вступ. ст. Д. С. Лихачев]. – Л. : Наука, 1977. – 407 с.
173. Жуковский, В. А. Собрание сочинений: в 4 т. / Василий Андреевич Жуковский; [вступ. ст., И. М. Семенко; подг. текста и примеч. В. П. Петушкова]. – М., Л. : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1959-1960. – 4 т.
174. Захарова, О. В. Былина в русском тезаурусе: история слова, термина, категории // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – с. 268-275.
175. Золотоносов, М. Н., Калиновский, Ю. Ю., Овчаров, О. И. Бронзовый век: Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда–Петербурга, 1985–2003 гг. / М. Н. Золотоносов, Ю. Ю. Калиновский, О. И. Овчаров. – Изд. 2-е., перераб. и доп. – СПб. : Новый мир искусства, 2010. – 784 с.
176. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: в 2 т. / Иванов-Разумник Р. В.– Изд. 4-е. – СПб. 1914. – 2 т.
177. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: в 3 т. / Иванов-Разумник Р. В.; [подгот. текста, послесл. и примеч. И. Е. Задорожнюка, Э. Г. Лаврик]. – М. : Республика, 1997. – 3 т.
178. Ивнв. Дм. [Иванов Д.] Замечания на трагедию: Ермак. (Письмо к Издателю) // Вестник Европы. – 1807. – № 5. – Ч. XXXII. – С. 46-47.
179. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М. : Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2012. – 551, [1] с.
180. История русской литературы: в 4 т. / [Редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.), А. С. Бушмин, Е. Н. Куприянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К. Д. Муратова]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980-1983. – 4 т.

181. Кареев, Н. И. Философия истории в русской литературе / Н. И. Кареев. – 2-е изд. – М. : URSS, 2011. – 236 с.
182. Кеменов, В. С. Историческая живопись Сурикова. 1870-1880-е гг. / В. С. Кеменов. – М. : Искусство, 1963. – 507 с.
183. Кимова, Л. Х. «Сожженная Москва» и «Война и мир»: традиции Льва Толстого в романе Г. П. Данилевского // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Филология. – 1984. – № 1. – С. 44–49.
184. Кимова, Л. Х. Г. П. Данилевский – исторический романист : дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / Кимова Лилия Хазретовна – М., 1981. – 220 с.
185. Кимова, Л. Х. Исторический роман Г. П. Данилевского «Мирович» / Л. Х. Кимова. – Нальчик : КБГУ, 1979. – 62 с.
186. Клейн, Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. / Л. С. Клейн. – СПб. : Евразия, 2009. – 395, [4] с.
187. Кожурин, К. Я. Боярыня Морозова / Кирилл Кожурин. М. : Молодая гвардия, 2012. – 380, [4] с.
188. Кожурин, К. Я. Протопоп Аввакум / Кирилл Кожурин. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 364, [4] с.
189. Кондаков, Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. : дис. ... д-ра филолог. наук : 10.01.01 / Кондаков Борис Вадимович. – Екатеринбург, 1997. – 494 с.
190. Коровин, В. Л. Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества» // Известия РАН: Серия литературы и языка. – 2012. – № 6. – С. 42-52.
191. Костелянец, Б. О. Драма и действие: лекции по теории драмы / Б. О. Костелянец; [сост. и вступ. ст. В. И. Максимова]. – М. : Совпадение, 2007. – 501, [1] с.
192. Костомаров, Н. И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. – 1871. – № 4. – С. 469-480.
193. Красникова, М. Н. Актуализация фольклорной традиции и решение исторических проблем современности в романе А. К. Толстого «Князь

Серебряный» // Вопросы науки и современной практики. – 2011. – № 1. – С. 351-359.

194. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов / [Под ред. док. истор. наук Окуня С. Б. и док. истор. наук К. В. Сивкова]. – М. : Издательство социально-экономической литературы, 1963. – 882 с.

195. Крылов, И. З. Очерк жизни и литературных трудов Н. А. Полевого / И. З. Крылов. – М., 1849. – 120 с.

196. Кудреватых, А. Н. Формирование жанра исторической повести в прозе Н. М. Карамзина // Филологический класс. – 2012. – № 1. – С. 26-30.

197. Л. Н. Толстой: pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке рус. мыслителей и исследователей : антология. / [Сост.: К. Г. Исупов]. – СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 981 с.

198. Л. Н [Ларош Г. А.] Заметки. Что требуется от историка // Русский вестник. – 1870. – № 9. – С. 355-362.

199. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России. 1700-1740. / А. С. Лавров. – М. : Древлехранилище, 2000. – 572 с.

200. Лебедев, Ю. В. «О слово русское, родное!» Страницы истории отечественной литературы : сб. науч. ст. / Ю. В. Лебедев. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – 512 с.

201. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси. / Д. С. Лихачев; [отв. ред. С. О. Шмидт]. – Изд. 3-е. – М. : Наука, 2006. – 202 с.

202. Лотман, Ю. М. Карамзин : [сборник] / Ю. М. Лотман; [вступ. ст. Б. Ф. Егорова]. – СПб. : Искусство-СПБ, б/г. [1997]. – 829 с.

203. Ляпина, С. М. Композиционные особенности образа царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // Philologos. – 2012. – № 3. – С. 42-48.

204. Ляпина, С. М. Роман Вс. С. Соловьева «Царь-девица» в контексте авторского и национального мирообраза : дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / Ляпина Светлана Митрофановна. – Елец, 2014. – 191 с.

205. Ляпина, С. М. Специфика фольклорно-мифологических мотивов в романе Вс. С. Соловьева «Царь-Девица» // Studia Humanitatis. – 2014. – № 4. –

Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/lyapina-sm-specifika-folklornomifologicheskikh-motivov-v-romane-vs-s-soloveva-car-devica>.

206. Макарий [Булгаков М. П.]. История русского раскола, известного под именем старообрядства / М. П. Булгаков. – СПб., 1855. – [4], 368, VIII с.
207. Макарий [Булгаков М. П.]. История русской церкви / М. П. Булгаков – Кн. 3. – СПб., 1883. – [6], XXVI, 792 с.,
208. Малкова, Т. Ю. Полигенетичность демонических образов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» : дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / Малкова Татьяна Юрьевна. – Кострома, 2012. – 236 с.
209. Манн, Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма / Ю. В. Манн. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 518 с.
210. Матвеев, В. М. Своеобразие исторической прозы графа Салиаса. Роман «Пугачевцы» // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 12. – С. 310-315.
211. Межуев, В. М. Идея культуры : очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 406, [1] с.
212. Мещерякова, Л. А. Исторические романы Д. Л. Мордовцева (проблемно-исторический и художественный аспект) : дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / Мещерякова Лариса Александровна. – Пенза, 1995. – 157 с.
213. Миллер, О. Ф. Пушкинский вопрос // Русская мысль. – 1880. – № 12. – С. 1-40.
214. Миллюков, А. П. Семейство Шалонских. Из семейной хроники. Евгении Тур. С.-Петербург, 1880 г. // Исторический вестник. – 1880. – № 4. – С. 872-873
215. Мирский, Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. / Д. С. Мирский; [пер. с англ. Р. Зерновой]. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – с. 882.
216. Михайловский, Н. К. Сочинения: в 6 т. / Николай Константинович Михайловский. – Изд. 4-е. – СПб., 1906. – 6 т.
217. Момот, В. С. Д. Л. Мордовцев – писатель-демократ : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Момот Виктор Семенович. – М., 1984. – 240 с.

218. Момот, В. С. Даниил Лукич Мордовцев : очерк жизни и творчества. / В. С. Момот. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1978. – 125 с.
219. Морозов, Н. Г. Традиции древнерусских повестей первой половины XVII века в драмах А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Тушино» // А. Н. Островский в новом тысячелетии. Материалы научно-практической конференции 15-16 апреля 2003 года, Кострома. / [Отв. ред. Ю. В. Лебедев]. – Кострома, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. – С. 34-37.
220. Морозова, Я. Е. Художественный образ истории и способы его репрезентации в романе М. Н. Загоскина «Брынский лес» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9. Ч. 1. – С. 118-122.
221. Морохин, А. В., Кузнецов А. А. Кузьма Минин: факты и легенды // Смутное время в России: Конфликт и диалог культур: Материалы научной конференции, С.-Петербург, 12-14 октября 2012 г. – СПб., 2012. – 207-211.
222. Мякотин, В. А. Протопоп Аввакум : его жизнь и деятельность / В. А. Мякотин. – СПб., 1894. – 160 с.
223. Недзвецкий, В. А. История русского романа XIX века. Неклассические формы : курс лекций / В. А. Недзвецкий. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова; Sterlitaмак : Sterlitaмакская гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2010. – 143 с.
224. Никольский, Е. В. «Бунташный век» и галантное столетие в романах Всеволода Соловьева (проблемы жанра, метода, аскиологии) : монография / Е. В. Никольский. – Минск : Изд. В. Хурсик, 2013. – 228 с.
225. Никольский, Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции : дис. ... док. филолог. наук : 10.01.01 / Никольский Евгений Владимирович. – Тверь, 2014. – 547 с.
226. Никульшина, Е. В. К вопросу об исторической беллетристике 1820-1880-х гг. как метатекстовом явлении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 10. – с. 105-108.
227. Никульшина, Е. В. Особенности историзма романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Известия ВГПУ. – 2008. – № 10. – С. 156-160.

228. Никульшина, Е. В. Роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» в историко-литературном контексте первой половины XIX века : дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / Никульшина Елена Вячеславовна. – Волгоград, 2002. – 166 с.
229. Никульшина, Е. В. Феномен самозванства в романе Е. А. Салиаса де Турнемира «Принцесса Володимерская» // Известия ВГПУ. – 2013. – № 6. – С. 126-130.
230. Носков, Н. Д. Народничество / Н. Д. Носков; [под ред. проф. И. И. Иванюкова]. – СПб., 1906. – 40 с
231. Овчинина, И. А. Человек и история в драматической хронике «Тушино» // А. Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 2. – Шуя, 2008. – С. 32-39.
232. Овчинина, И. А., Фаркова Е. Ю. Драматургия А. Н. Островского в контексте русской журналистики 1840-1880-х гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 70. – С. 784-803.
233. Овчинников, Р. В. О Елагиных и Харловых из пушкинской «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Т. 12. – С. 351-356.
234. Окишева, К. А. Ф. М. Достоевский и О. Ф. Миллер: история взаимоотношений // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 5. – С. 81-86.
235. Окр-ц [Окрейц С. С.]. Отживающие русские Вальтер-Скотты. Рец. на кн.: Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. – Санкт-Петербург, 1870. // Дело. 1870. – № 6. – С.32-46.
236. Окр-ц [Окрейц С. С.]. Политические движения русского народа. – Гайдамачина. Соч. Д. Мордовцева. СПб, 1870. // Дело. – 1870. – № 8. – С. 34-56.
237. Оксман, Ю. Г. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 222–242.
238. Окулов, Н. Н. Русская женщина в поэзии Н. А. Некрасова. Публичная лекция. / Н. Н. Окулов. – Харьков, 1903. – 45 с.

239. Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. / [Ред. колл.: Л. Д. Дергачева, Л. В. Кошман (руководитель проекта), Д. В. Сарабьянов, Е. К. Сысоева, И. Л. Федосов, В. А. Федоров]. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 384 с. – 6 т.
240. П. Щ. [Щебальский П.]. Два слова г. Мордовцеву // Русский вестник. – 1871. – № 4. – с. 750-745.
241. Панченко, А. М. Боярыня Морозова – символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой / Подготовка текстов и исследование А. И. Мазунина. – Л. : Наука, 1979. – С. 3-14.
242. Паскаль, П. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пьер Паскаль; [пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. пер. Е. М. Юхименко]. – М. : Знак, 2010. – 680 с.
243. Петр Великий: pro et contra. / [Предисл. Д. К. Бурлаки, Л. В. Полякова, А. А. Кара-Мурзы, послесл. А. А. Кара-Мурзы, коммент. С. Н. Казакова, К. Е. Нетужилова]. – СПб. : РХГИ, 2003. – 1024 с.
244. Петров, С. М. Исторический роман А. С. Пушкина / С. М. Петров. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 157, [2] с.
245. Петров, С. М. Русский исторический роман XIX века / С. М. Петров. – 2-е изд. – М.: Худ. лит-ра, 1984. – 374 с.
246. Погодин, М. П. История русского народа соч. Н. Полевого. Том I. Москва. В тип. Л. Семена, 1829 в малую 8-ку LXXXII. 368. VII. 14. // Московский вестник. – 1830. – № II. – С. 165-190.
247. Погодин, М. П. Критическое рассуждение об издании русских летописей. // Московский телеграф. – 1825. – Ч. 1. – № 1, с. 67-76; – № 2, с. 132-141; – № 3, с. 228-248.
248. Подосокорский, Н. Н. Наполеоновская тема в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Диалог культур: Россия – Запад – Восток: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения», 12-14 мая 2009 года. – Москва–Ярославль, 2009. – С. 210-212.

249. Полевой, Н. А. Литературная критика: ст. и рец., 1825-1842 / Н. А. Полевой, Кс. А. Полевой; [сост., вступ. ст. и коммент. В. Березиной, И. Сухих]. – Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1990. – 588,[1] с.
250. Полевой, П. Н. Историк-идеалист <Н. И. Костомаров> // Исторический вестник. – 1891. – № 2. – С. 501-520.
251. Пономарева, М. Г. История Суздальско-нижегородского княжества в летописях и литературе (на материале Н. А. Полевого) // Вестник ТГГПУ. – 2012. – № 4. – С. 47-51.
252. Понырко, Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1985. – Т. XXXIX. – С. 379–387.
253. Правдин. Старообрядчество в произведениях Мордовцева // Церковь. 1908. – № 49, ст. 1508-1510; – № 50, с. 1540-1542.
254. Прокофьева, Е. А. Мифопоэтика и динамика жанра русской исторической драмы XVII – XIX веков: барокко – романтизм : монография / Е. А. Прокофьева; [под науч. ред. док. филолог. наук, проф. В. А. Гусева]. Днепропетровск : Пороги, 2011. – 616 с.
255. Проскурина, Ю. М. Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 года в русской литературе и литературной критике // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 258-260.
256. Пыпин, А. Н. Общественное движение в России при Александре I : ист. очерки / А. Н. Пыпин. – Изд. 2-е, доп. – СПб., 1885. – VIII, 543 с.
257. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов: в 2 т. – М.;Л., 1964-1965. – 2 т.
258. Реизов, Б. Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1971. – Т. XXX. Вып. 4. – С. 306–311.
259. Реизов, Б. Г. История и теория литературы: сборник статей. / Б. Г. Реизов. – Л. : Наука [Ленингр. отд-ние], 1986. – 319 с.

260. Реизов, Б. Г. Творчество Вальтера Скотта / Б. Г. Реизов – М., Л. : Художественная литература, 1965. – С. 497.
261. Реизов, Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. / Б. Г. Реизов. – Л. : Государственное изд-во худож. литературы, 1958. – 568 с.
262. Романова, О. Симбіоз протонародної та книжної культури в повсякденних практиках жителів Гетьманщини XVIII ст. // Повсякдення ранньомодерної України. іст. студії: в 2 т. / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. - Київ : [Ін-т історії України], 2012-2013. – С. 239-270.
263. Сажин, Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70-80-е гг. XIX века) : дис. канд. истор. наук : 07. 00. 02 / Сажин Борис Борисович. – М., 2005. – 411 с.
264. Сакулин, П. Н. Русская литература после Пушкина : лекции, чит. в 1911-1912 г. на Высш. жен. курсах. / П. Н. Сакулин. – М., 1912.– 242 с.
265. Салтыков-Щедрин, М. Е. [Б/п]. Новые русские люди. Роман Д. Мордовцева // Отечественные записки. – 1870. – №. 7. – С. 46-49.
266. Свалов, А. Н. О трагедии Н. В. Станкевича «Василий Шуйский» // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 111-116.
267. Серман, И. З. Художественная проблематика и композиция поэмы «Полтава» // А. С. Пушкин. Статьи и материалы. Ученые записки. – Вып. 115. – Горький : ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1971. – С. 25-40.
268. Сиповский, В. В. Пушкин и романтизм // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – Пг., 1916. – Вып. 23/24. – С. 223-280.
269. Сиповский, В. В. Русский исторический роман первой половины XIX ст. Тезисы. / В. В. Сиповский. – Л., 1926. – 6 с.
270. Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы. 1848-1903 гг. / А. М. Скабичевский. – 5-е изд. – СПб., 1903. – VIII, 504 с.
271. Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания / А. М. Скабичевский. – [М.] : Аграф, 2001. – 430, [1] с.

272. Скабичевский, А. М. Сочинения: в 2 т. / Алексей Михайлович Скабичевский. – Изд. 2-е. – СПб, 1895. – 2 т.
273. Сливицкая, О. В. "Истина в движенъи". О человеке в мире Л. Толстого / О. В. Сливицкая. – СПб. : Амфора : Издание О. В. Седова, 2009. – 442, [1] с.
274. Сокальский, П. П. «Мирович» Исторический роман в 3-х частях Г. П. Данилевского 1880 г. Изд. Тип. М. Стасюлевича, в СПб // Русская мысль. – 1880. – № 11. – С. 10-14.
275. Соколов, Н. Н. Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики // Русская старина. – 1894. – № 2, с. 191-209; – № 3, с. 164-192.
276. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 11. Ст. 209.
277. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен: в 29 т. / Сергей Михайлович Соловьев. – Москва : Унив. тип., 1851-1879. – 29 т.
278. Сорочан, А. Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев. / А. Ю. Сорочан. – Тверь : Марина, 2007. – 220 с.
279. Сорочан, А. Ю. Зверь Апокалипсиса и другие замечательные животные: бестиарии в русской исторической прозе XIX века // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве : сб. статей. – М. : Intrada, 2012. – С. 24-30.
280. Сорочан, А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века : дис. ... док. филолог. наук : 10.01.01 / Сорочан Александр Юрьевич. – Тверь, 2008. – 400 с.
281. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / Ричард Стайтс; [пер. с англ. И. А. Школьниковой, О. В. Шныровой]. – М. : РОССПЭН, 2004. – 614, [1] с.
282. Степанов, Н. Н. Исторические воззрения А. С. Пушкина. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде. / Н. Н. Степанов. – Л. : Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, 1949. – 51 с.
283. Субботин, Н. А. Историк-беллетрист // Русский вестник. – 1881. – № 5. – С. 149-216.

284. Тарасов, Б. Н. Человек и история в русской религиозной философии и художественной литературе : сборник статей / Б. Н. Тарасов. – М.: Кругъ. 2008. – 936 с.
285. Тархов, М. А. Шаткие пункты современного реализма (Язык физиологов и психологов. Ст. П. Юркевича) // Библиотека для чтения. – 1863. – Т. 175. – С. 78-110, 249-286.
286. Тихонравов, Н. С. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола // Русский вестник. – 1865. – Т. 59. – С. 5-36.
287. Ткачев, П. Н. Сочинения: в 2 т. / Петр Никитич Ткачев [общ. ред. А. А. Галактионова; вступ. ст. В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова; сост. и примеч. Б. М. Шахматова]. – М. : Мысль, 1975-1976. – 2 т.
288. Тойбин, И. М. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. – С. 35-59.
289. Тур, Е. Кто герои романа «Пугачевцы?» / Е. В. Салиас-де-Турнемир. – М., 1874. – С. 64.
290. Тюпа, В. И. «Борис Годунов» и жанровая природа трагедии // Новый филологический вестник. – 2009. – № 1. – С. 4-15.
291. Фридлиндер, Г. М. Пушкин и пути русской литературы // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), Ин-т театра, музыки и кинематографии. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. – Т. 5. – С. 17-60.
292. Хаткова, И. Н. Историческая тема в русской литературе 1830-годов и романы Ф. В. Булгарина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 1. – С. 57-62.
293. Хожение за три моря Афанасия Никитина / [Изд. подг. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов]. – Изд. 3-е. – Л. : Наука; [Ленингр. отделение], 1986. – 212 с.

294. Христофоров, И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.) / И. А. Христофоров. – М. : ООО. «ТИД Русское слово-РС», 2002. – 432 с.
295. Черная, Л. А. Придворная культура царя Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея. // Исторический вестник. – 2013. – № 3. – С. 24-47.
296. Чернышевский, Н. Г. Избранные эстетические произведения / Н. Г. Чернышевский; [авт. вступ. ст. и коммент. У. А. Гуральник]. – 2-е изд. М. : Искусство, 1978. – 560 с.
297. Чичерин, Б. Н. История политических учений / Борис Николаевич Чичерин. – 2-е изд., пересмотр. и испр. Ч. 1. – М., 1903. – 5 т.
298. Чудакова, М. О. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Встречи с книгой. Сборник. [Сост. Ю. М. Акутин]. – М. : Книга, 1979. – С. 244-300.
299. Шапиро, А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. : учеб. пособие / А. Л. Шапиро. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ассоц. «Россия» : Культура, 1993. – 761 с.
300. Шелгунов, Н. В. Литературная критика / Шелгунов Н. В.; [вступ. ст., сост. и примеч. Н. Соколова]. – Л. : Худож. литература [Ленингр. отделение], 1974. – 415 с.
301. Шелгунов, Н. С. Бесплодная нива (Мирович. Исторический роман в 3-х ч. Г. П. Данилевского. СПб. 1880; Двенадцатый год. Исторический роман в 3-х ч. Д. Л. Мордовцева. СПб. 1880). // Дело. – 1880. – № 12. – С. 41-63.
302. Шикло, А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого / А. Е. Шикло. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 223 с.
303. Шкловский, В. Б. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». / В. Б. Шкловский. – М. : Федерация, [1928]. – 249, [1] с.
304. Щалпегин, О. Н. Возвращенный писатель. К 210-й годовщине со дня рождения А. Ф. Вельтмана (1800-1870) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2010. – № 3. – С. 58-60.
305. Щапов, А. П. Земство и раскол. Вып. 1. / А. П. Щапов. – СПб., 1862. – 161 с.

306. Щапов, А. П. Русский раскол старообрядства / А. П. Щапов. – Казань, 1859. – 547 с.

307. Эйхенбаум, Б. М. О прозе: сб. ст. / Б. М. Эйхенбаум; [сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого]. – Л. : Худож. литература [Ленингр. отделение], 1969. – 503 с.

Словари, справочники, энциклопедии

308. Белова, О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики / О. В. Белова; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. – М. : Индрик, 2000. – 318 с.

309. Каталог книжного магазина «Нового времени» А. С. Суворина : с алф. указ. : 1878-1893. – СПб., 1895. – [1], III, 462 с.

310. Кожевникова, Н. А., Петрова, З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; [отв. ред. М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев]. – Вып. 1: Птицы. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 476 с.

311. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М. : Сов. Энцикл., 1962-1978. – 9 т.

312. Ламбин, П. П. Русская историческая библиография : т. 1-10 [1855-1864] / [П. Ламбин, Б. Ламбин]. – СПб., 1861-1884. – 10 т.

313. Литературная энциклопедия: в 11 т. – [М.], 1929-1939. – 11 т.

314. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / Всесоюз. кн. палата; [подгот. к печати Ю. И. Масанов; ред. Б. П. Козьмин]. – М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960. – 4 т.

315. Межов, В. И. Русская историческая библиография за 1865-1876 включительно : в 8 т. / В. И. Межов. – СПб., 1882-1890. – 8 т.

316. Межов, В. И. Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800-1854 вкл. : в 3 т. / В. И. Межов. – СПб., 1892-1893. – 3 т.

317. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Национальный общественно-научный фонд ; [науч.-ред. совет.: В. С. Степин – пред. совета и др.]. – М. : Мысль, 2010. – 4 т.
318. Русская периодическая печать : справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. – М. : Гос. изд-во политической лит., 1957-1959. – 835 с.
319. Словарь литературных типов : в 7 т. / [Ред. Н. Д. Носкова]. – Петроград : Журн. «Всходы», 1908-1914. – 7 т.
320. Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. – СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. – 86 т.

Архивные материалы

Документы, рукописи, семейные альбомы, письма Д. Л. Мордовцева и выписки из агентурных донесений о нем

321. Табели успеваемости ученика Саратовской гимназии Мордовцева Д. Л. 1844-1849. // РГАЛИ. Ф. 320. (Мордовцев Д. Л.) Оп. 1. Ед. хр. 21. 2 л.
322. Мордовцев, Д. Л. Стихотворения. Чистовые рукописи. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 394 (В. Г. Котельников). № 28. 2 л.
323. Мордовцев, Д. Л. Автобиография. Автограф. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 273 (Быков П. В.). Оп. 2. № 18. 3 л.
324. Мордовцев, Д. Л. «Мистеру Мордовцеву в Петербург». Шуточное послание от Джемса Плюмпудинга (псевдоним Мордовцева). 11 ноября 1891. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 3. 1 л.
325. Мордовцев, Д. Л. «Лепта вдовицы». Запись в альбоме Данилевского Г. П. от 11 декабря 1886 г. // ОР РНБ. Ф. 236 (Данилевский Г. П.). № 174. Л. 99.
326. Мордовцев, Д. Л. Развитие славянской идеи в Русском обществе XVII-XIX вв. «Русская старина», т. XXI, 1878 г., январь. // РО ИРЛИ. Ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»). Оп. 1. Ед. хр. 20. 10 л.
327. Мордовцев, Д. Л. «Тишайший» у меня в гостях (историческое нечто). Статья [1888]. Оттиск с авторскими поправками, карандашом. Статья

предназначалась для «Исторического вестника», 1889, янв. Т. XXXV. Запрещена цензурой. // РО РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Оп. 2. № 298. 7 л.

328. Мордовцев, Д. Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой и других лиц, достойных внимания и составленный Мордовцевым Даниилом Лукичем (псевдоним Папокосты). Выпуск II. Б/д. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 5. 21 л.

329. Мордовцев, Д. Л. Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой и других лиц, достойных внимания, составленный художником Д. Мордовцевым. Выпуск III. Б/д. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 6. 21 л.

330. Мордовцев, Д. Л. Письмо к Аксакову И. С. 1861. // РО ИРЛИ. Ф. 3 (Архив Аксаковых). Оп. 4. № 399. 2 л.

331. Мордовцев, Д. Л. Письма (3) Буренину В. П. 1893 г. // РО ИРЛИ. Ф. 36 (Буренин В. П.). Оп. 2. Ед. хр. 307. 3 л.

332. Мордовцев, Д. Л. Письмо Костомарову Н. И. Б/д. // IP НБУВ. Ф. XXII (Архив Костомарова Н. И.). № 222. 4 л.

333. Мордовцев, Д. Л. Письма (17) А. А. Краевскому. 1866-1873 гг. // ОР РНБ. Ф. 391 (Краевский А. А.). Ед. хр. 555. 20 л.

334. Мордовець, Д. Л. Лист до Ламанського В. И. 14.V.1859. // ІЛ. Ф. 24. Од. зб. 64. 4 арк. [Фотокопия автографа].

335. Мордовець, Д. Л. Лист до Ламанського В. И. 23.VI.1859. // ІЛ. Ф. 24. Од. зб. 65. 6 арк. [Фотокопия автографа].

336. Мордовець, Д. Л. Лист до Ламанського В. И. 26.VI.1859. // ІЛ. Ф. 24. Од. зб. 66. 1 арк. [Фотокопия автографа].

337. Мордовець, Д. Л. Лист до Ламанського В. И. 11.IV.1860. // ІЛ. Ф. 24. Од. зб. 71. 3 арк. [Фотокопия автографа].

338. Мордовцев, Д. Л. Письма (6) дочери, Мордовцевой В. Д. 11 сентября 1877 – 31 марта 1890. // РГАЛИ. Ф. 2567 (Оксман Ю. Г.). Оп. 2. Ед. хр. 356. 12 л.

339. Мордовцев, Д. Л. Письма (8) к дочери, В. Д. Мордовцевой (Александровой) 21 декабря 1877 – 9 сентября 1895. // РГАЛИ. Ф. 320 (Мордовцев Д. Л.). Оп. 1. Ед. хр. 10. 34 л.
340. Мордовцев, Д. Л. Письма (3) Некрасову Н. А. 1868-1870. // РО ИРЛИ. Ф. 202 (Некрасов Н. А.). Оп. 2. №. 146. 5 л.
341. Мордовцев, Д. Л. Письма (17) Нотовичу О. К. 31 января 1881 - 14 декабря 1901. // РГАЛИ. Ф. 339 (Нотович О. К.). Оп. 1. Ед. хр. 176. 23 л.
342. Мордовцев, Д. Л. Письма, записки (31) и записи на визитной карточке (2) А. Н. Пыпину. Саратов, Петербург, Ментон; 1847-1900. // ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А. Н.). Ед. хр. 565. 39 л.
343. Мордовцев, Д. Л. Письма (111) Суворину А. С. 12 октября 1875-17 января 1902. // РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А. С.). Оп. 1. Ед. хр. 2778. 117 л.
344. Мордовцев, Д. Л. Письмо Шеллеру-Михайлову А. К. Б/д. // РГАЛИ. Ф. 558 (Шеллер А. К.). Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.
345. Мордовцев, Д. Л. Письма (17) Шубинскому С. Н. 1874-1875. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.) Т. 2. Л. 90-107, 18 л.
346. Мордовцев, Д. Л. Письма (9) Шубинскому С. Н. 1876// ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 5. Л. 111-121, 9 л.
347. Мордовцев, Д. Л. Письма (4) Шубинскому С. Н. 1879. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 13. Л. 90-93, 4 л.
348. Мордовцев, Д. Л. Письма (2) Шубинскому С. Н. 1879-1880. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 16. Л. 195-196, 2 л.
349. Мордовцев, Д. Л. Письма (5) Шубинскому С. Н. 1881. // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 19. Л. 240-244, 5 л.
350. Мордовцев, Д. Л. Письмо Шубинскому С. Н. 8 октября [18]81. Л. 244 // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Оп. I. № 16. Письма к нему.
351. Мордовцев, Д. Л. Письма (2) Юрьеву С. А. 27 сентября 1871 – 6 ноября 1879. // РГАЛИ. Ф. 636 (Юрьев С. А.). Оп. 1. Ед. хр. 359. 3 л.
352. [Мордовцев, Д. Л.] Выписка из письма Мордовцева Д. из Саратова к Костомарову Н. И. в Петербург о необходимости новой программы для

человечества и совмещения науки и искусства с общественной жизнью. 5 августа 1860. // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826-1880 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 1722. 3 л.

353. [Донесение о романе Д. Л. Мордовцева «Знамения времени»] 15 января 1873 г. // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826-1880 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 2133. Агентурные донесения и записки со сведениями о литераторах Афанасьеве, Мордовцеве, Полякове, Анине, Скроботове, Вереске. Упоминается Чернышевский и его роман «Что делать». 4 мая 1872 – 23 августа 1873. 5 л.

Другие материалы

354. Аксаков, И. С. Письмо Бодянскому М. О. 14 мая 1876. // ИЛ Ф. 99. Од. зб. 99. Арк. 146 – 147.

355. Благосветлов, Г. Е. Письма (7) Данилевскому Г. П. 1856-1867. // ОР РНБ. Ф. 236 (Данилевский Г. П.). Ед. хр. 32. 8 л.

356. Данилевский, Г. П. Письмо Шубинскому С. Н. 31 июля [18]79 // ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинский С. Н.). Т. 15. Л. 55 об.

357. Данилевский, Г. П. Письмо Погодину М. П. [не позднее 1875]. // РГАЛИ. Ф. 373 (Погодин М. П.). Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 1.

358. Данилевский, Г. П. Письмо Юрьеву С. А. 9 декабря 1880. // РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 216. 2 л.

359. Костомаров, Н. И. Письмо Краевскому А. А. 19 декабря 1864. // ОР РНБ. Ф. 391 (Краевский А. А.). Ед. хр. 452. Л. 10.

360. Мордовцева-Александрова, В. Д. Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове [без конца]. Оригинал и перевод статьи на украинский язык. 26 ноября 1926. // ИР НБУВ. Ф. X. Од. зб. 17777 – 17778. 2 ед. 122 арк.

361. Соловьев, Вс. С. Письма (9) к Достоевскому Ф. М. 1872–1877. // НИОР РГБ. Ф. 93. К. 8. Ед. хр. 122. 18 л.